Зарубежная фантастика

Артур Кларк
ФОНТАНЫ РАЯ

Научно-фантастический роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИР" МОСКВА

Фонтаны рая. Научно-фантастический роман

Артур Чарльз Кларк

Аннотация
Артур Кларк. Фонтаны рая
СКАЛА И ВЕРШИНА
ПРЕДИСЛОВИЕ
Часть I. ДВОРЕЦ
1. КАЛИДАСА
2. ИНЖЕНЕР
3. ФОНТАНЫ
4. УТЕС ДЕМОНА
5. ТЕЛЕСКОП
6. ХУДОЖНИК
7. СУПЕРВОЛОКНО
8. МАЛГАРА
9. СВЕРХМОСТ
Часть II. ХРАМ
10. ЗВЕЗДОЛЕТ
11. ТЕНЬ НА РАССВЕТЕ
12. ОБУЧЕНИЕ ЗВЕЗДОЛЕТА
13. БОДХИДХАРМА
14. БЕСЕДЫ СО ЗВЕЗДОЛЕТОМ
15. ПАРАКАРМА

16. ЗОЛОТЫЕ БАБОЧКИ
17. ТАНЦУЮЩИЙ МОСТ
18. ПРИГОВОР
Часть III. КОЛОКОЛ
19. ЛУНДОЗЕР
20. ВЕРООТСТУПНИК
21. РУССКАЯ РУЛЕТКА
22. ПЕРСТ БОЖИЙ
23. СТАНЦИЯ «АШОКА»
24. ПЕРВЫЙ СПУСК
25. ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ
26. ЛЕГИОНЫ ЦАРЯ
27. ИСХОД
Часть IV. БАШНЯ
28. КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС
29. КОРА
30. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
31. ЖЕСТОКОЕ НЕБО
Часть V. ВОСХОЖДЕНИЕ
32. АЛМАЗ ВЕСОМ В МИЛЛИАРД ТОНН
33. КРАЙ БЕЗЗВУЧНЫХ ШТОРМОВ
34. КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ
35. РАНЕНОЕ СОЛНЦЕ
36. МЕТЕОР
37. СМЕРТЬ НА ОРБИТЕ
38. АВАРИЯ

39. ПЕЩЕРА В НЕБЕ
40. КАНДИДАТУРА
41. «ПАУК»
42. НАД ПОЛЯРНЫМ СИЯНИЕМ
43. НОЧЬЮ НА ВИЛЛЕ
44. НА УХАБАХ
45. РОЙ СВЕТЛЯКОВ
46. НА ПЛОЩАДКЕ
47. ВТОРОЙ ПАССАЖИР
48. ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ
49. ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
50. СТЫКОВКА
51. ВИД С БАЛКОНА
52. ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ
53. ЭПИЛОГ: ТРИУМФ КАЛИДАСЫ
От автора

Аннотация

Новый роман крупнейшего английского писателя фантаста, ученого и популяризатора науки. Основную канву романа составляет сооружение «космического лифта» для связи со спутником, находящимся постоянно над одной точкой Земли.

Артур Кларк
Фонтаны рая

Посвящаю нетленной памяти Лесли Эканаяке (13 июля 1947 г. — 4 июля 1977 г.), единственного настоящего друга всей моей жизни, в ком удивительно сочетались Преданность, Разум и Сострадание. Когда твой лучезарный и любящий дух исчезнет из этого мира, померкнет свет многих судеб. NIRVANA PRAPTO BHUYAT (Да пребудешь в нирване).

Политика и религия устарели; пришло время одухотворенности, время науки.

Джавахарлал Неру.

Послание Цейлонскому обществу распространения науки.

Коломбо, 15 октября 1962 г.

Arthur C. Clarke THE FOUNTAINS OF PARADISE

LONDON VICTOR GOLLANCZ LTD · 1979

СКАЛА И ВЕРШИНА

Теперь вершину Рамагири ты на прощанье обними.
Здесь каждый след святого Рамы благословляется людьми.

Калидаса

Стихи, выбранные мною в качестве эпиграфа для предисловия к весьма необычному роману Артура Кларка «Фонтаны рая», принадлежат индийскому поэту, о котором почти ничего не известно, кроме бессмертных творений и, разумеется, имени. Я не знаю, чем руководствовался Кларк, нарекая своего героя, царя-отцеубийцу, этим великим именем. Скорее всего смыслом, раскрывающимся в сочетании санскритских слов «Кали» и «даса» — «раб Кали», черноликой богини в ожерелье из черепов. Разве не роковая игра страстей, не темное вожделение толкнули принца на преступление, которое издавна считается самым тяжким у всех народов Земли? Вполне допустимое предположение, не правда ли? Но нет простых решений под райскими кущами Тапробана.

Все было бы гораздо яснее, если бы этику народов индостанского региона пронизывала привычная нам идея полярности добра и зла, столь характерная для культуры Запада и христианской морали.

Суть, однако, в том, что индуизм, а тем более буддизм, отрицающий богов, не знают дьявола в нашем понимании и совершенно иначе, чем это изложено в Ветхом и Новом завете, взирают как на земную жизнь, так и на посмертное существование. Требующая кровавых жертв Кали оказывается лишь одним из многих воплощений Космической Женственности, чьей другой ипостасью выступает кроткая и милостивая Парвати, нежная мать и жена. Не случайно принц-победитель оказывает телу поверженного Калидасы посмертные почести, достойные короля. Это не только акт политической дальновидности, но и дань убеждению, что человек сам творит свою карму и никакая посторонняя сила не способна помочь ему разорвать беспощадные путы причин и следствий.

Не удивительно поэтому, что и сам Кларк далеко не однозначен в своем отношении к добровольному узнику Яккагалы — Скалы демонов. Он глубоко понимает своего героя, если не сказать

больше — сочувствует, сострадает ему. Но хватит о Калидасе. Забегая вперед, скажу несколько слов о Яккагале. Здесь, как и в случае с Кали, нас может легко подвести семантическая несопоставимость. Ни в английском, ни в русском языке нет эквивалента палийскому понятию якка (yakkha), которое переводится как «демон». Но мыслим ли демон вне идеи сатаны, противостоящего богу? Нет, якки совсем не демоны (в нашем опять-таки понимании), скорее просто сверхъестественные существа, особые духи, может быть, полубоги. Что-то вроде эллинских кентавров, сатиров, дриад. И значит, нет и не будет противоречия, абсолютного, как день и ночь, между сверкающим пиком священной горы и Яккагалой — Скалой демонов. Не в противоречии, а в сложном синтезе раскрывается глубинная идея романа. И золотые мотыльки — «войско Калидасы» знаменуют в финале не победу инфернальных сил, а искупление заблудшего духа, не упадок творчества, но новый его виток над космической бездной…

В заключающих книгу страницах «От автора» есть строка, которая особенно мне близка:

«А вот еще одно необычайное совпадение из тех, какие я привык принимать как подарки судьбы»… отмечает Кларк. Сейчас, вспоминая и

о поездках в Шри Ланку, и о встречах с автором «Фонтанов рая», я просто не могу не думать о выпавших на мою долю подарках судьбы, о совпадениях, которые — почему нет? — можно тоже причислить к необычайным. Во всяком случае, мне посчастливилось совершить восхождение на священную вершину Тапробана и побывать на скале с развалинами дворца царя-отцеубийцы еще до того, как я увидел свежий экземпляр «Фонтанов рая» на столе автора. Скорее всего именно об этом и следует теперь рассказать. Все остальное — и, прежде всего, скрупулезно разработанную идею — проект «космического лифта» — читатель найдет в самой книге. Более того! Артур Кларк снабдил роман не только основательным предисловием, но и, как уже было сказано, заключением, где со свойственной ему точностью перечислил изменения, которые привнес «в интересах сюжета» в географию Цейлона, включая скалу и священную гору.

Поэтому я оставлю пока в стороне научно-фантастическую идею романа, на мой взгляд абсолютно ясную, и попробую передать ощущение счастья, которое подарил мне чудесный остров.

Но сначала несколько слов о Кларке, для кото-

рого Шри Ланка давно уже стала родным домом.

Мы познакомились с ним летом 1970 года в Японии, где проходил тогда Первый международный конгресс научных фантастов. Японские коллеги хотели как можно шире показать иностранным гостям свою удивительную страну, и заседания каждый раз устраивались на новом месте. Одно из них, как сейчас принято говорить «выездное», состоялось в Осаке, где сверкала тогда морем огней Всемирная выставка. Поскольку изначально было ясно, что объять необъятное невозможно, произошло стихийное разделение по интересам. Так получилось, что увлечение подводными исследованиями, а также буддийской стариной подарило мне несколько приятных часов, проведенных в обществе Кларка. Оказавшись в одной группе, мы наскоро прошлись по основным павильонам, а затем вместе с Комацу Сакё улизнули под сень криптомерии, где над задумчивыми прудами дремали пагоды и синтоистские храмы, окутанные благовонным можжевеловым дымом.

Возле древнего свитка, на котором был изображен путник на вершине заоблачной горы, Кларк неожиданно спросил:

— Знаете, о чем думает этот отшельник?

— Радуется, что достиг вершины, — предположил я.

— Грустит, что настало мгновение спуска, — меланхолично заметил Комацу.

— Нет, — Кларк медленно покачал головой, — он надеется остаться тут навсегда. Вопреки всему… Есть еще в мире такие вершины!

С тех пор прошло десять лет. Кларк все реже покидал Коломбо, где прочно обосновался на постоянное жительство, и мы лишь обменивались с ним новогодними поздравлениями.

Но как только стало известно, что предстоит поездка в Шри Ланку, я сразу же решил навестить самого научного из фантастов мира в его «экзотическом», как часто писали в газетах, уединении. Признаюсь, что мною двигали не только профессиональный интерес и естественная симпатия, но и чисто человеческое любопытство. Однако сам по себе «феномен» Кларка, оставившего навсегда Англию и постепенно обрывавшего связи с западным миром, о чем постоянно заходила речь на международных форумах фантастов, мне самому не казался столь уж удивительным. Более того, вспоминая наши беседы в каменном саду и у священного колодца храма Каннон, я даже думал, что понимаю, какие причины заставили

Кларка сделать свой не столь уж неожиданный выбор. Были, наконец, и яркие исторические прецеденты. Гоген, например, оставивший Париж ради пальмовых рощ и розовых песков Гаити. И все же… Мне не давала покоя отчетливая технотронная струя в творчестве Кларка, его ярко выраженная естественнонаучная принадлежность.

Он закончил Лондонский королевский колледж по отделению математики и физики, обслуживал во время войны первую экспериментальную систему радарного обнаружения, считался блестящим специалистом в области связи. Широкую известность в научных кругах получила его пророческая идея об использовании спутников для радио- и телевизионной трансляции на дальние расстояния. Наконец, с 1950 года он занимал высокие посты председателя Британского астронавтического общества и члена Совета Британской астрономической ассоциации. В 1961 году ему была присуждена высшая международная награда за популяризацию науки — премия Калинги. Все, казалось, ложилось на чашу весов с условным обозначением «Запад». Шумный успех блистательного фильма «Космическая Одиссея 2001 года», поставленного по одноименной

книге[1] Стенли Кубриком; переведенная на все основные языки мира прогностическая работа «Черты будущего»,[2] которую просто немыслимо было бы создать без непосредственного контакта с учеными из Оксфорда, Кембриджа или Принстона, без личных наблюдений на Маунт Паломар или Грин Бэнк. Но был и рассказ, может быть лучший в мировой научно-фантастической литературе, — «Девять миллионов имен бога», где явственно звучала струна ностальгии об утраченном машинной цивилизацией мире конечных истин. В финале рассказа одна за другой гасли звезды, пока сверхмощная ЭВМ манипулировала таблицами, составленными ламаистскими метафизиками. Была, наконец, целая серия книг, посвященных коралловым рифам Цейлона, удивительным приключениям под водой, ловцам жемчуга, искателям древних кладов: «Приключения в Индийском океане», «Сокровище Большого рифа»,[3] «Рифы Тапробана». Разве гидрокосмос менее увлекательная стезя,

---

[1] Примечания: 1
Кларк А. Космическая Одиссея 2001 года. — М.: Мир, 1970.

[2] Примечания: 2
Кларк А. Черты будущего. — М.: Мир, 1966.

[3] Примечания: 3
Кларк А. Сокровище Большого рифа. — М.: Мир.

чем межзвездная бездна? Тем более, если он ежедневно принимает тебя в свои объятия? О том, что подводный мир Шри Ланки вызывает восхищение самых прославленных ныряльщиков, а Артур Кларк считается классным аквалангистом, я, разумеется, знал. Это были уже гири для другой чаши с условным ярлычком «Восток». Наконец, я хорошо помнил восторг и восклицания Кларка в павильоне, посвященном будущей подводной экспансии человечества. Сама собой напрашивалась мысль, что Кларк понемногу остыл к космосу и направил весь свой пытливый интерес на океан. Впрочем, визитка, которую он вручил на прощание в аэропорту Ханэда, не допускала альтернатив. После краткого перечисления званий и военных наград там значилось: президент Цейлонского астрономического общества и член Цейлонского подводного клуба.

Выдающийся писатель, широко эрудированный ученый, разносторонний и любящий жизнь во всех ее проявлениях человек никак не вмещался в привычные ячейки — жанровые, социологические и пр. Он был слишком широк для тривиальных газетных заключений. Феномен хотели видеть не в личности человека, а в его поведении и выдумывали альтернативы, не

чувствуя гармонии, присущей энциклопедисту, достойному эпохи Ренессанса.

Так думал я, собираясь на Шри Ланку.

И серьезной опорой для подобного умозаключения служил эпиграф, предпосланный автором к роману «Свидание с Рамой»,[4] классическому научно-фантастическому произведению на космическую тему, действие которого протекает в 2077 году, то есть через два—три поколения после «Космической Одиссеи»:

«Посвящаю острову Шри Ланка, где я взошел по Лестнице богов».

Нужно ли говорить о том, что и мне безумно захотелось взойти по этим ступеням?..

Пик Адама (2243 м.) (Кларк, удвоивший в «интересах сюжета» высоту священной горы, приводит в послесловии цифру 2240 м.) — не самая высокая точка Шри Ланки, но это священная гора, которую почитают не только приверженцы всех местных религий, но и атеисты, не признающие никаких богов. На вершине есть углубление, напоминающее оттиск гигантской ступни, которое называют Стопой бога. Буддисты, преобладающие на острове, принимают его за след Будды,

---

[4] Примечания: 4

Кларк А. Свидание с Рамой. — М.: Мир, 1976.

приверженцы Шивы — за след своего патрона, вишнуиты — за знак, оставленный богом Саманом, а мусульмане говорят, что именно здесь приземлился прародитель Адам, когда господь низвергнул его из Эдема. Насколько я смог установить, представители различных христианских церквей, не отрицая в общем версию Адама, больше склоняются к святому Фоме. Апостол-скептик, кстати, очень популярен в этом районе мира. В Мадрасе я нашел церковь, где, согласно традиции, якобы захоронены его мощи.

По преданию Фому забросали камнями брахманы, когда основанная им община стала приобретать все большее влияние на южноиндийском побережье. Но это так, отступление по ходу дела. Тем более что в романе наряду с авторами как вымышленных, так и реальных книг цитируется и святой Фома.

Короче говоря, сейчас молчаливо подразумевается, что знаменитая «Шри Пада» — великий отпечаток (в романе «Шри Канда») принадлежит многим богам и учителям веры. Поэтому, не вступая в религиозный спор, пилигримы со всех концов страны устремляются к Лестнице богов (теперь становится понятна множественность в названии), чтобы взойти на вершину. Ланкийцы

считают обязательным для себя хоть однажды совершить подобное восхождение, дабы очистить душу от повседневной суеты. Славный, хоть и нелегкий, обряд (нужно преодолеть несколько тысяч вырубленных в скале ступеней) утратил религиозный смысл и превратился в национальную традицию. Начало ей положил еще в первом веке до нашей эры король Валагам Баху. Ныне это самое популярное место паломничества.

Выступают обычно ночью, когда восходит Луна и летучие собаки, калонги, начинают чертить стремительные фигуры вокруг фонарей, хватая летящую на свет живность. Мириады светляков кружатся над горной тропой. Теплый ветер, насыщенный камфорой и ванилью, шелестит в священных деревьях возле древнего храма. Сквозь перевитый лианами лес, где ползучие корни взламывают камень и ржавые источники подтачивают крутую ступень, лестница выводит на широкие террасы. Там под праздничной полной луной болеет сонный мак и больные звери ищут исцеления в мускатных рощах. Это преодоление ночи, близкое древним инициациям. При свете кокосовых факелов и карманных фонарей, ощупывая каждую ступеньку, толпы людей забираются все выше и выше за облака.

Стремительный, буйный рассвет паломники встречают уже на вершине. За первым зеленым лучом последует неистовство красок, лихорадочное, неправдоподобное, ткущее миражи. Вся котловина будет купаться в волнах тумана, словно на той древней картине в стиле «дзэн», где над молочной рекой выступали лишь кроны отдельных деревьев.

Как передать запах этого насыщенного пряностями и сонной одурью джунглей дурмана, его отчетливый привкус? Как осознать в словах навязчивую близость внутреннего озарения, что померещится за минуту до взрыва зари?

Прекраснейший из уголков нашей земли брызнет ртутными каплями черепичных крыш, когда сандаловым дымом истает рассветное молоко. Белые ступы, возведенные еще в прежнюю эру, засверкают золотыми навершиями среди развалин, олицетворяя движущий мирами творческий вечный огонь.

Донесется трубный рев черных слонов из заповедных лесов, трепет пробежит по бесчисленным пальмам, и яркая зелень риса обозначит путь ветра муаровой рябью.

Еще фра Мариньолли, посетивший в XIV веке Серендип, не сдержал восторженных и ерети-

ческих для католического миссионера слов, сравнив сказочный остров с раем (см. эпиграф к роману). Впрочем, что Мариньолли, когда о Тапробане знали еще с античных времен! «Там водятся слоны более крупные и более воинственные, чем в самой Индии… — писал Плиний со слов Мегасфена, — и у них (жителей Тапробана) больше золота и более крупный жемчуг»…

Одним словом, если господь и низринул Адама на ату гору, то лишь для того, чтобы тот не заметил перемены.

Не для общения с богами приходят сюда встретить рассвет. Это вечная жажда прекрасного заставляет все новые и новые поколения подниматься вверх по великой лестнице. Это неумирающая надежда на встречу с чудом кружит голову и радостным хмелем бушует в крови.

Храм красоты, о котором мечтали античные гимнософисты, сотворила здесь сама природа.

«Этот пик, — прочитал я в книге Джона Стилла „Прилив джунглей“, — можно уподобить громадному собору, способному вместить благоговейные чувства всего необъятного человечества».

В маленьком храме на вершине горы, о котором столь часто упоминает Кларк, преподобный Мапалагама Випуласара Тхеро (Имя монаха в романе

Кларка — Бодхидхарма Маханаяке Тхеро. Титул «тхеро» — означает «старший» и присваивается после нескольких лет жизни в общине). показал мне книги, написанные на листьях пальмы, где упоминалось о следе, оставленном Буддой, но не Шакья Муни, как говорится в романе, а Дипанкарой — одним из его предшественников, который был великаном. Таковы мифы и реалии Шри Ланки. Такова мифология романа о космическом завтра Земли.

У золотой решетки вокруг старейшего дерева на земле, у Абхаягиридагабы, которой время придало аморфную стать нерукотворных творений, я понял, что подразумевал Кларк в посвящении к роману о Раме — галактическом звездолете. В мадрепоровых зарослях Маунт Лавини воочию увидел, с чего начался его путь на Восток.

В Шри Ланке имя писателя произносят с почтением. Для местных жителей он уже давно стал ланкийцем, и его славу они считают своей. Даже популярный путеводитель по острову «Лунный камень» начинается со слов Кларка, сказанных в 1970 году:

«Я приехал на Цейлон в 1956 году с намерением провести здесь шесть месяцев и написать одну-единственную книгу об исследовании при-

брежных вод острова. Сегодня, четырнадцать лет и двадцать книг спустя, я все еще тут и надеюсь остаться здесь до конца своих дней».

Я поехал в гости к Артуру Кларку вместе со своим другом, ответственным работником Союза советских обществ дружбы с народами зарубежных стран Владимиром Ивановым. Мы взяли с собой несколько пластинок русской классической музыки и, конечно, «Картинки с выставки» Мусоргского, которого, как я знал, Кларк особенно любил. Он встретил нас в саду, моложавый и загорелый, почти такой же, как десять лет назад. На нем был цветастый саронг, а в руках он держал ласковую дымчатую обезьянку, чей обширный вольер находился в самом углу двора, возле старого дерева манго и тенистой акации, ронявшей на гравий роскошные огненные цветы.

Мы поднялись на второй этаж и, миновав маленькую обсерваторию, где стоял довольно мощный зеркальный телескоп, прошли в кабинет. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что Кларк не только не разочаровался в науке, но по-прежнему питает к ней непобедимый интерес. Зачехленный микроскоп, мини-компьютер, соединенный с электрической печатной машинкой, кинопроектор и стеллажи

с досье по различным дисциплинам начисто снимали любые вопросы на сей счет.

Расспросив об успехах знакомых ему московских фантастов (он не забыл ни одной фамилии), Кларк, точно спохватившись, достал черный конверт. Там хранились снимки, сделанные с борта «Вояджера», пролетевшего в непосредственной близости от Юпитера.

— Вот большое красное пятно. Помните, я указывал на него, как на объект исследования? А это спутник Ио. Таких планет сейчас насчитывают тринадцать или даже четырнадцать. Идеальное место для станции.

— У вас в «Космической Одиссее» обелиск был на Япете, одном из спутников Сатурна.

— Совершенно точно… Но взгляните на этот снимок. У Юпитера тоже обнаружено кольцо. Только более тонкое.

— Вы регулярно наблюдаете небо?

— Когда обдумываю очередной роман… Мальчишкой я соорудил примитивный телескоп и даже сам составил лунную карту. Теперь, конечно, времени на астрономические занятия остается немного. Но телескоп помогает мне осмыслить фантастические идеи. Я словно уношусь к краям разлетающейся Вселенной, воображаю, как вы-

глядят «черные дыры», как прошивают бездны в сотни парсеков яростные энергетические пучки.

— Верите в реальность трансгалактической связи?

— Допускаю, как одну из гипотез. С того мгновения, как запустили первый спутник, человечество навсегда повенчалось с космосом, словно венецианский дож, бросивший в пучину кольцо, — с морем…

Он по-прежнему живо интересовался новейшими открытиями, и среди книг я заметил несколько последних изданий по астрофизике, теории поля, гравитации и нелинейной оптике.

На стене в строгих рамках висели портреты наших космонавтов и американских астронавтов с автографами, дипломы, почетные грамоты научных обществ. Тут же была прикреплена фотография, запечатлевшая участок неба, где предположительно обнаружили черную дыру.

В отдельном шкафу, на котором стояла каменная голова Будды, выполненная в стиле знаменитой статуи «Самадхи» из Анурадхапуры (такая, наверное, украшала келью Бодхидхармы), хранились труды и фотокопии с работ по цейлонской истории и метафизике хинаяны — ортодоксального буддизма школы Тхеравадины.

Я спросил Кларка о его ближайших планах, о возможности будущих встреч.

— С каждым годом я становлюсь все более стойким домоседом. Годы диктуют свое, а я слишком радикально мыслю, чтобы обманывать себя пустыми надеждами. Я уже попрощался с американскими друзьями, а осенью поеду в Англию проститься с семьей.

В его голубых глазах была просветленность без тени грусти. Так мог смотреть лишь мыслитель, принимающий истину без ненужных эмоций, и очень мужественный, много видевший человек.

— Я остаюсь здесь навсегда, чтобы работать. Не знаю, сколько времени мне отпущено, но постараюсь использовать его как можно полнее. Столько замыслов, идей и хочется все успеть.

Я замолчал взволнованно и смущенно, а хозяин резко встал и подошел к книжным шкафам. Мысленно прощаясь с Кларком, я не знал, что нам предстоит увидеться вновь всего через несколько месяцев на международном конгрессе в Брайтоне…

По обыкновению Кларк выложил на журнальный столик несколько своих книг, на выбор. Поскольку я собирался тогда лететь на Мальдивские острова, славящиеся своей уникальной

подводной фауной, то рука сама собой потянулась к иллюстрированному изданию «Сокровище Большого рифа». Из лежавших перед нами книг я не читал только одну, последнюю, с завлекательным названием «Фонтаны рая».

На цветной суперобложке притягательно и грозно синела вершина и бритоголовый монах в шафрановой сангхати бесстрастно смотрел прямо в мои глаза. Но я не узнал гору, да и думать тогда не мог, что доведется писать об этой книге.

Ну вот, пожалуй, и все о вершине. Настало время вернуться к скале.

Взметнувшаяся над буйной тропической зеленью, она властно приковывала взгляд. От нее просто нельзя было оторваться. Внезапно возникнув на горизонте и многократно меняя цвета, она появлялась то справа, то слева от петлявшей дороги, рождая невысказанные вопросы, тревожа воображение. Сначала голубоватый, затем светло-серый в охряных подтеках исполин напоминал астероид, извергнутый в незапамятные времена из космической бездны. А еще походил он на обезглавленного великана, который шел себе семимильными шагами сквозь джунгли, будто по траве, и вдруг застыл, когда иссякла огненная кровь, клокотавшая в каменных жилах.

Где-то на шестидесятом километре мы свернули с шоссе, идущего на юг от древней столицы Анурадхапуры, и по узкому латеритовому проселку понеслись через лес. Но над вершинами эвкалиптов, над перистыми листьями пальм, где дынно золотились королевские кокосы, темнел все тот же загадочный камень. От него исходила ощутимая магнетическая сила, он словно притягивал издалека, наращивая по приближении свою непонятную власть. Словно «красное божество» в обворожительной новелле Джека Лондона… Я знал, куда еду, и мысленно был готов к встрече с чудесным проявлением человеческого гения, но геологического чуда как-то не предусмотрел. А оно было налицо, разрастаясь на небосклоне с каждой пройденной милей, слепое и вещее творение тектонических катаклизмов.

Когда кончились пальмы, связанные канатами, по которым ловко перебегали сборщики сока, который идет на приготовление хмельного тодди, открылось озеро с голубыми и розовыми кувшинками. Возможно, то самое, где по приказу Калидасы солдаты закололи царя. В невозмутимой глади отражались небо и скала, которую не заслоняли уже ничьи перевитые лианой стволы. Девушка в желтом, как буддийская тога, сари,

прополоскав роскошные волосы, вплела в прическу цветок. И ожила, заколыхалась загадочная скала в потревоженном зеркале, и разом исчезло наваждение. Осталось лишь нетерпеливое предвкушение праздника.

У первых пещер, где глыбы были помечены древними знаками заклятия враждебных сил, кончились проселки и лишь каменные ступени обозначали крутую тропу. Отсюда вырубленная в скале лестница вела прямо к Яккагале, вернее к Сигирии, которую по праву называют самой драгоценной скалой в Азии.

Слово «Сигирия», точнее, «Сингхагири», в переводе означает «Львиная скала». Так нарек это необычное место Деванампия Тисса, правивший в III веке до н. э. С царствования Тиссы, собственно, и начинается документально подтвержденная хронология Шри Ланки, которую древние называли Таранатой, Тапробаном, Серендипом и еще добрым десятком имен. В России знаменитый остров в былинные времена именовали Гурмызом, а позже, вслед за латинскими авторами, Цейлоном. И только скала всегда звалась Львиной, гордясь своей изначальной причастностью к первоосновам ланкийской государственности. По сей день этот непревзойденный памятник сравнивают

с животрепещущим сердцем замечательной, исконно дружественной нам страны, чей флаг несет гордое изображение льва (Не случайно, видимо, выбрано имя и еще одного персонажа — Раджасингха, дословно означающее «царь львов».). Впрочем, как часто случается в истории, подлинной славой Сигирия обязана не столько царю-основателю, сколько преступному и сумасбродному узурпатору, оставившему по себе недобрую память.

Речь идет о реальном прототипе Калидасы-Касиапе I, жившем в V веке нашей эры. Заживо замуровав отца, у которого он отнял престол, Касиапа скрылся на неприступной вершине от гнева подданных и мести ограбленного брата. Именно здесь на высоте 183 метров он велел построить дворец, оборудованный уникальной системой дренажа и вентиляции.

Даже теперь, когда ступени в скале ограждены в наиболее опасных местах стальной решеткой, подъем на неприступную вершину требует известных усилий. Особенно в жару, когда гористые джунгли вокруг так и дымятся испарениями.

Невольно вспоминаешь безвестных строителей, вырубивших этот скорбный путь по воле безумца, который возомнил себя царем-богом.

Дворец, если верить хроникам, был построен в виде храма, ибо Касиапе Сигирия виделась неким подобием гималайской Кайласы — заоблачной обители надмирных существ.

Кларк приводит легенду, связывающую Яккагалу с гималайским полетом Ханумана, и опять же не случайно протягивается тонкая связь между обезьяньим божеством и крохотной обезьянкой, чья смерть стала лишь первым звеном в цепи жестоких убийств. Как это удивительно по-ланкийски! И как поразительно похож портрет обезьянки царя Калидасы на милое пушистое существо, сидевшее на коленях у Кларка. И еще одна нить, пристегнувшая реальность к роману, о которой хотелось бы упомянуть. Когда я читал о Раджасингхе «в ярком саронге индонезийской работы», то вспомнил пестрый саронг самого Кларка. Пустяк, кажется, но какой характерный пустяк!

За полторы тысячи лет от царского чертога остались одни только контуры фундамента и тронное место, как это строго документально описано Кларком, Не дожили до нашего времени и сооружения, построенные у подножия. Лишь с вершины, поросшей жасмином и диким гранатом, гористое плато приоткрывает кое-какие

следы давней планировки. Вырисовываются абрисы покоев царицы, бассейнов, колодцев и явственно проступает прихотливый узор вентиляционных ходов. Древние хроники даже в мелочах не отступают от истины. Более того, научно-фантастический роман звучит как древние манускрипты: «Здесь, у подножия Скалы демонов, он задумал и создал свой единоличный рай. Оставалось одно — возвести небесные чертоги на вершине».

Дворец, — предназначенный олицетворять буддийский рай Тушиту, куда вопреки всему надеялся попасть отцеубийца, разделил участь бренной плоти. Но остались непревзойденные сигирийские фрески, которые относятся к самым замечательным памятникам человечества. Нельзя сказать, чтобы бог Махакала, олицетворяющий необоримое время, питал особую слабость к этим портретам, запечатлевшим полногрудых красавиц с глазами ласковыми и немного печальными, как горько-душистые цветки панчапани.

Из множества изображений уцелело лишь несколько.

Да и то случайно, ибо гладкая стена, которую сейчас называют «зеркальной», — и здесь Кларк сохраняет точность путеводителя — в двух ме-

стах прерывалась кавернами и глубокие ниши уберегли нанесенные на штукатурку тонкие водяные краски. Все, что находилось снаружи, стерла властная рука времени. Причем так прилежно, что некогда закрашенная стена и впрямь стала зеркальной. Теперь ее покрывают бесчисленные надписи. Иным стихам, написанным на древнем алфавите, полторы тысячи лет. Они воспевают красоту сигирийских незнакомок, их непреходящее очарование. Собственно, только благодаря надписям мы знаем сегодня, сколь мало осталось от этого блистательного парада женской красоты.

«Пятьсот юных дам, чье великолепие сродни венценосной сокровищнице»…

Двадцать два портрета из пятисот. Но и этого оказалось достаточно для бессмертия. «Богини или дочери Земли, эти женщины оберегали легенду Скалы демонов». Удивительно верно сказано! Жаль лишь, что привычка к точности и некоторой научной сухости не позволила Кларку передать щемящую прелесть дивных, воистину фантастических образов. Впрочем, скорее всего, виною тут рассеянный взгляд Вэнневара Моргана, целиком поглощенного своим циклопическим замыслом. Где уж ему, ярко выраженному

технократу, услышать зов неведомого, испытать потрясение, раскрывающее потаенную суть вещей, «сатори», как говорят японцы.

Обнаженный торс и гибкая талия красавиц, как из невесомых одежд, выступают из облаков. Грустными звездочками мерцают в небе их бесценные серьги и украшенные самоцветами диадемы. Тонкие благоуханные пальцы перебирают цветы: хрупкие венчики мирта, поникшие кувшинки и соцветия панчапани, вроде тех, что и поныне складывают у священных алтарей. Легко и неверно касание пальцев, словно они готовы в любую секунду обронить свой непрочный, но тем и пленительный груз. Служанки, чьи прелести скрыты под более грубой тканью, еще несут блюда, полные лепестков, но по всему видно, что пальцы владычиц уже не притронутся к новым цветам.

Неуловимый переход от идеи множества к единичному, но почему такая светлая, такая высокая грусть?

Это одна из загадок, на которые, наверное, не следует искать ответа. Тем более, что тайны Сигирии так и не удалось пока разгадать. Перс Фридас — образ вымышленный, ибо не иранцы и даже не индийские мастера оставили частицу

сердца на дикой, как неведомый астероид, скале. Мы не знаем не только имен художников, но даже смысла их творений. Ни один из ответов на прямой вопрос: «Кто они, сигирийские дамы?» — нельзя признать удовлетворительным. Храмовые танцовщицы? Но почему в уборе принцесс? Небесные девы — апсары? Но откуда такая земная, такая полнокровная женственность? Дамы двора, оплакивающие своего господина? Что ж, может быть, но не хочется верить, что красавицы с такими глазами провожали в последний путь преступного тирана. Известный археолог доктор Паранавитана, расшифровавший ряд надписей на «зеркальной» стене, считал, что сигирийские дамы являют собой аллегорию небесных молний. В этой связи уместно вспомнить фрески знаменитой Аджанты. И здесь, и там сходны сюжеты, стиль, манера и даже время создания. Но ласковые прелестницы из пещер Южной Индии ничем не напоминают стрелы небесного огня, которые обычно олицетворяет особый жезл — ваджра. Сравнение, конечно, не доказательство, хотя многим исследователям казалось, что Аджанта даст ключ к пониманию Сигирии. Однако этого не случилось. Стоило сравнить технику написания фресок, и сразу стало ясно, что сигирийская

школа пользовалась рецептами, совершенно отличными от южноиндийской. Это неповторимый цветок, раскрывшийся на щедрой почве Шри Ланки.

И еще одна любопытная деталь, связанная с Яккагалой — Сигирией. За галереей «зеркальной» стены ступени вновь круто забирают кверху. Там, на Львиной террасе, когда-то стояло циклопическое изображение льва. От него действительно уцелели лишь две когтистые лапы, стерегущие последнюю лестницу перед дворцом. Гигантские двухметровые когти изваяны столь реалистично, что это позволило местному палеонтологу Дирантале определить по ним даже подвид ныне исчезнувшего сингальского льва! Недаром ланкийские мудрецы не делали различия между наукой и искусством. Как тут не вспомнить еще один эпиграф к «Фонтанам рая»? Слова Джавахарлала Неру о времени науки, времени одухотворенности?

В них-то и заключена сокровенная суть романа, подобно тому, как название его родилось из поэтической метафоры Мариньолли, придумавшего зачем-то фонтаны, о которых молчат ланкийские хроники… Впрочем, это не столь уж и важно. Пусть не было фонтанов, но был бассейн, и дво-

рец, и высокий трон. С мраморной платформы, на которой во времена оны покоилось тронное кресло, как балдахином осененное девятиглавой коброй, раскрываются необозримые дали. В ясный день зоркий глаз может различить даже белые ступы Анурадхапуры. Это, возможно, преувеличение, ибо древняя столица далека, да и до Полоннарувы и тем более до Канди тоже весьма неблизко. Однако впечатление такое, будто видишь всю страну сразу. Синие горы, террасы рисовых полей, глинобитные хижины и белые храмы в манговых рощах! Словно длится и длится завороженное время сигирийских красавиц. Пусть от дворца уцелели лишь эти остатки кирпичной кладки, но разве не так же наливается зерно на рисовых чеках? И разве повсюду — вдоль дорог и по берегам прудов — не качаются на ветру все те же грациозно изогнутые пальмы? Тысячи лет утоляли они голод и жажду, давали свет и лекарство от болезней, нехитрую крестьянскую утварь, повозку и лодку. Из пальмового дерева строились дома, крыли их пальмовым листом. Хмельным кокосовым араком прогоняли грусть, раскалывали перед храмом орехи, испрашивая у богов доброго пути. Кокосовым молоком обмывали новорожденного и опускали в висячую

колыбельку из пальмового волокна. Когда же наступал час расставания, метили место сожжения сухим соцветием все той же безотказной пальмы, отгонявшей зло даже в потустороннем мире.

Пока в придорожной часовне наш шофер раскалывал перед изображением белого коня — покровителя транспорта — кокосы, я спустился к озеру набрать голубых гиацинтов. Девушка в желтом сари уже вышла из воды и беспричинно улыбалась окружающему великолепию.

Мне показалось, что я знал ее раньше. Сразу вспомнились стихи на «зеркальной» стене:

«Счастлив тот, кто видит эти розовые пальцы»…

«Ее глаза подобны голубой кувшинке, кто же она, эта очаровательная дева»…

Это о ней писали древние поэты.

Это для нее светило солнце сегодняшнего дня…

Вот и все, что мне хотелось сказать о скале… Вернее, о научно-фантастической поэтике Кларка и реальных ее опорах. В заключение несколько слов о деталях, характерных, значительных. Золотых бабочек, точнее солнечно-желтых, я не раз встречал в тропиках. Они действительно появляются целыми стаями. Это взрыв популяции, связанный с неведомыми для нас циклическими

процессами. Можно лишь гадать, почему у Кларка это связалось как-то с воинством Калидасы. Или почему вдруг вспомнил о тех же желтых бабочках Маркес в своем великолепном романе «Сто лет одиночества». Бессмысленно спрашивать, бесплодно искать прямые сочленения и жесткие связи. «Таков поэт, — отвечал на подобные вопросы Пушкин, — как аквилон, что хочет, то и носит он»…

Художника принято судить по закону, который он сам же создал. Кларк, как всегда, удивительно верен себе. И в своих фантазиях, и в твердом научном фундаменте, то есть в реалиях-опорах.

«Звездоплан», к визиту которого в Солнечную систему вновь и вновь мысленно возвращается Морган, во многом подобен «Раме» (вспомним «Свидание с Рамой» и заодно эпиграф из поэмы Калидасы). Это сама идея водит пером автора, продолжая развертывать спиральные витки, возвращаясь «якобы к старому», чтобы с удвоенной силой устремиться к неведомому, к новому. Дело не в инженерной сути проекта «космического лифта». Едва ли он способен поразить воображение искушенного знатока научной фантастики. Скорее напротив, он — здесь позволительно прибегнуть к терминологии Нильса Бора, — пред-

ставляется мне «недостаточно сумасшедшим», чтобы превратиться в реальность. И уж, конечно, не в отдельных мелочах, вроде нитевидного кристалла.

Но дело, повторяю, не в них. И вообще, все давно знают, что наука всемогуща. И тем не менее я хочу сказать именно о том, что не присуще науке как методу познания. Я думаю о мгновенном, законченном в себе самом синтезе и символически обобщенном «образе мира, в слове явленного», как безупречно определил Пастернак.

Не только «алмазную» башню, соединившую землю с синхронным спутником, но и отголосок вавилонского столпотворения почувствуем мы в романе.

Не только космический лифт, но и древние ступени «лестницы богов» позовут нас в зияющую бездну, в мерцающую бесконечность пространств. Пусть неявно, пусть как бы «за кадром», но главное для Кларка — это устремленность к космическому разуму высших порядков, предчувствие далекого завтра Земли, прекрасное и трагическое одновременно.

— Допустим, вам будет дано взойти по такой лестнице, — сказал я Кларку. — О чем вы спросите галактических собратьев?

— Конечны или бесконечны пространство и время, — его вопросы были давно продуманы. — Всюду ли жизни сопутствует смерть?.. Впрочем, нет, прежде всего я спросил бы о том, как победить рак.

— Значит, на первый план вы ставите частное, а не общее, животрепещущую сиюминутность, а не вечную и отрешенную истину?

— Человек меняется, добреет, — мелькнула лукавая улыбка, — особенно на этом острове, где ощутимо слышится переплеск райских фонтанов.

Райской жизни никогда не было под роскошной кокосовой сенью реального Тапробана. Португальцы, голландцы, британские экспедиционные корпуса — кто только не прошел с крестом и мечом по заповедным тропам, хранящим память о посольствах царя-миротворца Ашоки, проклявшего саму идею войны.

Большую часть жизни Кларк провел в Англии, в гордой своим могуществом метрополии обширнейшей империи мира. Цейлон в британской короне считался жемчужиной далеко не первой величины, рядовым заморским владением, куда Альбион посылал своих сыновей «на службу полудетям, а может быть, чертям». Но вопреки

псевдоромантике колониализма Кларк не различал в едином море общечеловеческой культуры второстепенных и главных струй, западных и восточных течений.

Ныне духовная сокровищница народов Шри Ланки стала для него животворным источником творческого вдохновения. Он обрел свою единственную вершину.

Словно в зареве пожара,
Я увидел на заре,
Как прошла богиня Тара,
Вся сияя, по горе.
Изменяясь, как виденья,
Отступали горы прочь.
Было ль то землетрясенье,
Страшный суд, хмельная ночь?[5]

Где пришли к Киплингу эти волшебные строки?

В Гималаях? В Бирме, когда заря налетает, как гром? Или здесь, на вершине Адама, бросающей четкую тень на редеющую с каждой минутой завесу розовых облаков?

---

[5] Примечания: 5
Пер. М.Фромана. Киплинг Р. Избранные стихи. — Л.: Гослитиздат, 1936.

Что там, за жемчужным туманом? Что там, за спиралями галактик?

Еремей Парнов

ПРЕДИСЛОВИЕ

От райских кущ до Тапробана каких-нибудь сорок лье: замри и услышишь плеск Фонтанов рая.

Автор неизвестен. Приведено в записках странствующего монаха Мариньолли (1335 г.)

Страны, которую я назвал Тапробаном, строго говоря, не существует, и тем не менее на девять десятых это остров Цейлон (ныне Шри Ланка). Из послесловия читателю станет ясно, какие географические объекты, исторические события и герои взяты из жизни, — а пока убедительно прошу поверить мне на слово: чем неправдоподобнее рассказ, тем ближе он к действительности.

Название «Тапробан» нередко произносится «Тапробейн», как если бы оно рифмовалось с «Рейн». Между тем еще Мильтон в 4-й книге «Возвращенного рая» писал о сокровищах «Индии, золотого Херсонеса и самого дальнего из индийских островов — Тапробана…»

Часть I. ДВОРЕЦ

1. КАЛИДАСА

Корона становилась тяжелее с каждым годом. Когда преподобный Бодхидхарма Маханаяке Тхеро скрепя сердце возложил корону ему на голову, принц Калидаса удивился, что она так легка. Теперь, 20 лет спустя, царь Калидаса с радостью обходился без инкрустированного бриллиантами золотого обруча, если позволял этикет.

Но посланцы из чужих стран редко испрашивали у него аудиенцию на грозных высотах Яккагалы. Многие из тех, кто совершал сюда путешествие, поворачивали назад перед последним участком Пути, идущим прямо сквозь пасть припавшего к земле льва, который, казалось, вот-вот прыгнет со склона горы. Настанет день, когда и он, Калидаса, будет слишком немощен, чтобы добраться до собственного дворца. Но вряд ли он доживет до этого: многочисленные враги избавят его от унизительной старости.

Враги эти уже собирались вокруг. Калидаса посмотрел на север, словно мог увидеть там армии своего сводного брата Малгары, возвращавшегося на родину, чтобы заявить права на запятнанный кровью трон Тапробани. Но эта

угроза была еще далеко, за морями. Гораздо более терпеливый и коварный враг таился рядом, на юге. Идеальный конус священной горы Шри Канды, возвышавшийся над центральной долиной, с незапамятных времен вселял благоговейный страх в сердца всех, кто его видел. Калидаса никогда не забывал о его безмолвном присутствии и той силе, которая стояла за ним.

А ведь у Маханаяке Тхеро не было ни армий, ни боевых слонов. Верховный Жрец был всего лишь старик в оранжевой тоге… непостижимым образом влиявший на судьбы царей.

В прозрачном утреннем воздухе Калидаса ясно видел храм на вершине Шри Канды, уменьшенный расстоянием до размеров наконечника белой стрелы. Отсюда до храма всего три дня пути: первый — по царский тропе через леса и рисовые поля, и еще два — в гору по каменной лестнице. Но Калидасе никогда туда не подняться: там его ожидал единственный враг, которого он не мог победить. Иногда царь завидовал пилигримам, глядя на тонкую цепочку факелов, движущуюся вверх по склону. Последний нищий мог встретить рассвет на Священной Горе, правитель Тапробани — нет.

Но у него были свои утешения. Вокруг, обне-

сенные крепостным валом и рвом, раскинулись Райские Сады с прудами и фонтанами, на которые он растратил богатства своего царства. А когда они надоедали, к услугам Калидасы были горные девы — двести неподвластных времени Бессмертных, с которыми он часто делил свои мысли, потому что никому другому не доверял.

С запада донеслись раскаты грома. Муссон запаздывал этой весной; искусственные озера, снабжавшие водой оросительную систему острова, были почти пусты. В том числе самое большое, которое подданные Калидасы осмеливались по-прежнему называть по имени его отца — «море Параваны». Оно было закончено всего 30 лет назад. Принц Калидаса гордо стоял рядом с отцом, когда впервые открылись огромные ворота шлюза и животворная влага хлынула на томимые жаждой поля. Во всем царстве не было зрелища прекраснее, чем зеркало огромного рукотворного озера, в котором отражались купола и шпили Ранапуры — старой столицы, покинутой Калидасой ради своей мечты.

* * *

Сверкая оранжевым одеянием на фоне белой стены храма, Маханаяке Тхеро — восемьдесят

пятый по счету — медленно подошел к парапету. Далеко внизу лежала шахматная доска рисовых полей, протянувшихся от горизонта до горизонта, темные нити оросительных каналов, голубое мерцание «моря Параваны» и на той стороне священные купола Ранапуры, призрачными пузырями плывущие по небу. Цвета и очертания этой мозаики менялись не только от сезона к сезону, но и с каждым облаком.

Лишь серая глыба Утеса Демона мешала изысканности ландшафта. Утес казался самозванцем, вторгшимся в чужие владения. Действительно, легенда гласит, что Яккагала — обломок одной из гималайских вершин, оброненный обезьяньим богом Ханумадом…

С такого расстояния, естественно, нельзя было как следует рассмотреть дворцовые строения, смутно различалась лишь линия крепостного вала вокруг Райских Садов. Однако воображение Верховного Жреца отчетливо рисовало ему огромные львиные когти, выступающие из гранитного откоса, а наверху — зубчатые стены, по которым, казалось, все еще бродит преданный проклятью царь.

Сверху раздался грохот; он нарастал с каждой секундой, достигнув наконец такой мощи,

что казалось, задрожала гора. Сотрясая воздух непрерывными, незатухающими толчками, гром стремительно пронесся по небу к востоку и замер вдали. Это не предвестник муссонов: их не будет еще три недели. Служба Муссонов не ошибается. Это другое. Придется, как всегда, послать, протест на мыс Кеннеди или русским. И как всегда, безрезультатно. Вот Калидаса нашел бы управу на диспетчеров космических линий, которых волнует лишь стоимость веса, поднятого на орбиту… Приказал бы посадить на кол, бросить под подкованные ноги слонов, опустить в кипящее масло…

Да, двести веков назад жизнь была проще.

2. ИНЖЕНЕР

Друзья, число которых сокращалось с каждым годом, звали его Иохан. Остальному миру он был известен как Раджа. Полное имя отражало пятьсот лет истории: Иохан Оливер де Альвис Шри Раджасинха. Его деятельность принесла ему благодарность всего человечества. Никто не верил, что он надолго удалится от дел.

— Не пройдет и полугода, как вы вернетесь, — сказал ему Президент Мира. — К власти, вы знаете, привыкаешь.

Тогда, 20 лет назад, Раджасинха числился Особым Посланником по Политическим Делам, подчиняющимся только Президенту и Совету, и весь его штат никогда не превышал десяти человек — одиннадцати, если считать АРИСТОТЕЛЯ (к Ари у него до сих пор было прямое подключение, так что они по-прежнему беседовали несколько раз в год). Но вмешательство Раджасинхи всякий раз кончалось одинаково — Совет принимал его рекомендации.

Он, Посредник, появлялся во всех взрывоопасных точках планеты, сглаживая острые углы, не давая вспыхивать кризисам, манипулируя прав-

дой с поразительным мастерством. Ложь была бы гибельна. Без непогрешимой памяти Ари ему бы ни за что не удалось держать под контролем ту сложнейшую паутину, которую подчас приходилось плести, чтобы человечество жило в мире. Когда же он начал получать удовольствие от этой игры, пришло время из нее выйти.

За прошедшие 20 лет Раджасинха ни разу не пожалел о своем решении. Он вернулся к полям и лесам своей юности и жил теперь в километре от огромного мрачного утеса, который господствовал над его детством. Его вилла находилась внутри широкого рва, окружающего Райские Сады, и фонтаны, построенные Калидасой, били теперь в саду Иохана после того, как промолчали две тысячи лет. Вода по-прежнему текла по старым каменным акведукам; ничего не изменилось, разве что цистерны на вершине утеса наполнялись теперь электрическими насосами. То, что ему удалось поселиться на этом пропитанном ароматом истории участке земли, доставило Иохану удовольствие, которого он не испытывал на протяжении всей своей жизни, — сбылась мечта, в осуществление которой он никогда по-настоящему не верил…

На небе уже полыхал неистовый, как всегда на

Тапробани, закат, когда между деревьев показался небольшой трехколесный электромобиль и, бесшумно подкатив, остановился у гранитных колонн портика.

По долгому и печальному опыту Раджасинха научился не доверять первым впечатлениям, но и не пренебрегать ими. Он ожидал, что Ванневар Морган под стать своим достижениям, крупный, внушительный мужчина. Инженер, напротив, оказался значительно ниже среднего роста и выглядел даже хрупким. Однако его сухощавое тело состояло из одних мышц, а по лицу, обрамленному иссиня-черными волосами, ему никак нельзя было дать его пятидесяти двух лет.

Даже в те дни, когда Раджасинха находился на государственной службе, ему не приходилось иметь дело с Всемирной Строительной Корпорацией — деятельность ее трех огромных отделов — «Суша», «Океан», «Космос» — освещалась меньше, чем работа любого другого органа Всемирной Федерации. Лишь в случае какой-нибудь технической катастрофы и при конфликтах с Историческим Обществом или Обществом Защиты Окружающей Среды ВСК возникала из тени. Последнее столкновение такого рода было связано с Антарктическим Трубопроводом

— этим венцом инженерного искусства XXI века, предназначенным для перекачки разжиженного угля из гигантских полярных месторождений на электростанции всего мира. В состоянии экологической эйфории ВСК предложила уничтожить последнюю, еще оставшуюся секцию трубопровода и вернуть эти земли их исконным владельцам — пингвинам. Немедленно раздались крики протеста со стороны индустриальных археологов, возмущенных таким вандализмом, и биологов, которые указывали, что пингвины прямо-таки обожают заброшенный трубопровод. Он предоставил им жилищные условия, какие им раньше и не снились, вызвав демографический взрыв, с которым еле справлялись касатки. Так что ВСК отступила без боя.

Раджасинха не знал, принимал ли Морган участие в этом мелком конфликте. Да это и не имело значения — имя Главного Инженера отдела «Суша» было связано с величайшим триумфом Корпорации…

Его творение окрестили Сверхмост, и с полным на то основанием. Вместе со всей планетой Раджасинха наблюдал, как «Граф Цеппелин» — сам по себе одно из чудес века — бережно поднял последнюю его секцию в небо. Все роскошное оснащение

дирижабля было снято, чтобы избавить его от лишнего веса, из знаменитого плавательного бассейна спустили воду, а реакторы подавали избыточное тепло в газовые секторы оболочки, чтобы увеличить его подъемную силу. Впервые в истории тысячетонный груз был поднят на три километра, и все сошло без сучка, без задоринки.

Теперь каждый корабль, проплывающий мимо Геркулесовых Столбов, салютует самому грандиозному мосту, построенному руками человека. Одинаковые пятикилометровые башни у слияния Средиземного моря и Атлантического океана сами по себе являются высочайшими сооружениями в мире. Их разделяют пятнадцать километров пустого пространства, перекрытого неправдоподобно легкой аркой Гибралтарского Моста. Да, встретиться с его создателем — большая честь, даже если тот опоздал на час.

— Приношу мои извинения. Посредник, — проговорил Морган, выходя из мобиля. — Надеюсь, задержка не причинила вам неудобств.

— Отнюдь, я хозяин своего времени. Но нам придется отложить разговор. Через полчаса я с друзьями иду на Утес. Там дают светозвуковое представление. Буду рад, если вы к нам присоединитесь. Он видел, что Морган колеблется. — Я

представлю вас в качестве доктора Смита из Тасманского университета. Уверен, мои друзья вас не узнают.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Морган, и от Раджасинхи не ускользнуло мгновенное раздражение, мелькнувшее на лице гостя. Доктор Смит. Прекрасно. С вашего разрешения, я воспользуюсь пультом связи.

«Интересная реакция, — подумал Раджасинха, провожая гостя внутрь виллы. — Рабочая гипотеза: Морган недоволен своей жизнью, даже разочарован в ней. Но он ведущий специалист в своей области. Чего ему не хватает?»

Ответ мог быть только один: Раджасинха внезапно вспомнил, что колоссальную радугу, соединяющую Европу и Африку, почти всегда называют просто Мост… иногда — Гибралтарский Мост… и никогда Мост Моргана.

«Ну, доктор Морган, — подумал Раджасинха, — если вы ищете славы, здесь вы ее не найдете. Так зачем же, скажите на милость, вы приехали на наш маленький Тапробани?»

3. ФОНТАНЫ

День за днем слоны и рабы, выбиваясь из сил, тащили под жгучим солнцем бесконечные ведра с водой вверх по склону Утеса. И вот наконец царский двор собрался в Райских Садах под шатрами из яркой ткани.

Все глаза были прикованы к Утесу Демона и крошечным фигуркам, движущимся по его вершине. Взвился флаг, далеко внизу пропел рожок. У подножия Утеса рабы, как безумные, работали рычагами, тянули канаты. Однако время шло, и ничего не происходило.

Царь нахмурился, и придворные затрепетали. Даже опахала приостановились на миг, но тут же задвигались еще быстрее. От подножия Яккагалы донесся крик. Радостный и торжествующий, он становился все громче и громче, по мере того как его подхватывали на обрамленных цветами дорожках. А вместе с ним раздался и еще один звук, не такой громкий, однако у всех, кто его слышал, возникло ощущение, что какие-то затаенные силы неудержимо рвутся к своей цели.

Один за другим, словно по волшебству возникнув из-под земли, взметнулись к безоблачному

небу тонкие водяные стебли. На высоте, в четыре раза превышающей рост человека, на них распустились цветы из брызг. Солнечный свет окрашивал водную пыль всеми цветами радуги, делая зрелище еще более прекрасным и необычным. Никогда за всю историю Тапробани его жители не были свидетелями такого чуда.

Почти так же незаметно, как заходило солнце, фонтаны теряли высоту. Вот они вровень с человеком; наполненные с таким трудом резервуары почти опустели. Но царь был доволен; он поднял руку, струи фонтанов снизились и вновь поднялись, словно отдали последний поклон трону, затем беззвучно опали. Пруды снова стали зеркальными, заключив в свои берега отражение бессмертного Утеса.

— Рабы хорошо потрудились, — сказал Калидаса. — Отпустить их на волю.

Здесь, у подножия Утеса, он создал задуманный им Рай. Осталось одно — устроить Небеса на его вершине.

4. УТЕС ДЕМОНА

Искусно сотканные из света и звука живые картины даже сейчас не оставляли равнодушным Раджасинху, а ведь он видел эту программу десятки раз. Смотрели ее все, кто попадал на Утес, хотя знатоки, вроде профессора Сарата, недовольно ворчали, что это всего лишь «поп-история» для туристов. Однако «поп-история» лучше, чем никакая… Небольшой амфитеатр располагался напротив западного склона Яккагалы. Было уже так темно, что Утес терялся во мраке, огромной тенью закрывая ранние звезды. И вот из темноты донесся приглушенный рокот барабана, а затем спокойный, бесстрастный голос:

«Эта история повествует о царе, который умертвил своего отца и сам был убит братом. В кровавой истории человечества это неново. Но этот царь оставил сохранившийся до наших дней памятники легенду, пережившую века…»

Раджасинха кинул украдкой взгляд на Ванневара Моргана, сидящего в темноте справа от него. Тот уже подпал под чары медленного повествования. Два других гостя — старые друзья по дипломатической службе, — сидящие слева,

были также заворожены.

«Звали его Калидаса. Он родился через сто лет после начала нашей эры в Ранапуре, Золотом Городе, который много веков подряд был столицей Тапробани. Но рождение его было омрачено…»

Музыка стала громче и тревожнее, к барабану присоединились флейты и струнные инструменты. На отвесном склоне Утеса зажглась светлая точка; вот она увеличилась… и внезапно перед зрителями словно распахнулось волшебное окно в прошлое, открыв мир, более живой и яркий, чем в реальной жизни…

«Великолепная инсценировка», — подумал Морган, радуясь, что позволил на этот раз вежливости победить желание работать. Он видел радость царя Параваны, когда любимая младшая жена родила ему первенца, и понимал его чувства, когда всего лишь через сутки сама царица произвела на свет сына, имевшего больше прав. Хотя родился Калидаса первым, наследовать отцу он мог лишь вторым. Так были приготовлены декорации для трагедии.

«Однако в раннем детстве Калидаса и его сводный брат Малгара были закадычными друзьями. Мальчики росли вместе, не подозревая, что они соперники, не догадываясь об интригах, которые

плелись вокруг. Причина их раздора не имела никакого отношения к случайностям рождения.

Ко двору короля Параваны приезжали послы с дарами из разных стран — с шелком из Китая, золотом из Индустана, оружием из Римской империи. Однажды простой охотник из джунглей осмелился прийти в столицу с подарком, который, как он надеялся, понравится королевской семье…»

Морган услышал вокруг хор восхищенных возгласов. Крошечная снежно-белая обезьянка, доверчиво умостившаяся на руках у принца Калидасы, была удивительно мила. Два огромных глаза глядели на Моргана через столетия… и через таинственную, однако не совсем непреодолимую пропасть между человеком и животным.

«Согласно хроникам никто раньше не видел такой обезьянки; ее шерсть была белая, как молоко, глаза — розовые, как рубины. Некоторые считали, что это дурное предзнаменование, потому что белый цвет — цвет смерти и траура. И страх их, увы, имел под собой основания.

Принц Калидаса обожал своего любимца, которого он назвал Хануман в честь легендарного обезьяньего бога. Королевский ювелир сделал для обезьянки золотую колясочку, в которой она

восседала с торжественным видом, когда ее везли по двору к удовольствию всех, кто там был.

Хануман, в свою очередь, любил Калидасу и не разрешал никому другому трогать себя. Особенно неприязненно он относился к принцу Малгаре, словно догадываясь о будущем соперничестве. И вот в один злосчастный день он укусил наследника трона.

Укус был пустяковый, но последствия огромны. Через несколько дней Ханумана отравили… без сомнения, по приказу царицы. Так кончилось детство Калидасы. Говорят, с этих пор он перестал любить людей и никому больше не верил. А симпатия к Малгаре сменилась враждебностью. Но это было не единственной неприятностью, проистекшей из смерти маленькой обезьянки. По повелению царя для Ханумана построили особую гробницу в форме полусферы — традиционная форма усыпальниц-дагоб. Такого никто никогда не делал, и это вызвало ярость монахов, ибо в дагобах хоронили только мощи Будды, и поступок царя выглядел кощунством.

Вполне возможно, что его намерение было именно таково, ибо царь Паравана постепенно отходил от буддизма. Хотя принц Калидаса был слишком юн, чтобы участвовать в конфликте,

ненависть монахов обратилась и против него. Так началась вражда, в дальнейшем расколовшая царство.

В течение почти двух тысяч лет у нас не было доказательств того, что эта история не является всего лишь прекрасной легендой. Но в 2015 году археологи обнаружили на территории Старого Дворца в Ранапуре фундамент небольшой усыпальницы. Сама усыпальница была разрушена. Ее ограбили много веков назад. Но у ученых были инструменты, о которых и мечтать не могли охотники за сокровищами прежних времен. С помощью нейтринного просвечивания они обнаружили вторую погребальную камеру, находившуюся куда глубже первой. Верхняя камера была всего лишь кенотафом — ложным погребением. В нижней камере все еще находился сосуд любви и ненависти, который она сохраняла в течение многих веков, пока он не попал в место своего последнего упокоения — Музей Ранапуры».

Морган пропустил часть последующей истории; когда он вытер глаза, прошло лет десять, сложная семейная ссора была в самом разгаре, и он не совсем понял, кто кого убивал. Когда замолк лязг оружия на поле брани, коронный принц

Малгара и царица-мать бежали в Индию, а Калидаса захватил престол и заточил отца в тюрьму.

То, что узурпатор не лишил Паравану жизни, объяснялось не сыновними чувствами, а верой в то, что у старого царя спрятаны где-то сокровища, предназначенные для Малгары. Но Паравана в конце концов устал от обмана.

— Я покажу тебе мое богатство, — сказал он сыну. — Дай мне колесницу, и я отвезу тебя к нему.

В отличие от Ханумана старый король отправился в свой последний путь на ветхой телеге, запряженной волом. Хроники отмечают, что одно колесо было сломано и всю дорогу скрипело. К удивлению Калидасы, отец приказал отвезти его к огромному искусственному озеру, воды которого орошали все центральное царство; Паравана отдал этому водоему почти всю свою жизнь. Он шел по краю огромной дамбы и глядел на собственную трехметровую статую, стоявшую лицом к воде.

— Прощай, старый друг, — сказал он, обращаясь к каменной фигуре, державшей в руках каменную карту внутреннего моря. — Охраняй мое наследство.

Он спустился по ступеням водослива, зашел в озеро по пояс, зачерпнул горстью воду и кинул

ее через голову. Затем обернулся к Калидасе с гордым и торжествующим видом.

— Здесь, сын мой, — вскричал он, указывая рукой на живительную влагу, разлившуюся на многие лиги, — здесь… здесь все мое богатство!

— Убейте его! — вне себя от ярости и разочарования приказал Калидаса.

Солдаты повиновались.

Первые несколько лет Калидаса жил со своим двором в Ранапуре. Затем он переехал на одинокий утес Яккагала, возвышавшийся над джунглями в сорока километрах от Ранапуры. Некоторые утверждали, что он искал неприступную крепость — укрыться от мести брата. Однако под конец Калидаса пренебрег ее защитой. К тому же, если Яккагала всего-навсего цитадель, то зачем он окружил утес необъятными Райскими Садами, создание которых потребовало не меньше труда, чем постройка вала и рва? И зачем тут фрески?

Когда рассказчик задал этот вопрос, западная стена утеса выступила из темноты… но в том виде, как две тысячи лет назад. По всей ширине утеса, в ста метрах от его подножия, протянулась ровная и оштукатуренная полоса, расписанная множеством поясных женских изображений в натуральную величину. Все они были прекрасны

и выполнены в одном стиле.

С золотистой кожей и пышногрудые, они были облачены в одеяния из прозрачной ткани, а то и вовсе украшены одними драгоценными камнями. У одних были высокие сложные прически, у других, по-видимому, короны. Многие держали в руках цветы.

«Некогда этих фигур было не менее двухсот. Но ветры и дожди многих столетий уничтожили все, кроме двадцати, укрытых нависающим горным уступом…»

Изображение увеличилось. Под мелодию «Танца Анитры» одна за другой уцелевшие девы Калидасы выплывали из темноты. Хотя и пострадавшие от непогоды, времени и рук вандалов, они пронесли свою красоту через века. Краски все еще были яркими, так и не выгорев под солнцем, более полумиллиона раз обливавшего их закатными лучами. Богини или смертные, они не дали умереть легенде Яккагалы.

«Никто не знает, кто они и почему нарисованы в таком недоступном месте. Наибольшей популярностью пользуется гипотеза, состоящая в том, что они небожительницы, что Калидаса стремился создать Земной Рай и поселить там богинь. Возможно, он считал себя божеством, как

египетские фараоны; возможно, именно поэтому он по примеру египтян поставил огромного сфинкса сторожить вход в свой дворец».

Изображение сместилось; теперь перед зрителями было небольшое озеро, в котором отражался утес. Вода покрылась рябью, очертания Яккагалы дрогнули и расплылись. Когда они вновь возникли, утес был увенчан зубчатыми стенами с бойницами, бастионами и шпилями. Разглядеть их как следует было невозможно, они все время оставались не в фокусе. Никто никогда не узнает, как на самом деле выглядел воздушный дворец Калидасы до того, как пришли те, кто стремился самое имя царя стереть в памяти людей.

«И здесь он жил почти двадцать лет, ожидая уготованного ему рокового конца. С вершины Утеса Калидаса увидел, как с севера наступают войска Малгары. Возможно, он и считал свою крепость неприступной, но не стал подвергать это проверке. Он спустился навстречу брату на нейтральную полосу между двумя армиями. Содержание их беседы неизвестно. Говорят, перед расставанием они обнялись; возможно, это и правда.

Затем армии хлынули одна на другую. Калидаса сражался на своей территории, его воины

хорошо знали местность, и казалось, победа будет за ним. Но вмешался один из тех случаев, которые определяют судьбы народов. Боевой слон Калидасы свернул в сторону, чтобы обойти небольшое болотце. Воины подумали, что царь отступает. Это, как сообщают хроники, сломило их боевой дух. Калидасу нашли на поле брани; он покончил с собой. Малгара стал царем. А Як-кагала была отдана джунглям и заброшена на семнадцать веков».

5. ТЕЛЕСКОП

«Мой тайный порок», — говорил об этом Раджасинха с улыбкой и сожалением. Стареющий дипломат давно был не в силах подняться пешком на вершину Яккагалы; однако у него был способ компенсировать потерю. Много лет назад он приобрел малогабаритный телескоп и с его помощью мог блуждать по всему западному склону Утеса, мысленно поднимаясь по тропе, по которой в прошлом не раз всходил на вершину. Когда он глядел в окуляр, ему казалось, что он висит в воздухе около гранитной стены.

Раджасинха редко пользовался телескопом утром, потому что солнце вставало с другой стороны Яккагалы, и на теневом западном склоне почти ничего нельзя было разглядеть. Но сейчас, взглянув в широкое окно, Раджасинха с удивлением увидел на фоне неба силуэт крошечной фигурки, двигающейся по самому гребню Утеса. «Ранняя птичка, — подумал Раджасинха. — Кто бы это мог быть?»

Он встал с кровати, накинул саронг из яркого батика, вышел и повернул короткий тубус к Утесу.

«Мог бы и сам догадаться!» — сказал он себе не без удовольствия, углубляя увеличение. Значит, вчерашнее зрелище произвело на Моргана должный эффект. Инженер захотел увидеть своими глазами, как архитекторы Калидасы справились с труднейшей задачей.

Но то, что увидел Раджасинха, испугало его: Морган быстро шел по самому краю площадки в нескольких сантиметрах от обрыва, к которому мало кто из туристов отваживался подходить. Не у многих из них хватало смелости даже на то, чтобы посидеть на Слоновьем Троне, свесив над пропастью ноги, а инженер стоял рядом с ним на коленях, небрежно придерживаясь рукой за резной камень… и наклонялся над пустотой, чтобы рассмотреть поверхность отвесной стены. Раджасинха, хоть и привык к этим вершинам, с трудом мог на него смотреть.

Спустя несколько минут Раджасинха решил, что Морган, должно быть, один из тех редких людей, которые абсолютно не боятся высоты. Память Раджасинхи, все еще превосходная, старалась прийти ему на помощь. Было что-то имеющее к этому отношение… что-то, касающееся Моргана. Морган… неделю назад он фактически ничего не знал о Моргане…

А, вот оно. В свое время в газетах шла полемика, привлекшая всеобщее внимание. Главный Конструктор Гибралтарского Моста объявил, что намерен ввести новшество. Поскольку весь транспорт будет на автоматическом управлении, нет смысла делать перила по краям Моста: отказ от них сэкономит тысячи тонн. Конечно, все сочли это бредовой идеей; а что, спрашивала публика, если у одной из машин откажет управление и она направится к краю?

У Главного Конструктора был на это ответ. Если испортится управление, тогда автоматически сработают тормоза, и экипаж остановится, не проехав и ста метров. Лишь на наружных полосах дороги есть риск, что машина свалится через край; для этого должны одновременно выйти из строя автоматическое управление, датчики и тормоза, что может произойти раз в двадцать лет.

Затем Главный Конструктор сказал то, чего говорить не следовало. Он добавил, что в этом маловероятном случае для его прекрасного Моста лучше, чтобы машина поскорее свалилась вниз.

Понятно, что в конце концов Мост огородили — тросами вдоль наружных полос, — и, насколько Раджасинха знал, еще никто не нырнул с него в море. Однако сам Морган, судя по всему, решил

покончить жизнь самоубийством, принеся себя в жертву гравитации; иначе трудно было объяснить его поведение.

Инженер стоял спиной к пропасти, у самого Слоновьего Трона, держа в руках ящичек, похожий по форме и размеру на старомодную книгу. Раджасинха не мог разглядеть его, а движения Моргана ни о чем ему не говорили. Возможно, это какой-нибудь анализатор, хотя он не мог понять, зачем Моргану понадобился состав здешних гранитов.

И тут Раджасинха, который гордился умением сохранять спокойствие в самых драматических ситуациях, вскрикнул от ужаса. Ванневар Морган шагнул назад, прямо в пустое пространство.

6. ХУДОЖНИК

— Приведите ко мне перса, — сказал Калидаса, отдышавшись.

Подъем от фресок к Слоновьему Трону стал вполне безопасен, когда лестницу, идущую по отвесной скале, огородили. Но он был утомителен; сколько еще лет будет Калидаса в состоянии сам совершать этот путь? Он мог воспользоваться услугами рабов, но это не приличествовало царю. И нестерпима была мысль, что чужие глаза увидят сто богинь и сто их прекрасных прислужниц, составляющих свиту его небесного двора.

Но теперь у входа на лестницу днем и ночью будет стоять страж, охраняя единственный путь из Дворца на Небо, которое создал для себя Калидаса. После десяти лет тяжкого труда его мечта осуществилась. Что бы ни утверждали завистливые монахи, он стал наконец богом.

Несмотря на долгие годы, проведенные под солнцем Тапробани, Фирдаз по-прежнему был светлокож как римлянин; сегодня, склоняясь перед царем, он выглядел даже бледнее обычного. Калидаса задумчиво глядел на него, затем одобрительно улыбнулся.

— Ты хорошо справился со своим делом, перс. Есть ли на свете художник, который выполнил бы его лучше?

Поколебавшись, Фирдаз ответил:

— Не знаю такого, ваше величество.

— Я хорошо тебе заплатил?

— Вполне достаточно.

Этот ответ был не совсем точен: Фирдаз без конца требовал денег, помощников, дорогие материалы из далеких краев. Но от художника трудно ожидать, чтобы он разбирался в экономике или знал, что царская казна и так истощена чудовищными расходами.

— Чего ты желаешь теперь, когда работа закончена?

— Я бы хотел, ваше величество, чтобы мне разрешили вернуться в Исфаген.

Калидаса ожидал этого ответа и искренне сожалел о своем вынужденном решении. Но на долгом пути в Персию слишком много других правителей; они не выпустят замечательного художника из своих жадных рук. А богини на западном склоне Утеса не должны иметь равных.

— Это не так-то просто, — сказал он; Фирдаз ссутулился и побледнел еще больше. Царь не обязан ничего объяснять, но сейчас один художник гово-

рил с другим. — Ты помог мне стать божеством. Весть об этом проникла во многие страны. Когда ты лишишься моей защиты, многие потребуют от тебя того же.

С минуту художник молчал, затем произнес так тихо, что Калидаса с трудом его расслышал:

— Значит, я должен остаться?

— Можешь ехать, и с такой наградой, которой тебе хватит до конца твоих дней. Но обещай, что ты не будешь рисовать для других.

— Я готов обещать это, — поспешно ответил Фирдаз.

Калидаса печально покачал головой.

— Я научился не доверять слову художников. Особенно когда они оказываются вне моей власти. Поэтому мне придется обеспечить исполнение твоих слов.

Казалось, Фирдаз принял какое-то важное решение.

— Понимаю. — Он выпрямился во весь рост, затем неторопливо повернулся спиной к Калидасе, словно его царственный властелин перестал существовать, и посмотрел прямо на солнце.

Калидаса знал, что персы поклоняются солнцу, и слова, которые бормотал Фирдаз, вероятно, были молитвой. Что ж, люди поклонялись и худшим

богам. Художник глядел на ослепляющий диск так, словно это было последнее, что ему суждено видеть…

— Удержите его! — вскричал царь. Стража стремительно бросилась вперед, но было поздно. Хотя Фирдаз, вероятно, уже ослеп, движения его были точны. За три шага он достиг парапета. Он не издал ни звука, пока падал к садам, на разбивку которых потратил столько лет; ничего не было слышно и тогда, когда зодчий Яккагалы достиг фундамента своего творения.

Калидаса грустил много дней, но грусть его перешла в гнев, когда ему перевели последнее письмо Фирдаза. Кто-то предупредил перса, что, когда он закончит свою работу, его ослепят; это было бессовестной ложью. Калидасе не удалось выяснить происхождение этих слухов, хотя не один человек умер медленной смертью, пытаясь доказать свою невиновность. Калидасу опечалило, что перс поверил такой сказке: ясно, что один художник никогда не отнимет у другого дар зрения.

Калидаса не был жесток или неблагодарен. Он нагрузил бы Фирдаза золотом… во всяком случае, серебром… и отпустил бы его на родину в сопровождении слуг, которые заботились бы о нем до

конца жизни. Ему бы ничего не пришлось делать своими руками, и совсем скоро ему перестало бы их недоставать.

7. СУПЕРВОЛОКНО

— Меня чуть не хватил удар, — с укором сказал Раджасинха, наливая кофе. — Даже я знаю, что антигравитация невозможна. Как вы это сделали?

— Прошу прощенья, — улыбаясь, ответил Морган, — я не подозревал, что за мной наблюдают… Меня заинтересовало, почему каменная скамья стоит на самом краю, и я решил это выяснить.

— Никакой тайны нет. Некогда над бездной выдавался Деревянный помост. От вершины к фрескам вела лестница. В стене до сих пор борозды от клиньев.

— Да, — печально сказал Морган, — значит, это уже открыли.

«Двести пятьдесят лет назад, — подумал Раджасинха. — Археолог Летбридж, спустившийся по обрыву, как и доктор Морган. Ну не совсем так…»

Морган достал металлический ящичек, позволивший ему совершить чудо. Несколько кнопок, щиток с индикаторами; с виду его можно было принять за карманный радиофон.

— Вот она, — с гордостью произнес Морган. — Поскольку вы видели мою стометровую прогулку по вертикали, вы имеете представление о том,

как она действует.

— Мой телескоп оказался бессилен. Я мог бы поклясться, что вы ни за что не держались.

— Да, вероятно, зрелище было впечатляющим. Обычно я покупаю людей на такой трюк… проденьте, пожалуйста, палец в это кольцо.

Раджасинха заколебался. Морган держал небольшое металлическое кольцо — всего в два раза больше обручального — так, словно оно было заряжено электричеством.

— А меня не ударит током?

— Нет, но, возможно, удивит. Потяните его к себе.

Раджасинха осторожно взялся за кольцо… и чуть не уронил его. Кольцо казалось живым, оно стремилось к Моргану, вернее к ящичку в его руке. В ящичке что-то негромко жужжало, и какая-то таинственная сила тащила палец Раджасинхи вперед. «Магнетизм?» — спросил он себя. Нет, магниты так себя не ведут. Здесь другое. Перетягивание каната — вот чем они сейчас занимались, только этот канат невидим.

Как Раджасинха ни напрягал глаза, он не мог заметить никакой нити или проволоки, соединяющей кольцо с ящичком Моргана. Он протянул руку, чтобы обследовать пустое, казалось, про-

странство, но инженер оттолкнул его в сторону.

— Прошу прощения, — сказал Моргай. — Все пытаются это сделать. Вы могли сильно порезаться.

— Значит, у вас тут действительно невидимая проволока. Ловко… но на что она годится — только для розыгрыша?

Морган широко улыбнулся.

— Многие реагируют так же. Но вы не видите нить потому, что ее толщина не превышает нескольких микрон. Она тоньше самой тонкой паутинки.

— Невероятно!

— Это результат двухсотлетнего развития физики твердого тела псевдоодномерный алмазный кристалл. Правда, это не абсолютно чистый углерод, тут есть дозированные микровключения некоторых элементов. Массовое производство таких нитей возможно лишь на орбитальных промышленных комплексах, где нет тяжести, мешающей росту кристалла.

— Поразительно, — прошептал Раджасинха. Он слегка подергал кольцо.

— Ваша нить может иметь самые разнообразные применения. К примеру, для резания сыра…

Морган рассмеялся.

— С ее помощью можно за две минуты повалить толстое дерево. Но обращаться с ней не так просто… даже опасно. Нам пришлось сконструировать специальные микролебедки, чтобы разматывать и наматывать ее… Мы называем их «рулетки». Эта рулетка на аккумуляторах специально для демонстраций. Она с легкостью поднимает двухсоткилограммовый груз.

Раджасинха неохотно вынул палец из кольца. Оно устремилось к земле, затем принялось качаться взад-вперед без всякой, казалось, поддержки, но Морган нажал одну из кнопок, и рулетка с тихим жужжанием смотала нить.

— Вряд ли вы приехали в такую даль, доктор Морган, только чтобы удивить меня этим чудесным достижением науки… хотя я действительно поражен. Хотелось бы знать, какое отношение все это имеет ко мне.

— Весьма большое, господин Посредник, — ответил инженер. — Вы абсолютно правы, считая, что этот материал может иметь множество различных применений. Одно из них сделает ваш тихий островок центром мира. Нет, всей солнечной системы. Благодаря сверхпрочной нити Тапробани станет первой ступенькой на пути к планетам. А когда-нибудь, возможно, и

к звездам.

8. МАЛГАРА

Даже ближайшие друзья не могли прочитать выражение на лице принца Малгары, когда он в последний раз глядел на брата, вместе с которым провел свое детство. На поле боя все стихло, крики раненых смолкли под воздействием целебных трав или меча.

Наконец принц повернулся к фигуре в желтом одеянии, стоявшей рядом с ним.

— Вы короновали его, преподобный Бодхидхарма. Проследите, чтобы его похоронили с почестями, приличествующими царю.

Помолчав, монах тихо ответил:

— Он разрушил наши храмы и разогнал жрецов. Если он и поклонялся богу, то лишь одному Шиве.

Малгара обнажил зубы в гневной улыбке, которую Маханаяке предстояло хорошо узнать за те годы, что ему осталось жить.

— Ваше преосвященство, — сказал принц голосом, источающим яд, — он был первенцем Парараны Великого, он сидел на троне Тапробани, и зло, которое он причинил, умерло вместе с ним. Позаботьтесь, чтобы его прах был погребен

должным образом, прежде чем вы осмелитесь ступить ногой на Шри Канду.

Маханаяке Тхеро еле заметно поклонился.

— Это будет сделано… раз вам так угодно.

— И еще одно, — сказал Малгара, на этот раз обращаясь к своим адъютантам. — Слава фонтанов Калидасы достигла наших ушей даже в Индостане. Мы взглянем на них, прежде чем отправимся в Ранапуру…

* * *

Дым от погребального костра Калидасы поднимался в безоблачное небо из сердца Райских Садов, разгоняя стервятников. Малгара сурово смотрел, как он устремляется ввысь, возвещая стране, что у нее новый правитель.

Словно продолжая извечное соперничество с огнем, взлетали в поднебесье и струи фонтанов. Потом резервуары опустели, водные струи сломались и сникли. Прежде чем они вновь поднялись в садах Калидасы, пала Римская империя, по Африке прокатились мусульманские полчища, Коперник изгнал Землю из центра вселенной, была подписана Декларация независимости, человек ступил на Луну…

Малгара ждал, пока погребальный костер не

сгорел дотла, выстрелив вспышкой искр. Когда последняя струйка дыма улетела к высотам Як-кагалы, он поднял глаза к дворцу на вершине Утеса.

— Человек не должен бросать вызов богам, — сказал он, помолчав. — Сровняйте дворец с землей.

9. СВЕРХМОСТ

Поль и Максина были старинными друзьями Раджасинхи, но до сих пор никогда не встречались. Впрочем, за пределами Тапробани о профессоре Сарате вряд ли кто-нибудь слышал. Зато вся солнечная система знала лицо и голос Максины Дюваль.

Они сидели в библиотеке: гости в удобных креслах, Раджасинха у главного пульта связи. Все трое не сводили глаз с четвертого, стоявшего неподвижно.

Слишком неподвижно. Гость из прошлого, не имеющий понятия о повседневных электронных чудесах XXII века, через несколько секунд решил бы, что смотрит на восковой манекен. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружились бы два странных обстоятельства. «Манекен» был прозрачен для прямых лучей света, а его ноги возле самого пола были нечеткими, расплывались.

— Вы знаете этого человека? — спросил Раджасинха.

— В жизни его не видел, — тотчас отозвался Сарат. — Надеюсь, важная птица, если вы оторвали меня от раскопок.

— А мне пришлось бросить свой тримаран в самом начале гонок в Сахаре на озере Саладин, — сказала Максина Дюваль. Раздраженных ноток в ее знаменитом контральто было достаточно, чтобы поставить на место любого менее толстокожего типа, чем профессор Сарат. — Конечно, я его знаю. Он что, собирается строить мост отсюда до Индостана?

Раджасинха засмеялся.

— Нет. Извините, что я вызвал сюда вас обоих, хотя вы, Максина, уже двадцать лет обещаете меня навестить.

— Верно, — вздохнула она. — Я столько времени торчу в студии, что забываю о реальном мире, в котором живут пять тысяч близких друзей и пятьдесят миллионов хороших знакомых.

— К какой категории относится доктор Морган?

— Я с ним встречалась несколько раз. Мы готовили передачу в связи с завершением строительства моста. Он весьма выдающаяся личность.

В устах Максины Дюваль это был большой комплимент. Уже свыше тридцати лет она являлась, пожалуй, самым уважаемым представителем своей многотрудной профессии и была удостоена всех возможных наград. Премия Пулитцера и

прочее — всего лишь верхушка айсберга. Совсем недавно она вернулась к активной деятельности после двухлетней профессуры на кафедре электронной журналистики Колумбийского университета.

Все это несколько ее смягчило, хотя и не заставило сбавить темп. Она уже не была той пламенной феминисткой, которая однажды заявила: «Поскольку женщины умеют рожать детей, то природа наверняка должна была наградить мужчин каким-либо другим талантом. Но в данный момент он как-то не приходит мне в голову». Однако поставить кого угодно на место она могла и сейчас.

В ее женственности никто не сомневался, она была замужем четыре раза и прославилась выбором своих телеоператоров. Оператор в любом случае должен быть молод и силен, чтобы легко и быстро перемещаться с 20 килограммами коммуникационного оборудования на себе. Но операторы Максины Дюваль отличались к тому же мужественностью и красотой. Если на эту тему кто и шутил, то совершенно беззлобно, потому что даже самые лютые конкуренты любили Максину почти так же сильно, как завидовали ей.

— Жаль, что с гонками так получилось. Однако

«Марлин III» выиграл и без вас. В конце концов, результат важнее… Но пусть Морган скажет все сам, — проговорил Раджасинха.

Он отпустил кнопку «Пауза», и статуя ожила.

— Меня зовут Ванневар Морган. Я главный инженер ВСК по отделу «Суша». Моей последней работой был Гибралтарский мост. Сейчас я расскажу о чем-то несравненно более грандиозном.

Раджасинха откинулся в кресле, приготовившись слушать рассказ об уже знакомом, но все еще немыслимом проекте. Странно, как быстро приспосабливаешься к условностям телепередачи и не обращаешь внимания на погрешности настройки. Даже то, что Морган «двигался», не сходя с места, а перспектива была сильно искажена, не нарушало ощущения реальности происходящего.

— Космическая эра длится свыше двух веков. Вторую половину этого срока наша цивилизация всецело зависит от искусственных спутников. Глобальная связь, метеослужба, использование земных и океанских ресурсов, служба почты и информации — если что-нибудь случится с космическими системами, мы вновь погрузимся во тьму невежества. Возникнет хаос, и большая часть человечества погибнет от голода и болез-

ней.

Заглядывая за пределы Земли, мы видим автономные колонии на Луне, Меркурии и Марсе, а также неисчислимые богатства, добываемые из недр астероидов. Однако, хотя ракеты стали сейчас наиболее надежным транспортным средством из всех, какие когда-либо были изобретены…

— А велосипед? — буркнул Сарат.

— …они все еще малоэкономичны. Хуже того, их воздействие на природу чудовищно. Несмотря на все попытки контролировать коридоры входа и выхода, шум при взлете и посадке досаждает миллионам людей. Продукты выхлопа, накапливающиеся в верхних слоях атмосферы, уже привели к климатическим изменениям. Все помнят вспышку рака кожи в двадцатых годах, вызванную прорывом ультрафиолетового излучения, а также астрономическую стоимость химикатов, которые потребовались для восстановления озоносферы.

Экстраполяция роста перевозок на конец века показывает, что грузооборот на трассе Земля — орбита увеличится почти в полтора раза. Однако эксплуатационные характеристики ракет близки к абсолютному пределу, обусловленному

законами физики.

Какова же альтернатива? В течение многих веков люди мечтали об антигравитации, нуль—переходах и тому подобных вещах. К сожалению, это всего лишь фантазия. Однако почти одновременно с запуском первого спутника один смелый русский инженер придумал систему, которая сделает ракету устаревшей. Прошло много лет, прежде чем кто-либо принял всерьез идеи Юрия Арцутанова. Потребовалось два столетия, чтобы наша техника достигла уровня, соответствующего глубине его прозрения…

Всякий раз, когда Раджасинха воспроизводил запись, ему казалось, что в этот момент Морган действительно оживал. Здесь он вступал на свою территорию, и Раджасинха не мог хотя бы отчасти не разделить его энтузиазм.

— Гуляя в ясную ночь, — продолжал Морган, — вы видите привычное чудо нашего века — звезды, которые не восходят и не заходят, а неподвижно стоят в небе. Уже наши деды привыкли к синхронным спутникам и синхронным космическим станциям, которые вечно висят над экватором над одним и тем же местом земной поверхности. Вопрос, который поставил перед собой Арцутанов, отличался детской непосред-

ственностью, свойственной истинным гениям. Если бы такая мысль пришла в голову просто умному человеку, он тут же отбросил бы ее как величайшую нелепость.

Если тело может оставаться неподвижным относительно поверхности Земли, нельзя ли спустить с него трос и таким образом связать Землю с космосом?

Но как осуществить эту идею на практике? Расчеты показали, что ни одно вещество не обладает достаточной прочностью. Трос из самой лучшей стали не выдержит собственного веса еще задолго до того, как будут перекрыты тридцать шесть тысяч километров между Землей и синхронной орбитой. Правда, в самом конце двадцатого века в лабораториях начали производить сверхпрочные суперволокна. Если бы появилась возможность наладить их массовое производство, мечта Арцутанова была бы воплощена в действительность. Но они были крайне дороги, гораздо дороже золота. Чтобы построить грузо-пассажирскую систему Земля—космос, понадобились бы миллионы тонн суперволокна, и поэтому мечта оставалась мечтой.

Но несколько месяцев назад ситуация изменилась. Теперь заводы дальнего космоса могут

производить практически неограниченные количества суперволокна. И мы можем построить космический лифт, или орбитальную башню, как я предпочитаю ее называть…

Изображение Моргана исчезло. Вместо него возникла медленно вращающаяся Земля величиной с футбольный мяч. Над нею на расстоянии вытянутой руки, паря все время над одной и той же точкой экватора, ярко вспыхивающая звезда обозначала местонахождение синхронного спутника.

Из звезды начали вытягиваться два тонких световых луча: один к Земле, второй в противоположном направлении, в космос.

— Когда вы строите мост, — продолжал голос Моргана, — вы начинаете с двух концов и встречаетесь посередине. С орбитальной башней дело обстоит наоборот. Вы должны строить одновременно вверх и вниз, чтобы центр тяжести сооружения оставался в стационарной точке. Если удержать равновесие не удастся, сооружение изменит свою орбиту и начнет медленно перемещаться вдоль экватора.

Спускающийся к Земле световой луч достиг ее поверхности, и в тот же миг движение второго луча тоже прекратилось.

— Общая высота башни должна составлять не менее сорока тысяч километров, причем наиболее опасна нижняя сотня километров, проходящая в плотных слоях атмосферы. Здесь следует бояться ураганов. Башня не будет устойчивой, пока ее надежно не прикрепят к земле.

И тогда впервые в истории мы обретем лестницу на небо — мост к звездам. Простая подъемная система — лифт, приводимый в движение дешевым электричеством, — заменит шумную и дорогостоящую ракету, которая отныне будет применяться лишь для дальних космических полетов.

Перед вами один из возможных проектов…

Изображение вращающейся Земли исчезло, телекамера показала поперечный разрез башни.

— Такая башня состоит из четырех одинаковых труб: две для подъема, две другие для спуска. Нечто вроде четырехколейной железной дороги с Земли на синхронную орбиту.

Капсулы для пассажиров, грузов и топлива будут двигаться вверх и вниз по трубам со скоростью нескольких сотен километров в час. Поскольку девяносто процентов энергии будет возвращаться в систему, стоимость перевозки одного пассажира не превысит нескольких дол-

ларов. Ведь при спуске капсулы на Землю ее двигатели действуют как магнитные тормоза, генерирующие электричество. В отличие от космических кораблей такая капсула не расходует энергию на нагрев атмосферы и создание ударных волн; ее энергия будет возвращаться в систему. Поезда, идущие вниз, будут помогать поездам, идущим вверх. По самым скромным подсчетам, лифт в сто раз экономичнее любой ракеты.

Раджасинха нажал кнопку, и Морган умолк.

— Я совершенно сбит с толку, — сказал профессор Сарат. — И вообще, при чем тут мы?

— Я сам не все понимаю. Мне кажется, Морган сражается сразу на нескольких фронтах. Он дал мне эту запись с условием, что она не будет передана по коммерческим каналам связи. Поэтому мне и пришлось пригласить вас сюда.

— А он знает о нашей встрече?

— Конечно. Он даже обрадовался, узнав, что я собираюсь поговорить с вами, Максина. Он вам доверяет и хочет привлечь вас на свою сторону. Что до вас, Поль, то я убедил его, что вы, не рискуя инсультом, способны хранить тайну примерно неделю.

— Пожалуй, если на то есть важные причины.

— Я начинаю кое-что понимать, — сказала Максина Дюваль. — Некоторые вещи начинают обретать смысл. Прежде всего это проект космический, а Морган — главный инженер отдела «Суша».

— Ну и что?

— И это спрашиваете вы, Иохан! Подумайте о бюрократической буре, которая разразится, когда об этом узнают в авиационно-космической промышленности! Если Морган не будет сугубо осторожен, ему скажут: «Большое вам спасибо, а теперь за дело возьмемся мы. Были счастливы с вами познакомиться».

— Звучит убедительно, но у него тоже есть веские доводы. Ведь, по сути дела, орбитальная башня — строение, а не транспортное средство.

— Не знаю, как на это посмотрят юристы. Едва ли существует много строений, верхние этажи которых движутся на 10 $^{км}/_{с}$ быстрее фундамента.

— Может, вы и правы. Кстати, когда у меня закружилась голова при мысли о башне, покрывающей добрый кусок дороги к Луне, доктор Морган сказал: «Считайте, что это не башня, поднимающаяся вверх, а мост, идущий вовне». Я пытаюсь, но без особого успеха.

— Ага! — неожиданно воскликнула Максина

Дюваль. — Вот еще одна часть вашей головоломки. Мост.

— То есть?

— Известно ли вам, что директор ВСК, этот напыщенный осел сенатор Коллинз, требовал, чтобы Гибралтарскому мосту присвоили его имя?

— Но как удалось спасти мост от уготованной ему участи?

— Ведущие инженеры ВСК произвели небольшой дворцовый переворот. Морган, разумеется, в нем не участвовал.

— Так вот почему он прячет свои карты! Я все больше и больше его уважаю. Но несколько дней назад он обнаружил препятствие, обойти которое невозможно.

— Попробую угадать, — сказала Максина. — Это полезное упражнение — оно помогает быть впереди всех. На Земле существует лишь ограниченное количество подходящих мест — ведь большая часть экватора проходит по океану, — и Тапробани, несомненно, одно из них. Хотя я и не вижу, в чем его преимущество перед Африкой или Южной Америкой. Или Морган просто перебирает возможные варианты?

— Дорогая Максина, ваши способности к де-

дукции феноменальны. Вы на верном пути, но дальше вы не продвинетесь. Хотя Морган очень хотел объяснить мне суть дела, я не беру на себя смелость утверждать, что разобрался во всех научных деталях. Оказывается, Африка и Южная Америка непригодны для установки космического лифта. Это связано с неустойчивыми точками в гравитационном поле Земли. Годится только остров Тапробани — хуже того, всего лишь одна его точка. И здесь на сцену выступаете вы, Поль.

— Я?

— Да. К своей великой досаде, доктор Морган обнаружил, что единственное место, которое ему требуется, мягко выражаясь, занято. Он просит посоветовать, как вытеснить оттуда вашего любимого друга Будди.

— Кого? — в свою очередь, изумилась Максина.

Сарат не замедлил с ответом:

— Его преподобие Бодхидхарму Маханаяке Тхеро, Верховного Жреца храма Шри Канда, — речитативом произнес он, словно распевая литанию. Так вот где собака зарыта!

На минуту воцарилось молчание. Потом на лице Поля Сарата, почетного профессора археологии университета Тапробани, появилось выражение злорадного восторга.

— Я всегда хотел знать, — мечтательно проговорил он, — что именно произойдет, когда неотразимая сила столкнется с непреодолимым препятствием.

Часть II. ХРАМ

10. ЗВЕЗДОЛЕТ

Сто лет люди ожидали подобного события и пережили немало ложных тревог. Но когда оно наконец свершилось, человечество было застигнуто врасплох.

Радиосигнал, шедший от Альфы Центавра, был настолько мощным, что его впервые засекли как помеху в обычных коммерческих каналах. Все радиоастрономы мира, которые десятилетиями обшаривали космос в поисках следов внеземных цивилизаций, не знали, куда деваться от стыда, тем более что давно списали со счета тройную систему Альфы и Проксимы Центавра.

Немедленно в работу включились все радиотелескопы южного полушария, и через несколько часов мир узнал еще более ошеломляющую новость: источник сигнала находился вовсе не в системе Альфы Центавра, а в точке, отстоящей от нее на полградуса. И он перемещался.

Все стало на свои места. Мощность сигнала никого больше не удивляла, поскольку его источник уже вошел в пределы солнечной системы и приближался к Солнцу со скоростью шестьсот километров в секунду. Произошло то, чего так

ждали — и так боялись — люди: появились инопланетяне…

Однако целый месяц гость из космоса бездействовал: он проносился мимо внешних планет, не отвечая на сигналы Земли, не пытаясь изменить свою траекторию, подобную орбите кометы, и излучая в эфир одну и ту же серию импульсов, означавшую: «Я здесь!» Его путь от Альфы Центавра при условии, что он летел с неизменной скоростью, — должен был занять две тысячи лет. Одних это обстоятельство несколько успокоило, так как доказывало, что пришелец — космический зонд-робот, а других, напротив, разочаровало, лишив спектакль кульминации — появления живых инопланетян.

На свет были извлечены и со всей серьезностью проштудированы забытые сюжеты научной фантастики, начиная от пришествия на Землю благожелательных богов до вторжения кровопийц-вампиров. Лондонская компания «Ллойд» сильно обогатилась, так как люди стремились застраховать свою жизнь на случай самых непредвиденных поворотов судьбы.

Затем, как только инопланетянин прошел орбиту Юпитера, земные приборы принесли о нем первые вести. Панику, к счастью недолгую,

вызвало сообщение, что поперечник объекта составляет пятьсот километров. Вдруг это действительно летающая колония с вражеским десантом на борту?..

Однако вскоре выяснилось, что диаметр твердого корпуса инопланетянина равен всего нескольким метрам. Пятисоткилометровый ореол вокруг него оказался явлением знаковым — это была ажурная параболическая антенна, подобная орбитальным радиотелескопам земных астрономов. С ее помощью, очевидно, пришелец посылал на свою далекую родину сообщения об открытиях, которые делал; обшаривая солнечную систему и подслушивая радиопередачи.

Вскоре мир потрясла еще одна сенсация — антенна величиной с астероид была нацелена не на Альфу Центавра, а совсем на другую часть неба. Вероятно, ближайшая к нам звезда была просто последней промежуточной станцией, а не местом старта пришельца.

Установить его происхождение помог случай: один из автоматических аппаратов для исследования солнечной активности внезапно замолк и только через минуту вновь обрел голос. Анализ записей показал, что приборы были на мгновение парализованы интенсивной радиацией.

Аппарат пересек луч космического гостя, и это позволило определить, куда нацелена передача.

В том направлении на расстоянии пятидесяти двух световых лет находился очень слабый — и очевидно очень древний — красный карлик, одно из тех скромных маленьких солнц, которые будут спокойно светить через миллиарды лет после угасания великолепных звезд-гигантов. Все радиотелескопы мира, не занятые наблюдением за пришельцем из космоса, были наведены на его предполагаемую родину.

Сигнал был — ясный сигнал в сантиметровом диапазоне. Те, кто много тысяч лет назад создал зонд, все еще поддерживали с ним связь. Впрочем, послания, которые он принимал теперь шли к нему всего-навсего полвека.

Войдя внутрь орбиты Марса, пришелец дал понять, что знает о человечестве. Он выбрал самый драматический и самый верный способ стал передавать 3075-строчечные телефильмы, сопровождая их текстами на хорошем земном языке. Так началась первая в истории человечества космическая беседа — и с запаздыванием не в десятки лет, как предполагали раньше, а всего лишь в несколько минут.

11. ТЕНЬ НА РАССВЕТЕ

Морган вышел из ранапурского отеля в четыре часа. Стояла ясная, безлунная ночь. Он не был в восторге от времени, назначенного для поездки, однако доктор Сарат пообещал, что все неудобства окупятся.

— Вы так и не поймете, что такое Шри Канда, если не увидите рассвет с вершины, — сказал он. — Кроме того, Будди, то есть Маханаяке Тхеро, не принимает посетителей в другое время. Он считает, что это лучший способ отвадить любопытных туристов.

Как назло, шофер-тапробанец оказался ужасно болтливым, он без умолку что-то рассказывал и что-то спрашивал — ему, видно, хотелось узнать как можно больше о пассажире. Правда, делал он это с таким добродушием, что сердиться на него было трудно.

Все же Морган предпочел бы, чтобы шофер молчал и уделял больше внимания поворотам. Темнота была почти полной. Может, впрочем, и к лучшему, что нельзя видеть все пропасти и утесы, которые они миновали, пока машина взбиралась в горы…

— Вот она! — сказал шофер с гордостью, когда они обогнули очередной холм.

Шри Канда все еще была погружена в темноту, ничто не предвещало рассвета. Присутствие горы выдавала лишь узенькая полоска света, зигзагом поднимающаяся к звездам и будто чудом висящая в небе. Морган знал, что это просто фонари, поставленные двести лет назад для того, чтобы облегчить пилигримам подъем по самой длинной лестнице в мире; но эта полоска света, противоречащая логике и гравитации, казалась ему сейчас воплощением его собственной заветной мечты. За много веков до его рождения вдохновленные неведомыми ему философами люди начали труд, который он надеялся завершить. Это они возвели первые ступени на пути к звездам…

Моргана уже не клонило в сон. Приближающаяся светящаяся полоса распалась, став нитью мерцающих бус. Черный треугольник горы угадывался на фоне неба. В ее безмолвии таилось что-то зловещее. Она казалась жилищем богов, которые, прознав о цели Моргана, собирают все силы против него.

Эти мрачные мысли остались позади, когда машина прибыла на станцию канатной дороги.

Хотя было только пять часов утра, в маленьком зале ожидания толпилось не менее ста человек. Морган заказал две чашки спасительного кофе — для себя и своего словоохотливого шофера, который, к счастью, не проявил желания штурмовать вершину.

— Я был там раз двадцать, — заявил он с подчеркнутым равнодушием. — Лучше посплю в машине, пока вы не спуститесь.

Морган купил билет. По его расчетам, он попадал в третью или четвертую очередь. Холодно было уже здесь, на высоте двух километров. На вершине, в трех километрах выше, будет еще холоднее.

Плетясь в шеренге молчаливых и сонных людей, он с удивлением обнаружил, что только у него нет фотоаппарата. «А где же праведные паломники? — подумал он. — Впрочем, их здесь и не должно быть. Нет легких путей на небо. Совершенство достигается только собственными усилиями, а не с помощью машин. Но бывают обстоятельства, когда без машины не обойтись».

Наконец все расселись и вагончик под скрип канатов тронулся. И снова Моргана охватило странное чувство, будто он идет по чужим стопам. Лифт, который он задумал, будет поднимать

в десять тысяч раз больше груза, чем эта система, созданная, вероятно, еще в XX веке. Но принцип их действия одинаков.

Вагончик, покачиваясь, двигался в темноте, но иногда в поле зрения попадала лестница, освещенная фонарями. На ней никого не было, будто многомиллионный поток паломников, на протяжении трех тысяч лет поднимавшихся к вершине, разом иссяк. Но так только казалось: те, кто пешком шел на свидание с зарей, были сейчас далеко впереди.

На высоте четырех километров пассажиры, оставив вагон, перешли на другую станцию канатной дороги. Морган надел термоплащ, плотно запахнувшись в металлизированную ткань. Под ногами похрустывал иней, в разреженном воздухе трудно было дышать. Морган не удивился, увидев на станции кислородные баллоны; тут же на видном месте висела инструкция.

Вместе с последним подъемом появились первые признаки грядущего дня. На востоке еще горели звезды — ярче всех Венера, — когда высоко в небе вспыхнули зажженные зарей тонкие прозрачные облака. Но до рассвета оставалось еще полчаса.

Один из пассажиров указал на гигантскую

лестницу, петлявшую внизу по склонам, которые становились все круче. Теперь она не была безлюдной. Медленно, как во сне, десятки мужчин и женщин с трудом поднимались по бесчисленным ступеням. Сколько они в пути? Всю ночь, а многие больше. Старики, неспособные за один день преодолеть подъем. Морган не подозревал, что на свете еще столько верующих.

Мгновенье спустя он увидел первого монаха — высокий человек в оранжевой тоге шагал с размеренностью метронома, глядя вперед и не обращая внимания на вагон, плывущий над его выбритой головой. Стихии, казалось, тоже его не беспокоили: обнаженная по плечо правая рука была открыта леденящему ветру.

Вагон остановился у станции, выгрузил замерзших пассажиров и отправился в обратный путь. Морган присоединился к толпе из 200–300 человек, собравшихся в маленьком амфитеатре, вырубленном в западном склоне горы. Все напряженно всматривались в темноту, хотя пока ничего Не было видно — лишь узкая полоска огней, зигзагами спускающаяся в бездну. Запоздалые путники с отчаянными усилиями одолевали последний участок лестницы — вера побеждала усталость.

Морган посмотрел на часы: осталось десять минут. Никогда до этого он не встречался с таким множеством молчаливых людей. Туристов с фотоаппаратами и паломников объединяла сейчас одна надежда.

С вершины горы, из храма, все еще невидимого в темноте, донесся нежный перезвон колокольчиков, и в ту же минуту на громадной лестнице погасли все фонари. Стоя спиной к невидимому рассвету, люди увидели, как слабый отблеск дня осветил облака, лежащие далеко внизу. Однако огромный массив горы все еще задерживал зарю.

По мере того как солнце обходило с флангов последний оплот ночи, склоны Шри Канды с каждой секундой выделялись все отчетливей и ярче.

По толпе, застывшей в терпеливом ожидании, пронесся благоговейный шепот.

На мгновенье все как бы замерло в неподвижности, а затем совершенно неожиданно чуть ли не на половину Тапробани лег идеально симметричный треугольник с четкими краями. Гора не забыла своих поклонников — в море облаков лежала знаменитая тень Шри Канды, символ, который каждый паломник волен толковать по своему разумению…

Совершенство прямых линий создавало иллюзию твердого тела казалось, это поверженная пирамида, а не фантом из света и тени. Вокруг нее разливался свет, первые прямые лучи солнца вырывались из-за склонов горы, а тень по контрасту становилась все более темной и плотной. Но сквозь тонкую завесу облаков, источник ее недолгой жизни, Морган смутно различал озера, холмы и леса пробуждающейся земли.

Над горою вставало солнце, и вершина туманного треугольника с огромной скоростью приближалась к Моргану, но он не ощущал движения. Время как бы остановилось; впервые в жизни он не думал об уходящих минутах. Тень вечности легла на его душу, как тень горы на рассветные облака.

Тень быстро таяла, и тьма растворялась в небе, как краска в воде. Призрачный мерцающий пейзаж внизу обретал материальность. Примерно на полпути к горизонту вспыхнул свет — солнечный луч отразился от восточных окон какого-то строения, — а гораздо дальше, если не обманывал глаз, синела полоска моря.

Новый день пришел на Тапробани.

Люди медленно расходились. Одни вернулись на станцию, а другие, энтузиасты, направились

к лестнице в обычном заблуждении, что спускаться легче, чем подниматься. Большинство будет благодарить судьбу, добравшись до нижней станции. Только немногие способны одолеть весь спуск.

Лишь Морган, провожаемый любопытными взглядами, двинулся вверх по ступеням, ведущим к монастырю на вершине горы. Дойдя до гладко оштукатуренной наружной стены, уже озаренной первыми прямыми лучами солнца, он с облегчением прислонился к тяжелой деревянной двери.

За ним, должно быть, следили. Не успел он отыскать кнопку звонка или как-нибудь иначе дать знать о своем приходе, дверь бесшумно отворилась, и монах в желтом одеянии приветствовал его, сложив ладони.

— Аю бован, доктор Морган. Маханаяке Тхеро будет рад вас видеть.

12. ОБУЧЕНИЕ ЗВЕЗДОЛЕТА

(Отрывок из «Конкорданции Звездолета». Издание первое, 2071 г.)

Мы теперь хорошо знаем, что межзвездный космический зонд, именуемый обычно Звездолетом, совершенно автономен и работает по программам, заложенным в него шестьдесят тысяч лет назад. Путешествуя от солнца к солнцу, он с помощью пятисоткилометровой антенны передает собранную информацию на свою родину и время от времени получает оттуда новейшие данные.

Однако, проходя через какую-либо планетную систему. Звездолет использует солнечную энергию и во много раз увеличивает скорость передачи информации. Кроме того, он «подзаряжает аккумуляторы», хотя аналогия здесь очень условна. А поскольку он, как наши первые «Пионеры» и «Вояджеры», использует гравитационные поля небесных тел, чтобы обеспечить себе движение от звезды к звезде, он будет действовать бесконечно долго, пока какое-нибудь механическое повреждение не положит конец его полету. Альфа Центавра была его одинна-

дцатым промежуточным пунктом назначения. Облетев, подобно комете, наше Солнце, он взял курс на Тау Кита, звезду, находящуюся на расстоянии двенадцати световых лет. И если там есть разумная жизнь, он вступит в новую беседу вскоре после 8100 года нашей эры…

…Ибо Звездолет одновременно выполняет две функции — посла и исследователя. Обнаружив в конце своего очередного тысячелетнего путешествия технологическую цивилизацию, он завязывает с ней дружеские отношения и начинает обмен информацией — единственно возможную форму межзвездной торговли. И, прежде чем снова отправиться в свой бесконечный путь. Звездолет оставляет координаты своего родного мира, который уже ждет прямого вызова от нового абонента галактической «телефонной сети».

Мы, жители Земли, гордимся тем, что опознали его материнское солнце и даже передали туда сигналы еще до того, как он открыл нам свои звездные карты. Теперь мы должны лишь сто четыре года ждать ответа. Нам невероятно повезло — мы обрели таких близких соседей.

Из первых же сообщений стало ясно, что Звездолет знает несколько тысяч основных земных

слов. Он вывел их смысл, проанализировав телевизионные и радиопередачи. Сведения, которые он собирал по мере приближения к нашей планете, являли собой совершенно нехарактерную выборку из спектра человеческой культуры. Среди них почти не было последних данных естественных наук, еще меньше современной математики — лишь случайные выжимки из произведений литературы, музыки и изобразительных искусств.

Как у всех гениев-самоучек, у Звездолета были огромные пробелы в образовании. И, следуя принципу, гласящему, что лучше дать слишком много, чем слишком мало, Звездолету, как только был налажен контакт, немедленно «подарили» несколько энциклопедических словарей, в том числе Большую Всемирную Энциклопедию. Их передача заняла около часа. После этого Звездолет замолк на четыре часа — это была самая долгая пауза в его передачах. Когда он вновь вышел на связь, словарь его стал неизмеримо богаче и в девяноста девяти случаях из ста он легко выдерживал тест Тьюринга. По сообщениям, полученным от Звездолета, невозможно заподозрить, что это машина, а не высокообразованный человек.

Случались и промахи: например, неправильное употребление слов, имеющих двойной смысл, и отсутствие эмоциональной окраски диалога. Но этого следовало ожидать. В отличие от самых совершенных земных компьютеров, которые в случае необходимости воспроизводят эмоции своих создателей, чувства и желания Звездолета отражают, очевидно, чувства и желания представителей совершенно чуждого нам биологического вида и поэтому в большинстве своем непонятны людям.

И наоборот. Звездолет прекрасно и безошибочно понимал, что «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов», но вряд ли мог догадаться, что имел в виду Китс, когда писал:

Таинственные окна растворяла
В забытый мир над кружевом валов…

Еще менее доступными для него оказались строки Шекспира:

Сравню ли с летним днем твои черты?
Нет, ты милей, умеренней и краше…

Желая помочь Звездолету восполнить пробелы в образовании, его пичкали многочасовыми музыкальными передачами, без конца показы-

вали пьесы, а также сцены из жизни людей и животных. Здесь не обошлось без цензуры. Хотя склонность человечества к насилию и войнам стала ему известна (к сожалению, было слишком поздно требовать назад Всемирную Энциклопедию), транслировались только тщательно подобранные передачи. И на время, пока Звездолет не вышел далеко за пределы слышимости, обычные радио- и видеопередачи почти прекратились.

Еще много столетий философы будут вести нескончаемые споры о том, насколько глубоко проник Звездолет в людские дела и заботы. В одном только пункте нет расхождений. Сто дней его пребывания в солнечной системе бесповоротно изменили представления человека о вселенной, ее происхождении и своем месте в ней.

После ухода Звездолета земная цивилизация уже никогда не будет прежней.

13. БОДХИДХАРМА

Когда за Морганом с тихим щелчком закрылась массивная резная дверь с затейливым орнаментом из лотосов, у него возникло ощущение, будто он попал в другой мир. Он отнюдь не впервые ступал по земле, освященной великими религиями. Он видел Нотр-Дам, Святую Софию, Стоунхендж, Парфенон, Корнак, собор Святого Павла и еще десяток прославленных храмов и мечетей. Но всегда воспринимал их как застывшие реликвии прошлого — замечательные образцы искусства или техники, ничем не связанные с современностью. Религия, создавшие и поддерживавшие их, давно канули в вечность.

Но тут время, казалось, застало. Ураганы истории пронеслись мимо этой цитадели веры, не поколебав ее. Здешние монахи продолжали молиться, размышлять и встречать восход так же, как и три тысячи лет назад.

Шагая по истертым плитам внутреннего двора, отполированным ступнями бесчисленных паломников, Морган вдруг ощутил несвойственную ему нерешительность. Во имя прогресса он собирается разрушить что-то очень древнее и

благородное. Что-то, чего ему все равно не дано до конца понять.

Огромный бронзовый колокол в звоннице, вырастающей прямо из монастырской стены, приковал его внимание и заставил остановиться. Инженерное чутье подсказало, что такой колокол должен весить не менее пяти тонн. По всей видимости, он очень древний…

Монах заметил его любопытство и понимающе улыбнулся.

— Ему две тысячи лет, — сказал он. — Это дар Калидасы Проклятого, от которого нам нельзя было отказаться. Как гласит предание, понадобилось десять лет, чтобы поднять его сюда — это стоило жизни сотне людей.

— А когда в него звонят?

— Он несет на себе печать своего мрачного происхождения и звонит только во времена больших бедствий. Я никогда не слышал его голоса, как и никто из ныне живущих. Он зазвонил однажды сам во время великого землетрясения 2017 года. А до этого — в 1522 году, когда иберы сожгли Храм Зуба и захватили Священную Реликвию.

— Значит, в него никогда не звонят — и это после всех усилий?

— Десяток раз, не более, за две тысячи лет. На

нем все еще лежит проклятие Калидасы.

«Вероятно, это благочестиво, но очень уж непрактично», — невольно подумал Морган. Промелькнула кощунственная мысль, что не один монах, наверное, испытывал искушение легонько постучать по колоколу, чтобы услышать неведомый звук его запретного голоса…

Они приблизились к огромному каменному монолиту, в котором были выбиты ступеньки, ведущие к позолоченному павильону. Морган догадался, что это и есть самая вершина горы. Он знал, какая святыня там сокрыта, но монах, не дожидаясь вопроса, снова с готовностью пояснил:

— Там след ноги. Мусульмане верили, что это нога Адама. Он ступил сюда после того, как был изгнан из рая. Индуисты считали, что это след Шивы или Самана, а буддисты, конечно, не сомневались, что это отпечаток ноги «Просветленного».

— Я заметил, что вы употребили прошедшее время, — подчеркнуто равнодушно сказал Морган. — Что думают теперь?

— Будда был обыкновенный человек, как мы с вами. Отпечаток на скале — на очень твердом камне — имеет два метра в длину.

Разговор был исчерпан, и Морган не задавал

больше вопросов. Они прошли короткую сводчатую галерею и оказались перед открытой дверью. Монах постучался и, не дожидаясь ответа, пригласил гостя войти.

Воображение Моргана рисовало ему Маханаяке Тхеро сидящим скрестив ноги на коврике в окружении курильниц с благовониями и поющих послушников. В прохладном воздухе действительно стоял легкий аромат, но сам настоятель храма Шри Канда сидел за обыкновенным письменным столом со стандартным дисплеем и запоминающими устройствами. Единственным необычным предметом в комнате была голова Будды, чуть больше натуральной величины. Она стояла в углу на постаменте. Было неясно, статуя это или объемное изображение.

Несмотря на обычность обстановки, главу монастыря трудно было спутать с чиновником. Помимо неизменного желтого облачения буддийского монаха, Маханаяке Тхеро отличался двумя особенностями, крайне редко встречающимися: череп его был абсолютно гол, а на глазах были очки.

— Аю бован, доктор Морган, — сказал настоятель, указывая на единственный свободный стул. — А это мой секретарь, преподобный Пара-

карма. Надеюсь, вы не станете возражать, если он будет записывать.

— Нет, разумеется.

Морган легким кивком поздоровался с сидящим. Молодой монах был обладателем лохматой шевелюры и внушительной бороды. Значит, бритые головы не были в монастыре правилом.

— Итак, доктор Морган, вам нужна наша гора, — сказал Маханаяке Тхеро.

— Боюсь, что так… ваше преподобие. По крайней мере, частично.

— Именно эти гектары? На всей планете?

— Выбирал не я, а природа. Наземную станцию нужно установить на экваторе, на возможно большей высоте, где плотность воздуха невелика.

— Но в Африке и в Южной Америке есть более высокие горы.

«Опять все сначала», — с тоской подумал Морган. По горькому опыту он знал, что непрофессионалу почти невозможно вникнуть в проблему, независимо от его сообразительности и степени заинтересованности. Если бы Земля была идеально симметричной, без впадин и выпуклостей гравитационного поля…

— Поверьте мне, мы рассмотрели все вари-

анты. Котопахи, Кения и даже Килиманджаро — хотя последняя лежит на три градуса южнее — великолепно бы нас устроили, если бы не один роковой недостаток. Спутник на стационарной орбите не находится в одной точке. Из-за гравитационных возмущений — я не хочу вдаваться в подробности — он медленно дрейфует вдоль экватора. Чтобы наши спутники и космические станции были строго синхронными, Необходимо сжигать топливо. Правда, не так много. Но этим способом не удержишь на месте миллионы тонн металла, особенно, если это тонкие балки длиной в десятки тысяч километров. Однако, к счастью для нас…

— Но не для нас, — вставил Маханаяке Тхеро.

— …на синхронной орбите есть две устойчивые точки. Спутник, выведенный в такую точку, останется там навсегда, словно он находится на дне невидимой впадины. Одна из этих точек расположена над Тихим океаном, другая — прямо над нашей головой.

— Но почему нельзя правее или левее? Несколько километров роли не играют. На Тапробани есть и другие горы.

— Они минимум вдвое ниже Шри Канды. Там дуют ветры. Правда, ураганов на экваторе не так

много, но вполне достаточно, чтобы поставить под угрозу сооружение. Притом в самой уязвимой точке.

— Но мы умеем управлять ветрами.

Это были первые слова молодого секретаря. Морган взглянул на него с интересом.

— До некоторой степени. Естественно, я советовался со Службой Муссонов. Они утверждают, что стопроцентной уверенности нет, особенно если речь идет об ураганах. В лучшем случае шансы относятся как пятьдесят к одному. Маловато для проекта стоимостью в миллиарды долларов.

Преподобный Паракарма, однако, был не склонен сдаваться.

— В математике есть почти забытая область, именуемая теорией катастроф. Она может превратить метеорологию в настоящую точную науку. И я уверен, что…

— Дело в том, — мягко вмешался Маханаяке Тхеро, — что мой коллега в свое время был широко известен трудами по астрономии. Вам, вероятно, знакомо имя доктора Чома Голдберга?..

Моргану показалось, что пол ушел у него из-под ног. Почему его не предупредили?! Но он тут же вспомнил, как профессор Сарат сказал: «Будьте особенно осторожны с личным секретарем Буд-

ды. Ему палец в рот не клади».

Под откровенно недоброжелательным взглядом преподобного Паракармы Морган почувствовал себя неуютно. Глупое положение. Он пытается втолковать наивным монахам суть орбитальной неустойчивости, тогда как даже Маханаяке Тхеро, бесспорно, уже получил самую компетентную консультацию.

Что касается доктора Голдберга, Морган хорошо помнил, что ученые всего мира разделились на два лагеря: одни считали, что он сумасшедший, а другие не были до конца в этом уверены. Голдберг был одним из самых перспективных молодых астрофизиков, но пять лет назад заявил: «Теперь, когда Звездолет разрушил традиционные религии, настало время всерьез заняться проблемой Бога».

После чего исчез из поля зрения.

14. БЕСЕДЫ СО ЗВЕЗДОЛЕТОМ

Во время пребывания Звездолета в солнечной системе ему задали тысячи вопросов, но прежде всего люди жаждали получить сведения о других цивилизациях и с нетерпением ждали ответа. Вопреки некоторым предположениям робот отвечал охотно, признавшись, правда, что его самые свежие данные устарели более чем на сто лет.

Поскольку на Земле всего один биологический вид породил такое многообразие культур, то что говорить о космосе! Но создателям Звездолета удалось составить приблизительную классификацию культур по единственному объективному критерию — уровню технического развития. Человечество попадало в пятую категорию. Схема имела такой вид: 1 — каменные орудия; 2 — обработка металлов, огонь; 3 — письменность, ремесла, корабли; 4 — паровые машины, математика, естественные науки; 5 — атомная энергия, космические полеты.

60 тысяч лет назад, когда Звездолет стартовал, его создатели тоже находились на пятой стадии. Затем они поднялись на следующую ступень, научившись властвовать над материей.

Звездолет тут же спросили, существует ли категория номер семь. Ответ гласил: «Да». Когда запросили подробности, зонд ответил, что не уполномочен давать описания высокоразвитых культур цивилизациям низших категорий. Тем дело и кончилось, несмотря на множество изобретательных вопросов, составленных самыми выдающимися юристами Земли.

Впрочем, Звездолет к этому времени мог с успехом вести диспут с любым земным философом. Отчасти в этом были виноваты ученые из Чикагского университета, которые тайком протранслировали ему всю «Сумму Теологии». В ответ Звездолет незамедлительно выдал обстоятельный анализ сочинения Фомы Аквинского, убедительно показав, что смысла в этом произведении содержится весьма мало. В другом сообщении Звездолет провел ясную аналогию между вспышками религиозного фанатизма и такими событиями, как финал мирового футбольного чемпионата или выступления популярных вокально-инструментальных групп. Затем он сообщил, что поведение религиозного типа встречается лишь в трех из 15 известных культур первой категории, в 6 из 28 — второй, в 5 из 14, принадлежащих к третьей, в 2 из 10 — к

четвертой и в 3 из 174 пятой категории (большая статистика в последнем случае объяснялась тем, что с цивилизациями этой категории возможна межзвездная радиосвязь).

Но по-настоящему потрясло многих последнее сообщение Звездолета.

11 июня 2069 года, 06.84 по Гринвичу, сообщение 8964, серия 2. Звездолет — Земле: 456 лет назад мне сообщили, что загадка происхождения вселенной наконец решена. Для получения соответствующей информации вы должны непосредственно связаться с моей родиной. Перехожу на крейсерский режим, прерываю связь. Прощайте.

По мнению многих, это заключительное и самое знаменитое из тысяч сообщений показывает, что Звездолет не лишен чувства юмора. Иначе вряд ли он отложил бы напоследок такую философскую бомбу. Но гораздо более вероятно, что это сообщение являлось частью тонко продуманного плана, рассчитанного на то, чтобы подтолкнуть человечество на нужный путь и подготовить его к прямому межзвездному разговору, который начнется 104 года спустя.

Некоторые считали, что нельзя позволить Звездолету унести за пределы солнечной системы

огромные запасы знаний и образцы техники, далеко опередившей земную. Хотя ни один существующий корабль не смог бы догнать Звездолет и вернуться на Землю, такой перехватчик нетрудно было построить.

К счастью, победили более разумные соображения. Зонд-робот наверняка был снабжен надежными средствами защиты, включая способность к саморазрушению. Но самый веский аргумент состоял в том, что создатели Звездолета живут всего в 52 световых годах от Земли. Многие тысячелетия, прошедшие после старта Звездолета, их космическая техника, разумеется, не стояла на месте. Если поведение человечества им не понравится, то через каких-нибудь 200–300 лет они появятся сами…

А их зонд не только оказал влияние практически на все области человеческой культуры, но и положил конец бесконечным религиозным спорам, которыми занимались вполне, казалось бы, разумные люди на протяжении многих веков.

15. ПАРАКАРМА

Вошли два юных послушника. Один держал в руках поднос с рисом, фруктами и лепешками, другой — неизменный чайник. Среди блюд не было ни одного мясного. Яйца, насколько знал Морган, тоже находились под запретом. Впрочем, слово «запрет» здесь не подходит. Имеется точно регламентированный список допустимого, в котором радости жизни занимают одно из последних мест.

Пробуя незнакомые блюда, Морган вопросительно взглянул на Маханаяке Тхеро. Тот покачал головой.

— Мы не едим до полудня. Утром мозг особенно ясен. В эти часы ничто постороннее не должно занимать наши помыслы.

Этого Морган не понимал. Для него пустой желудок всегда был обстоятельством, отвлекающим от работы. Наделенный природным здоровьем, он привык воспринимать тело и душу как нечто единое.

Глаза Моргана невольно вернулись к изображению Будды. Вероятно, это была действительно статуя — ее постамент отбрасывал тень. Правда,

сама голова могла быть все-таки лишь объемной проекцией…

Но это было произведение искусства. Лицо Будды, как и лицо Моны Лизы, отражало чувства зрителя, в то же время властно направляя их. В его глазах зияла бездонность озер, в которых можно утратить душу или обрести вселенную. На губах змеилась улыбка, еще более загадочная, чем улыбка Джоконды. Да и улыбка ли это? Или только световой эффект? И вот она исчезла, уступив место выражению неземного покоя. Морган не мог оторвать взгляд от этого гипнотического лица…

— Думаю, вы не откажетесь от маленького сувенира, — сказал Маханаяке Тхеро.

Морган взял протянутый ему листок. Это был кусок старинного пергамента, покрытый замысловатыми завитушками, в которых Морган узнал тапробанскую письменность.

— Благодарю вас, — сказал он. — Что это такое?

— Копия соглашения между царем Равиндрой и Маха Санха. Оно было подписано в восемьсот пятьдесят четвертом году по вашему летоисчислению. Документ утверждает право монастыря на вечное владение храмовыми землями. Права,

зафиксированные в этом документе, признавали даже иноземные захватчики.

— Но, по-моему, в соглашении восемьсот пятьдесят четвертого года говорится только о землях в пределах храма, четко обозначенных монастырскими стенами. У вас нет прав на земли, лежащие вне храма.

— Но есть права, общие для всех владельцев собственности. Если соседи причиняют нам неудобства, мы можем апеллировать к судебным инстанциям. Подобный прецедент уже имел место.

— Знаю. В связи со строительством канатной дороги.

На губах Маханаяке Тхеро появилась улыбка.

— Вы, я вижу, хорошо подготовились. Действительно, у нас были серьезные возражения. — Он сделал паузу, потом добавил: — Было много сложностей, но мы, как выяснилось, вполне можем сосуществовать. Туристы удовлетворяются видовой площадкой, а настоящих паломников мы всегда рады принять на вершине горы.

— Может, стоит поступить так же? Несколько сот метров для нас ничего не решают. Мы не будем трогать вершину. Просто вырубим в скале еще одну площадку…

Под пристальными взглядами монахов Морган чувствовал себя неуютно.

Он не сомневался, что они прекрасно понимают нелепость этой идеи, но он должен был ее выдвинуть — хотя бы из дипломатических соображений.

— Ваш юмор очень своеобразен, доктор Морган, — прервал наконец молчание Маханаяке Тхеро. — Что останется от духа священной горы, если установить здесь вашу чудовищную конструкцию? Что останется от одиночества, к которому мы стремимся вот уже три тысячи лег? Неужели вы думаете, что мы предадим миллионы верующих, стремящихся к этому священному месту?

— Я разделяю ваши чувства, — сказал Морган — Мы сделаем все возможное, чтобы не причинять вам неудобств. Если убрать основание лифта под землю, общий вид горы совершенно не пострадает. Даже знаменитая тень Шри Канды…

Маханаяке Тхеро посмотрел на своего секретаря. Тот бросил пристальный взгляд на Моргана.

— А как насчет шума?

«Он прав, — подумал Морган. — Поднимающиеся грузы будут покидать шахту со скоростью в сотни километров в час. Чем больше начальная

скорость, тем меньше напряжения в несущих конструкциях. Перегрузки будут невелики, однако скорость выхода капсул приблизится к звуковой».

Вслух он сказал:

— Конечно, шум будет, но гораздо меньше, чем рядом с крупным аэродромом.

— Это весьма утешительно, — сказал Маханаяке Тхеро, по-прежнему непроницаемый. Но молодой монах даже не старался скрыть гнева.

— Думаете, нам мало грохота от входа космических кораблей в атмосферу? Теперь вы собираетесь генерировать ударные волны прямо у наших стен!

— Основную энергию звуковых волн поглотит сама башня, — веско заявил Морган. — А когда космические корабли перестанут летать, на горе станет даже спокойнее.

— Ясно. Вместо редких сотрясений наш слух будет услаждаться непрерывным ревом.

Оставалось переменить тему. Морган попытался осторожно ступить на зыбкую религиозную почву.

— Не находите ли вы, что у нас похожие цели? — спросил он. — Моя башня — это продолжение вашей лестницы. Просто я хочу дотянуть ее до

самого неба.

Преподобный Паракарма даже онемел от такого кощунства. Его выручил Маханаяке Тхеро.

— Любопытная концепция, — сказал он бесстрастно. — Но наша философия отрицает загробную жизнь. Спасение надо искать в этом мире. Вы знаете историю Вавилонской башни?

— Смутно.

— Советую перечитать Ветхий завет. Там речь тоже идет о попытке построить сооружение, позволяющее взобраться на небо. Но ничего не получилось — люди не понимали друг друга, так как говорили на разных языках.

— Эта трудность, пожалуй, нам не грозит, — сказал Морган.

Но они действительно говорили на разных языках. Как и при переговорах человечества со Звездолетом, между собеседниками лежало сейчас море непонимания, которое, возможно, никогда не удастся преодолеть.

— А вдруг башня рухнет?..

Морган пристально посмотрел в глаза преподобному Паракарме.

— Не рухнет, — сказал он с убежденностью человека, чье творение соединило два континента.

Но Морган отлично знал, что в таких вопросах

нельзя быть абсолютно уверенным. Знал это и неумолимый Паракарма.

16. ЗОЛОТЫЕ БАБОЧКИ

Солнце ярко светило; дорога петляла среди сказочно красивых ландшафтов. Несмотря на это, Морган крепко уснул вскоре после того, как автомобиль тронулся. Из забытья его вывел внезапный толчок машина со скрежетом затормозила, и в грудь Моргана врезался ремень безопасности.

Он не сразу сообразил, где находится. Неужели это продолжение сна? Ветерок, врывавшийся в полуоткрытое окно, был влажным и теплым, как из турецкой бани, а вокруг машины бушевала метель.

Морган протер глаза — и открыл их навстречу чуду. Никогда прежде он не видел золотого снега.

Ехать дальше было нельзя. Гигантская стая бабочек плотной тучей летела к востоку. Некоторые проникли в салон, другие облепили ветровое стекло. Шофер, разразившись изысканным тапробанским ругательством, полез из машины. Когда он очистил стекло, стая заметно поредела, и лишь одинокие отставшие насекомые порхали в воздухе над дорогой.

— Вы слышали легенду? — спросил шофер, когда автомобиль тронулся.

— Нет, — буркнул Морган. Легенда его не интересовала. Он мечтал об одном — поскорее снова уснуть.

— Легенду о золотых бабочках. Это души воинов Калидасы, погибших в битве за Яккагалу.

Морган хмыкнул, надеясь, что шофер поймет намек. Но тот безжалостно продолжал:

— Каждый год они устремляются к Шри Канде, погибая на нижних склонах. Иногда они достигают середины канатной дороги, но дальше не залетают, к счастью, для храма. Ведь если они доберутся до вершины, значит, победил Калидаса, и тогда монахам придется уйти. Так гласит пророчество, высеченное на каменной плите, хранящейся в Ранапурском музее. Хотите посмотреть?

— Как-нибудь в другой раз, — поспешно ответил Морган, откидываясь в мягком сиденье. Но заснуть удалось не скоро — перед глазами еще долго маячила картина, нарисованная шофером.

17. ТАНЦУЮЩИЙ МОСТ

Кабинет Моргана, где он проводил в среднем десять дней в месяц, находился в отделе «Суша» на шестом этаже огромного здания ВСК в Найроби. Этажом ниже располагался отдел «Море», а выше — администрация, то есть президент Коллинз со своей свитой. Верхний этаж архитектор, отдавая дань наивной символике, отвел под отдел «Космос». На крыше размещалась обсерватория с небольшим телескопом, который, впрочем, никогда не использовался по прямому назначению. Излюбленной мишенью сотрудников были окна отеля «Три планеты», находящегося всего в километре от здания корпорации. Телескоп позволял наблюдать весьма своеобразные формы жизни, причем самой интимной.

Поскольку Морган, будучи в отъезде, поддерживал постоянную связь с обоими секретарями (один из которых был роботом), он не ждал никаких сюрпризов по возвращении. Даже по нормам минувших веков отдел был сравнительно небольшим учреждением. Под руководством Моргана работало меньше трехсот человек, но компьютеры позволяли им производить такой

объем вычислений, с которым без помощи ЭВМ не справилось бы все население земного шара.

— Как дела? — спросил Уоррен Кингсли, заместитель и давний друг Моргана, когда они остались вдвоем.

— Неважно. До сих пор не могу поверить, что нам мешает эта нелепость. Что говорят юристы?

— Все зависит от решения Международного суда. Если суд признает, что проект необходим обществу, монахам придется потесниться... В противном случае ситуация осложняется. Может, устроить им небольшое землетрясение?

Членство Моргана в Совете Тектоники служило предметом вечных шуток.

Тектоники так и не нашли (к счастью для человечества) способа управлять землетрясениями. Впрочем, они никогда и не ставили такую задачу. Люди научились лишь надежно предсказывать землетрясения и слегка снижать их разрушительную силу.

— Я обдумаю ваше предложение, — сказал Морган. — А как насчет главного?

— Смотрите сами.

В комнате погас свет. Над ковром повис земной шар, покрытый сеткой координат. От него примерно на высоту человеческого роста вверх шла

светящаяся нить орбитальной башни. Ряды букв и цифр возникали прямо в воздухе — скорости, ускорения, массы…

— Скорость воспроизведения в пятьсот раз больше нормальной. Начали. Невидимая сила отклоняла светящуюся нить от вертикали. Возмущение распространялось вверх, моделируя с помощью компьютера продвижение груза в гравитационном поле Земли.

— Величина смещения? — спросил Морган.

— Около двухсот метров. Дойдет до трехсот, прежде чем…

Нить оборвалась. Ленивым замедленным движением, имитировавшим скорости в тысячи километров в час, обе части перерезанной надвое башни отдалялись друг от друга — одна склонялась к Земле, вторая, вращаясь, устремилась в космос… Но воображаемую катастрофу, порожденную мозгом компьютера, уже заслонила реальная картина, преследовавшая Моргана многие годы.

Эту документальную ленту двухвековой давности он смотрел минимум 50 раз, а некоторые фрагменты изучал кадр за кадром, пока не запомнил мельчайших подробностей. Сюжет фильма обошелся штату Вашингтон в рекордную для

мирного времени сумму — за каждой минутой съемок скрывались миллионы долларов.

Бесстрастный объектив запечатлел изящный (чересчур изящный!) мост, переброшенный через каньон, и одинокий автомобиль, остановленный на полпути испуганным водителем. Неудивительно — с мостом происходило нечто неслыханное во всей истории техники.

Казалось невероятным, что тысячи тонн металла способны на такое: со стороны мост казался не стальным, а резиновым. Длинные, медленные волны высотой несколько метров бежали по массивной конструкции, делая ее похожей на разъяренную змею. Дувший вдоль каньона ветер нес в себе неслышимые колебания, возбуждавшие резонансную частоту сооружения. Вибрация постепенно усиливалась на протяжении нескольких часов, но никто не подозревал, к чему она приведет. А сейчас приближался финал, который вполне могли бы предвидеть незадачливые конструкторы.

Внезапно несущие тросы лопнули, ударив смертоносными бичами. Дорога рухнула в бездну; обломки сооружения, вращаясь, полетели в разные стороны. Даже при нормальной скорости пленки катастрофа выглядела как при замедлен-

ном воспроизведении; масштабы происходящего не с чем было сравнить. На деле все продолжалось пять секунд; по истечении этого времени мост через Такомское ущелье занял свое поучительное место в истории техники. Фотография последних моментов его жизни два века спустя висела в кабинете Моргана, снабженная надписью: «Одно из наших наименее удачных свершений».

Для Моргана это была не шутка, а постоянное напоминание о том, что неожиданность может подстерегать всюду. Когда проектировали Гибралтарский Мост, он тщательно проштудировал классическую работу Кармана о Такомской катастрофе. И урок пошел не впустую — даже при самых сильных ураганах, приходивших с Атлантики, серьезных проблем, связанных с вибрацией, не возникало, хотя дорожное полотно и смещалось на сто метров вбок — в строгом соответствии с расчетами.

Однако проектирование космического лифта было настолько дерзким прыжком в неведомое, что избежать неприятных сюрпризов было почти невозможно. Рассчитать давление ветра на его нижнюю часть не составляло труда, но следовало принимать во внимание и вибрацию, возникающую из-за движения грузов и даже

под воздействием приливных сил от Солнца и Луны. При так называемом «анализе на худший случай» все эти факторы — плюс случайные землетрясения — необходимо учитывать не только порознь, но и одновременно.

— Все модели этого режима грузооборота приводят к одинаковым результатам, — сказал Уоррен. — Вибрации постепенно нарастают, затем примерно на высоте пятьсот километров происходит обрыв. Необходимо резко увеличить массу противовеса.

— Этого я и боялся. На сколько?

— На десять мегатонн.

Такую же цифру подсказывала Моргану и его инженерная интуиция. Теперь компьютер ее подтвердил. Десять миллионов тонн! Перед глазами возникла Яккагала на фоне тапробанского неба. И такую скалу надо поднять на высоту сорок тысяч километров! К счастью, это необязательно; есть и другие пути.

Морган поощрял самостоятельность своих подчиненных. Это единственный способ воспитать чувство ответственности и снять с себя часть нагрузки. И его сотрудники часто находили решения, которых сам он не видел.

— Что будем делать, Уоррен?

— Можно использовать лунную катапульту. Но это долго и дорого. Лунный грунт придется перехватывать и затем переводить на нужную орбиту. Кроме того, возникнет психологическая проблема…

— Понимаю. Нам не нужно второго Сан Луис Доминго.

Так называлось небольшое (к счастью) селение в Южной Америке, на которое случайно обрушился груз лунного грунта, предназначенный для одной из околоземных станций. Прицел оказался неточным — и на Земле появился первый искусственный метеоритный кратер. Погибло двести пятьдесят человек. После этого население планеты Земля стало весьма неодобрительно относиться к космическим стрельбам.

— Гораздо лучше использовать астероид с подходящей орбитой, — продолжал Уоррен. — У нас есть уже три на примете. Но желательно, чтобы там был углерод для изготовления суперволокна. Так мы убьем одним камнем двух зайцев.

— Камешек, пожалуй, великоват, но идея мне нравится. Лунная катапульта не годится — мы заняли бы ее на многие годы, и часть грузов неизбежно будет потеряна. Если масса вашего астероида окажется недостаточной, мы подни-

мем недостающее с помощью самого лифта. Хотя я бы предпочел не тратить столько энергии.

— Этот способ может оказаться самым экономичным.

— Разве? — сказал Морган. И добавил после минутной паузы: — Если так, космические инженеры скоро меня возненавидят.

«Почти так же, как преподобный Паракарма», — продолжил он про себя.

Впрочем, он несправедлив. Истинным приверженцам религии чувство ненависти ныне непозволительно. Там, в храме, глаза Чома Голдберга выражали другое: непоколебимую решимость бороться до конца.

Бороться любыми средствами.

18. ПРИГОВОР

Среди многочисленных качеств Поля Сарата было одно неприятное: он мог радостно или печально — в зависимости от события — позвонить в самое неожиданное время и спросить: «Вы уже слышали новость?»

Раджасинху иногда так и подмывало ответить: «Слышал — и ничуть не удивлен», но у него не хватало духа лишать Поля маленькой радости.

— Ну, что на этот раз? — спросил он без энтузиазма.

— По второму каналу передают беседу Максины Дюваль с сенатором Коллинзом. Кажется, у нашего Моргана неприятности. Я вас вызову. Раджасинха нажал клавишу. Возбужденное лицо Поля уступило место изображению Максины Дюваль. Она сидела в хорошо знакомой студии и разговаривала с Президентом ВСК, явно чем-то возмущенным.

— …сенатор Коллинз, сейчас, когда приговор Международного суда уже вынесен…

Раджасинха надавил клавишу «Запись», выключил звук и тут же активировал канал личной связи с АРИСТОТЕЛЕМ.

— Доброе утро, Ари. Меня интересует сегодняшнее решение Международного суда по делу храма Шри Канда. Только кратко.

— Заключение 1. Право на вечную аренду храмовой земли подтверждается законодательством Тапробани, а также Всемирным законодательством и зарегистрировано под номером 2085. Решение единогласное. Заключение. 2. Проектируемое сооружение орбитальной башни с сопутствующими ей шумом и вибрацией на территории, имеющей большую культурную и историческую ценность, противоречит статьям Гражданского кодекса. На данном этапе общественная значимость проекта недостаточна, чтобы повлиять на мнение суда. Принято четырьмя голосами против двух при одном воздержавшемся.

— Спасибо, Ари. Бумажной копии не нужно. До свидания.

Все произошло так, как и следовало ожидать. Однако Раджасинха не знал — радоваться ему или печалиться.

Ему, всеми корнями связанному с прошлым, приятно было сознавать, что древние традиции все еще чтут и сохраняют. Какие бы странные формы ни принимали убеждения людей, их нуж-

но всячески оберегать. Если, разумеется, они не затрагивают общественных интересов.

В то же время Раджасинха испытывал легкое сожаление. Он почти убедил себя, что только фантастическая затея Моргана может спасти Тапробани (а заодно и весь остальной мир) от сытого, самодовольного конца. Теперь суд закрыл этот путь. Если не навсегда, то на многие годы.

На пульте уже с минуту горел огонек вызова. Раджасинха надавил клавишу.

— Вы все поняли? — спросил профессор Сарат. — Это конец Ванневара Моргана.

Несколько секунд Раджасинха задумчиво смотрел на старого друга.

— Вы склонны к поспешным выводам, Поль. Хотите пари?

Часть III. КОЛОКОЛ

19. ЛУНДОЗЕР

— Знаете, доктор Морган, в чем ваше несчастье? — сказал человек в кресле-каталке. — Просто вы не на той планете.

— По-моему, — отпарировал Морган, — это относится и к вам.

Министр финансов Народного Марса[6] понимающе улыбнулся.

— Ну, я — то здесь всего на неделю. Скоро Луна, нормальная тяжесть. Конечно, я мог бы и ходить, если нужно, но колеса, по-моему, лучше.

— А зачем вам вообще прилетать на Землю?

— Иногда необходимо самому находиться на месте событий. Вопреки распространенному мнению, связь — еще далеко не все.

Морган кивнул: министр прав. Нет числа случаям, когда структура какого-то материала, ощущение камня и почвы под ногой, запах леса, брызги воды на лице были жизненно важны для его проектов. Возможно, когда-нибудь даже это научатся передавать по радио. Но нужно остерегаться подделок.

---

[6] Примечания: 6
Кларк употребляет русское слово «народный». — *Ред.*

— Если вы прилетели специально ради меня, — сказал Морган, — я очень польщен. Но не предлагайте мне работу на Марсе. Я рад отставке: теперь я иногда вижусь с родными и друзьями и не собираюсь начинать все сначала.

— Но вам всего пятьдесят два. Как вы сможете без работы?

— Дел сколько угодно. Меня всегда интересовали древние инженеры — римляне, греки, инки, — но никогда не было на них времени. Мне предлагают курс во Всемирном Университете, предлагают написать учебник по новейшим методам строительства. Я мог бы развить некоторые свои идеи…

— Но все это не то. Рано или поздно вам надоест писать и говорить. Вы творец, доктор Морган. Один из тех людей, которые счастливы, лишь когда создают мир своими руками.

Морган не ответил. Стрела попала в цель.

— А как вы отнесетесь к тому, что мы очень интересуемся космическим лифтом?

— Скептически. К вам я уже обращался. Мне ответили, что идея превосходна, но средства пока нужны для развития Марса. Как обычно: с радостью поможем… когда помощь уже не будет нужна.

— Это было год назад, сейчас все изменилось. Теперь мы за строительство лифта. Но не на Земле. На Марсе. Интересно?

— Да. Продолжайте.

— На Марсе притяжение втрое меньше, чем здесь. Синхронная орбита ниже в два раза. Наши подсчитали, что строительство системы на Марсе обойдется на порядок дешевле.

— Вполне возможно.

— Это не все. Несмотря на разреженную атмосферу, ураганы на Марсе бывают. Но у нас есть недоступные для них горы. Шри Канда — всего лишь жалкий пятитысячник. Наш Монт Павонис, находящийся точно на экваторе, поднимается на 21 километр. И никаких монахов… А Деймос, как вы помните, расположен всего в трех тысячах километров над стационарной орбитой, так что мы уже имеем несколько миллионов мегатонн как раз там, где нужен противовес.

— Но Земле нужен лифт, — сказал, помолчав, Морган. — Вы знаете почему. Зачем он Марсу?

— Вы слышали о проекте «Эос»? О плане возрождения Марса?

— Знаю. Вы хотите растопить полярные шапки?

— Именно так. Если это удастся, увеличится

плотность атмосферы. Можно будет обходиться без скафандров, в дальнейшем воздух станет пригодным для дыхания. Появятся реки, небольшие моря, а потом и растительность. Через два века Марс превратится в райский сад. Это единственная планета, которую может преобразовать современная техника.

— Ясно. Но при чем здесь лифт?

— Потребуется поднять на орбиту несколько мегатонн. Чтобы разогреть Марс, нужны зеркала в сотни километров диаметром. Когда льды растают, они будут поддерживать нормальную температуру.

— Разве нельзя добыть сырье в ваших копях на астероидах?

— Кое-что — несомненно. Но лучшие зеркала для таких целей изготовляют из натрия, а в космосе он редок. Удобнее воспользоваться соляными залежами Тарсиса. К счастью, они расположены рядом, у самого подножия Павониса.

— Что ж, все это очень интересно, — сказал Морган, — но вы, возможно, не понимаете, что предстоит большая работа в самых разных областях. Промышленное производство суперволокна, проблемы надежности и контроля... Я мог бы продолжать весь вечер.

— Не надо. Мы не выжили бы на Марсе, если бы не обращали внимания на мелочи. Наши инженеры ознакомились со всеми вашими отчетами и предлагают провести модельный эксперимент. Он решит многие технические вопросы и докажет принципиальную осуществимость проекта.

— А что здесь доказывать?

— Я с вами согласен. Но наглядная демонстрация, как ни удивительно, изменит многое. Соорудите минимально возможную систему — просто проволоку с грузом в несколько килограммов. Спустите ее с орбиты на Землю. Если система сработает здесь, то на Марсе и подавно. Затем поднимите по ней что-нибудь наверх, и все увидят, что ракеты устарели. Эксперимент обойдется сравнительно дешево, даст практический опыт и, как нам кажется, избавит от многолетних споров.

— Да, вы действительно все обдумали. Когда вам нужен ответ?

— Честно говоря, сейчас. Но, в конце концов, дело терпит.

— Хорошо. Направьте мне все ваши материалы. Свое решение я сообщу через неделю, самое позднее.

— Благодарю. Вот мой номер. Можете связаться

со мной в любое время.

Моргая ввел идентификатор министра в память своего коммуникатора.

Но, пожалуй, он уже и так все решил.

Если в расчетах марсиан нет существенной ошибки — а она маловероятна, — его безделью конец. Морган знал за собой это: на сравнительно пустяковые шаги он решался с трудом, но в поворотные моменты жизни не колебался ни секунды. И почти никогда не ошибался.

Когда министр укатил в своем кресле — ему предстоял долгий путь в Порт Спокойствия через Осло и Гагарин, — Морган обнаружил, что не в состоянии заниматься делами, запланированными на этот длинный северный вечер. Мысли его лихорадочно зондировали неожиданно изменившееся будущее.

Безнадежно вздохнув, Морган встал из-за стола и вышел на веранду. Было безветренно, холод совсем не мешал — был скорее бодрящим. Небо сверкало звездами, и желтый серп Луны опускался навстречу своему отражению в фиорде, таком темном и неподвижном, что его вода казалась полированным черным деревом.

Где же Марс? Морган, к стыду своему, понял, что не знает даже, виден ли он сегодня. Сколь-

зя взглядом вдоль всей эклиптики, от Луны до ослепительной Венеры и дальше, он не находил в россыпях небесных алмазов ничего похожего на красную планету. Удивительно — совсем скоро он, который никогда не был дальше лунной орбиты, будет любоваться великолепными пунцовыми ландшафтами и крошечными марсианскими лунами, быстро сменяющими фазы…

В этот момент его мечта рухнула. На мгновение Морган прирос к месту, затем кинулся обратно в отель, позабыв о красоте ночи. Вскоре он уже стоял в кабине связи с глобальным информационным центром, один на один со всеми человеческими знаниями.

В студенчестве Морган выиграл не одно соревнование по скоростному поиску информации, первым отвечая на запутанные вопросы, составленные изобретательными до садизма судьями. («Каково было количество атмосферных осадков в столице самого маленького государства в день, когда в бейсбольном матче студенческого первенства было набрано наибольшее число очков?» — этот вопрос Морган вспоминал с особенной нежностью.) Его сноровка с годами еще увеличилась, к тому же сейчас он задавал совершенно прямой вопрос. Через тридцать секунд дисплей

выдал ответ.

Морган с минуту смотрел на экран, затем недоуменно покачал головой.

— Этого они проглядеть не могли, — пробормотал он. — Но как же они выкрутятся?

Морган нажал кнопку «бумажная копия» и забрал тонкий листок в комнату, чтобы как следует его изучить. Но что изучать? Проблема была ужасающе очевидной. Неужели Морган просто не видит столь же очевидного решения? Тогда поднять вопрос — значит выставить себя на посмешище. Однако другого выхода нет…

Морган взглянул на часы, полночь уже миновала. Но откладывать нельзя.

К облегчению Моргана, министр сразу ответил.

— Надеюсь, я вас не разбудил? — сказал Морган не совсем искренне.

— Нет, мы вот-вот приземлимся в Гагарине. В чем дело?

— В десяти тератоннах, движущихся со скоростью два километра в секунду. Ваша внутренняя луна, Фобос. Этот космический бульдозер будет проходить в районе лифта каждые одиннадцать часов. Я не делал точных подсчетов, но раз в несколько дней столкновение неизбежно.

На другом конце линии воцарилось молчание. Наконец министр произнес:

— Этот вопрос мог прийти в голову даже мне. Значит, у других есть и ответ. Возможно, придется отодвинуть Фобос.

— Он слишком тяжел.

— Я должен связаться с Марсом. Запаздывание сигнала сейчас двенадцать минут. Ответ будет в течение часа.

«Да, — подумал Морган. — И пусть он будет хороший… раз уж я берусь за эту работу».

20. ВЕРООТСТУПНИК

Ближе к вечеру, когда жара спала, преподобный Паракарма начал спуск. К наступлению ночи он достигнет верхнего приюта для пилигримов, а на следующий день вернется в мир людей.

Маханаяке Тхеро его не удерживал и никак не показал своих чувств.

Лишь произнес нараспев:

— Все на свете преходяще, — попрощался и благословил.

Преподобному Паракарме, которого некогда звали доктор Чом Голдберг и скоро снова будут так звать, было бы очень трудно объяснить мотивы своего поступка. Но он знал, что делает правильно.

В монастыре Шри Канды он нашел душевный покой, но этого оказалось мало. Его математический ум не мог смириться с неопределенным отношением ордена к богу: равнодушие к вопросам веры казалось ему хуже откровенного неверия.

По-видимому, в жилах Голдберга текла кровь раввинов. Подобно многим своим предшественникам, Голдберг—Паракарма искал бога при

помощи математики; его не смущало открытое Куртом Геделем существование недоказуемых теорем, которое потрясло научный мир в начале XX века. Он не понимал, как можно рассматривать глубокое и прекрасное в своей простоте равенство Эйлера: e(i + 1) = 0, не задаваясь вопросом о том, чей необъятный интеллект создал вселенную.

В свое время Голдберг прославился новой космогонической теорией, которая просуществовала десять лет, прежде чем ее опровергли, и был провозглашен вторым Эйнштейном. Но главное было не это. Он сумел получить выдающиеся результаты в метеорологии и гидродинамике, которые давно уже считались мертвыми, не таящими неожиданностей науками. Сейчас его данный свыше талант вновь пробудился, предстоит колоссальная работа, а нужных для нее орудий нет в стенах монастыря Шри Канды.

И вот, как новый Моисей, несущий с горы законы, которым суждено изменить судьбы людей, преподобный Паракарма спускался в мир, покинутый им 10 лет назад. Он был слеп к красотам земли и неба, окружавшим его, ибо они не могли сравниться с той, лишь одному ему доступной красотой, которую он видел мысленным взором

в армии уравнений, проходящих победным маршем у него в голове.

Гидродинамика и микрометеорология. Голдберг не напрасно занимался этими науками. Он даже не испытывал уже острой враждебности к Ванневару Моргану. Сам того не подозревая, инженер «включил зажигание», он тоже был, пусть слепым, но орудием бога. Он проиграл дело, но Шри Канда еще под угрозой: суд всегда может пересмотреть свое решение. Значит, храм нужно защищать. Любыми средствами. А вернет ли Голдберга судьба под безмятежный монастырский кров или нет, не имеет значения.

Храм надо спасти, и спасет его он, Голдберг. Так будет, ибо так предначертано.

21. РУССКАЯ РУЛЕТКА

— Да, я бы мог догадаться, — сказал министр, — что это есть в одном из тех приложений, которые я никогда не читаю. Но ладно. Вы познакомились со всеми материалами, и я жду ответа. Меня, честно говоря, эта проблема ужасно беспокоит.

— Решение гениально простое, — сказал Морган. — Я обязан был найти его сам.

«И нашел бы… со временем», — сказал он себе без всякой ложной скромности. Мысленно он опять видел смоделированную компьютером колоссальную систему, подобную струне космической скрипки, по которой с Земли на орбиту и обратно идут низкочастотные колебания. На эту картину накладывался в тысячный раз прокрученный по памяти фильм о танцующем мосте. Вот и все необходимые ключи.

— Фобос пролетает мимо башни каждые одиннадцать часов десять минут, но, к счастью, движется немного в другой плоскости. Поэтому на большей части витков он минует башню, а моменты столкновений легко предсказать с точностью до миллисекунды. Пойдем дальше. Лифт, как всякое сооружение, не является абсолютно

жесткой системой. У него есть собственные колебания, частота которыхрассчитывается так же безошибочно, как орбиты планет. Ваши инженеры предлагают «настроить» лифт так, что собственные колебания, которых все равно не избежать, уберегут его от встречи с Фобосом. Каждый раз, когда спутник грозит столкновением, башни на месте не будет — она уйдет на несколько километров от опасной зоны.

На другом конце линии воцарилось долгое молчание.

— Мне не стоило этого говорить, — произнес наконец министр Народного Марса, — но у меня волосы встали дыбом.

Морган рассмеялся.

— Конечно, если излагать упрощенно, это напоминает… — как это у вас говорят? — да, русскую рулетку. Но мы имеем дело с точно предсказуемым ритмом. Мы всегда знаем, где Фобос, и можем управлять смещением башни, выбирая нужный режим движения грузов.

Морган замолчал. Внезапно ему в голову пришло сравнение, такое точное и вместе с тем столь неожиданное, что он чуть не расхохотался.

Морган снова очутился в Такомском ущелье у танцующего моста, но на этот раз — в мире

фантазии. Под мостом в строго определенный момент должен пройти корабль. К несчастью, его мачта на метр выше, чем надо.

Ничего страшного. Перед появлением корабля по мосту нужно пустить несколько тяжелых грузовиков с интервалами, подобранными так, чтобы возбудить его резонансную частоту. Вдоль моста от устоя к устою прокатится легкая волна, пик которой совпадает с моментом прохождения судна…

— Я вам верю, — сказал министр. — Правда, у нас говорят так: «Доверяй, но проверяй». Так вот, прежде чем воспользоваться лифтом, я обязательно попрошу кого-нибудь проверить, где находится Фобос.

— Да? А ваши талантливые ребята — судя по их технической дерзости, они действительно молоды — хотят использовать критические моменты как приманку для туристов с Земли. Они считают, что можно взимать дополнительную плату за вид на Фобос, пролетающий на расстоянии вытянутой руки со скоростью сверхзвукового авиалайнера. Неплохой аттракцион, согласны?

— Возможно. Но как бы то ни было, я рад слышать, что решение есть. И, как мне показалось, вам понравились наши инженерные таланты. А

когда мы узнаем ваш окончательный ответ?

— Хоть сейчас, — сказал Морган. — Когда, приступаем к работе?

22. ПЕРСТ БОЖИЙ

Обычно эта орхидея расцветала с приходом юго-западных муссонов, но сейчас она их опередила. Любуясь в теплице замысловатыми розово-сиреневыми цветами, Йохан Раджасинха вспомнил, как в прошлом году был застигнут проливным дождем, когда рассматривал первые бутоны, и был вынужден просидеть здесь с полчаса.

Раджасинха с тревогой взглянул на небо: нет, сегодня ему дождь не грозит. Стоял прекрасный день. В вышине, смягчая палящий зной, плыли легкие ленты облаков. Но что это? Как странно…

Раджасинха никогда не видел ничего подобного. Почти прямо над его головой параллельные гряды облаков были искажены вращающимся возмущением. По-видимому, это был штормовой микроциклон всего в несколько километров шириной, но напомнил он Раджасинхе нечто совсем иное — дырку от сучка в гладко оструганной доске. Оставив свои любимые орхидеи, Раджасинха вышел наружу, чтобы лучше разглядеть небесный феномен. Теперь ему стало видно, что смерч медленно движется по небу, так как его путь был отмечен воронкой в облачных слоях.

Нетрудно было вообразить, что это перст божий, протянутый с неба, прорезает борозду в облаках. Даже Раджасинха, знакомый с основными принципами управления погодой, не думал, что возможна такая точность. Однако он не без гордости сознавал, что сорок лет назад способствовал этому достижению.

Не так легко было убедить сверхдержавы отказаться от орбитальных крепостей и передать их Глобальной Службе Погоды. Но в результате, если здесь подходит столь широкая метафора, последние мечи были перекованы на орала. Теперь лазеры, угрожавшие некогда человечеству, направляют свои лучи на тщательно выбранные участки атмосферы или точки в пустынных районах Земли. Конечно, энергия лазера ничтожна по сравнению с мощью самого слабого шторма, но это можно сказать и об энергии камня, вызывающего снежный обвал, или нейтрона, который начинает цепную реакцию.

Особые технические детали были неизвестны Раджасинхе, он знал лишь об обширной сети управляющих метеоспутников и компьютерах, в электронном мозгу которых заложена полная модель земной атмосферы, поверхности морей и суши. Глядя, как крошечный микроциклон

целеустремленно движется на запад и наконец скрывается за рощицей грациозных пальм внутри крепостных валов, окружающих Райские Сады, Раджасинха чувствовал себя дикарем, взирающим в священном ужасе на чудеса передовой техники.

Затем он поднял глаза кверху, где, оседлав рукотворные небеса, стремительно неслись вокруг планеты невидимые ему метеорологи.

— Весьма впечатляюще, — сказал он. — Но, надеюсь, вы точно знаете, что делаете.

23. СТАНЦИЯ «АШОКА»

С высоты тридцати шести тысяч километров Тапробани выглядел крошечным. Весь остров казался слишком малой мишенью, а попасть нужно было в участок размером с теннисный корт.

Разумеется, Морган мог использовать для демонстрации орбитальную станцию «Кинте», избрав целью Килиманджаро или Кению. Правда, «Кинте» находилась в одной из самых неустойчивых точек стационарной орбиты и с трудом балансировала над Центральной Африкой. Но это не имело значения для эксперимента продолжительностью всего несколько дней. Можно было спустить нить и на вершину Чимборасо; американцы даже предложили передвинуть станцию «Колумб» точно на долготу этой горы. Но все-таки Морган вернулся к Шри Канде.

К счастью, в эпоху электронных машин даже решения Всемирного Суда выносились за считанные недели. Естественно, монахи возражали против эксперимента; Морган доказывал, что он не является правонарушением, поскольку проводится за пределами монастырских земель и не сопровождается шумом или загрязнением. Срыв

опыта поставит под угрозу всю проделанную работу и надолго задержит проект, жизненно важный для Марсианской Республики.

Такие аргументы могли бы убедить даже самого Моргана. Поверили и судьи — пять из семи. А может, Суду было достаточно трех других запутанных дел, в которых фигурировал Марс…

Но Морган, разумеется, понимал, что его действия продиктованы не только логикой. Он не смирился с поражением и снова бросал вызов. Он как бы заявлял всему миру и упрямым монахам: «Я еще вернусь».

Станция «Ашока» ведала связью, управлением погодой и космическими перевозками в районе Индокитая. Случись со станцией что-нибудь, и миллиард жизней оказался бы под угрозой. Для страховки у «Ашоки» были два независимых спутника. — «Бхаба» и «Сарабхай», удаленные на сто километров. А если какая-то непредставимая катастрофа уничтожит все три станции, на помощь придут «Кинте» и «Имхотеп» с запада или «Конфуций» с востока. Нельзя класть все яйца в одну корзину человечество познало это на опыте.

Здесь, вдалеке от Земли, не было ни туристов, ни транзитных пассажиров: высоты геосинхрон-

ной орбиты принадлежали ученым и инженерам. Но ни один из них не посещал «Ашоку» со столь необычной целью и с таким уникальным снаряжением.

Ключ к операции «Паутинка» плавал сейчас в одном из тамбуров станции в ожидании последней предстартовой проверки. По его виду никто бы не догадался, сколько человеко-лет и миллионов пошло на его разработку.

Тускло-серый конус четыре метра в высоту и два в основании казался сплошным металлом; только под микроскопом можно было обнаружить плотные витки суперволокна, образующие его поверхность. Но, если не считать сердечника и нескольких пластиковых прокладок, конус весь состоял из постепенно утончающейся нити длиной в сорок тысяч километров.

Для создания этого скромного конуса были возрождены два забытых технических приема. Триста лет назад начал действовать подводный телеграф, проложенный по океанскому дну; люди потеряли огромные суммы, пока овладели искусством сворачивать в бухты тысячи километров кабеля, а затем равномерно травить его с заданной скоростью от континента до континента, невзирая на штормы. А через столетие появились

первые примитивные снаряды, управляемые по проводам. «Снаряд» Моргана полетит к цели в пятьдесят раз быстрее, чем эти реликвии из Военного Музея, да и мишень дальше в тысячи раз. Зато почти весь путь пролегает в полной пустоте, а цель не способна маневрировать.

Руководительница операции «Паутинка» смущенно кашлянула.

— Есть одно небольшое затруднение, доктор Морган. Со спуском все ясно — испытания и численные эксперименты прошли успешно. Службу безопасности беспокоит другое: как смотать нить обратно.

Морган прикрыл глаза; об этом он не подумал. Казалось очевидным, что смотать нить нетрудно. Достаточно простой лебедки, правда, оснащенной некоторыми специальными приспособлениями. Они необходимы, чтобы управлять такой тонкой нитью переменной толщины. Но в космосе ничто нельзя считать само собой разумеющимся.

«Так. Когда эксперимент закончится, мы освободим земной конец, и „Ашока“ начнет сматывать нить обратно. Но если потянуть — даже очень сильно — за веревку длиной в сорок тысяч километров, события начнутся не сразу. Понадобится

полдня, чтобы импульс достиг противоположного конца. Только тогда система сможет двигаться как целое. Поэтому нужно поддерживать натяжение… Ого!..»

— Мои коллеги кое-что подсчитали, — продолжала девушка. — Когда наконец удастся привести нить в движение, она устремится к станции со скоростью в тысячи километров в час. Это несколько тонн массы.

— Понимаю. А что можно сделать?

— Тянуть медленнее, следя за распределением импульса. В худшем случае нас заставят закончить операцию за пределами станции.

— Это нас задержит?

— Нет. Аварийный план уже разработан. При крайней необходимости можно вывести аппаратуру в космос за пять минут.

— А потом вы ее найдете?

— Конечно.

— Постарайтесь. Эта леска стоит кучу денег и понадобится мне снова.

«Сначала на Марсе, — подумал Морган, глядя на медленно расширяющийся серп Земли. — А как только лифт на Павонисе заработает, Земле придется последовать примеру Марса, и тогда все препятствия отпадут сами собой…»

Так будет — и когда мост соединит берега самой грандиозной из пропастей, никто уже впредь не вспомнит имя Гюстава Эйфеля.

24. ПЕРВЫЙ СПУСК

Смотреть было не на что еще минимум двадцать минут, но все, кто не был занят, вышли из палатки с аппаратурой и глядели в небо. Даже Моргана то и дело тянуло к двери.

Рядом с ним все время околачивался оператор Максины Дюваль, здоровенный детина лет под тридцать. На его плечах красовалось обычное для его профессии снаряжение — две камеры, глядящие, как это принято, «правая вперед, левая назад», а над ними небольшой шар, чуть крупнее грейпфрута. Антенна внутри шара вела себя очень умно и поэтому всегда была обращена к ближайшему спутнику связи, как бы ни кувыркался ее хозяин. А на другом конце линии, удобно расположившись в студии, Максина Дюваль смотрела глазами своего удаленного второго «я» и слушала его ушами, не утомляя своих легких холодным разреженным воздухом. Но так случалось далеко не всегда.

Морган не сразу согласился на просьбу Максины. Он знал, что предстоит «историческое событие», и охотно верил, что «парень не будет путаться под ногами». Но он боялся неприят-

ностей, неизбежных при столь новаторском эксперименте, особенно на последних ста километрах полета в атмосфере. С другой стороны, он знал, что Максине можно верить: она не устроит сенсации ни из триумфа, ни из провала.

Как все крупные репортеры, Максина Дюваль не оставалась равнодушной к событиям, которые наблюдала. Она никогда не искажала и не опускала существенных фактов, но и не старалась скрыть собственных чувств. Она восхищалась Морганом с ревнивым благоговением человека, обделенного настоящими творческими дарованиями. После возведения Гибралтарского Моста она постоянно ждала следующего шага; и Морган ее не разочаровал. Но он не был ей по-настоящему симпатичен. Напор и безжалостность его честолюбия подняли его над обществом, но сделали менее человечным. Трудно не сравнить Моргана с его помощником Уорреном Кингсли. Вот кто действительно мил и деликатен («И лучше меня как инженер», — сказал однажды Морган; это была далеко не шутка). Но никто не знает об Уоррене; он всегда останется верным и тусклым спутником своего блестящего светила…

Именно Уоррен терпеливо объяснял Максине весьма сложную механику спуска. На первый

взгляд нет ничего проще, чем опустить что-то на экватор с неподвижно висящего спутника. Но астродинамика полна парадоксов; если вы пытаетесь тормозить, то двигаетесь быстрее. Если выбираете кратчайший маршрут — расходуете больше топлива. Стремитесь налево — летите направо… Благодарить за все это следует гравитацию.

А в данном случае требуется посадить зонд, за которым тянется сорокатысячекилометровый хвост… Пока, до входа в верхние слои атмосферы, все шло строго по программе. Через несколько минут наступит последняя фаза спуска; руководить ею будут с Шри Канды. Неудивительно, что Морган нервничает.

— Ван, — тихо, но твердо сказала Максина по личному каналу. — Перестаньте сосать палец. Вы уже взрослый.

На лице Моргана отразилось негодование, затем удивление. Потом он смущенно рассмеялся.

— Спасибо. Не люблю выглядеть смешно на людях.

Он задумчиво посмотрел на искалеченный палец. Смешно! Столько раз останавливать других, чтобы потом пораниться тем же самым суперволокном! Боли, правда, практически не было,

да и особенных неудобств. Когда-нибудь нужно будет этим заняться; сейчас просто невозможно потратить целую неделю на сидение возле регенератора ради какого-то несчастного сустава.

— Высота два пять ноль, — произнес спокойный, бесстрастный голос из палатки. — Скорость зонда один один шесть ноль метров в секунду. Натяжение нити — девяносто процентов номинала. Раскрытие парашюта через две минуты.

После секундного расслабления Морган был вновь собран и сосредоточен. «Как боксер перед незнакомым, но опасным противником», — невольно подумала Максина.

— Ветер? — внезапно спросил он.

Голос ответил, теперь уже далеко не бесстрастно:

— Это невероятно! Служба Муссонов только что передала штормовое предупреждение.

— Сейчас не время для шуток.

— Они не шутят. Я уже получил подтверждение.

— Но они гарантировали, что не будет больше тридцати километров в час!

— Они только что подняли потолок до шестидесяти — поправка до восьмидесяти. Где-то что-то неладно…

— Еще бы, — пробормотал Дюваль. Затем обратился к своим далеким глазам и ушам: — Исчезни, ты для них сейчас лишний, но ничего не пропусти.

Предоставив оператору выполнять эти противоречивые указания, Максина переключилась на свою превосходную информационную службу. Понадобилось не больше полуминуты, чтобы узнать, какая метеорологическая станция отвечает за состояние погоды в зоне Тапробани. Дюваль разочаровало, но не удивило, что станция не отвечает на вызовы.

Поручив опытным помощникам преодолеть это препятствие, Максина «вернулась» на Шри Канду. За это время ситуация резко ухудшилась.

Небо потемнело, микрофоны улавливали отдаленный, пока еще слабый рев приближающегося урагана. Максине были знакомы такие внезапные перемены погоды; она не раз извлекала из них выгоду в океанских регатах. Но то было в море. Невероятное невезение: Моргана нельзя не пожалеть — этот незапланированный, невозможный ураган грозил смести его мечты и надежды.

— Высота два ноль—ноль. Скорость зонда один один пять метров в секунду. Натяжение девяносто пять процентов номинала.

Напряжение растет во всех смыслах этого слова. Эксперимент нельзя прекратить; Моргану остается одно — продолжать и надеяться на лучшее. Максине хотелось поговорить с ним, но в столь критический момент его лучше не трогать.

— Высота один девять ноль. Скорость один— один ноль. Натяжение сто пять процентов. Раскрытие первого парашюта… Пошел!

Итак, возврата нет. Зонд стал пленником земной атмосферы. Топливо, которое еще осталось, пойдет на то, чтобы направить его в сеть, натянутую на склоне. Тросы уже гудели под напором ветра.

Морган вышел из палатки и посмотрел в небо. Затем обернулся к объективу телекамеры.

— Что бы ни случилось, Максина, — сказал он медленно, подбирая слова, — эксперимент удался на девяносто пять процентов. Нет, на девяносто девять. Мы прошли тридцать шесть тысяч километров, осталось меньше двухсот.

Дюваль не ответила. Она знала, что слова Моргана предназначаются не ей, а человеку в кресле-каталке, расположившемуся рядом с палаткой. Кресло выдавало своего хозяина: лишь гость с другой планеты мог нуждаться в таком устройстве. Современные врачи давно умеют

лечить все мышечные недуги, но физики пока еще не научились «лечить» от гравитации.

Сколько всего сосредоточено на этой горной вершине! Силы самой природы… Могучая экономика Народного Марса… Ванневар Морган (сам по себе крупное явление природы)… И непримиримые монахи в орлином гнезде на перепутье ветров.

Максина Дюваль шепнула команду, и объектив скользнул вверх. Вот они, белые стены храма. Там и тут вдоль парапета плескали на ветру оранжевые тоги. Как и следовало ожидать, монахи смотрели.

Она резко увеличила изображение, так что смогла различать лица. Хотя встретиться с Маханаяке Тхеро ей не довелось (просьба об интервью была вежливо отклонена), она наверняка узнала бы его среди других. Но Верховного Жреца нигде не было; вероятно, он в святая святых, где сосредоточил свою грозную волю…

Впрочем, Максина Дюваль не верила, что главный противник Моргана занимается столь наивным делом, как молитва. Но если он действительно молился об этом сверхъестественном шторме, его просьба была услышана. Боги горы пробуждались от сна.

25. ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

— Высота один пять ноль, скорость девяносто пять. Теплозащитный экран сброшен.

Значит, зонд благополучно вошел в атмосферу и сбавил скорость. Но радоваться рано. Предстояло пройти не только сто пятьдесят километров по вертикали, но и триста по горизонтали, что сильно осложнял бушующий шторм. Хотя у зонда все еще оставалось топливо, его маневренность ограниченна. Если не удастся попасть на вершину с первой попытки, второй не представится.

— Высота один два ноль. Атмосферных воздействий нет.

Зонд спускался с небес как паук, раскручивающий свою шелковую лестницу. «Надеюсь, — подумала Дюваль, — что у них хватит нити; обидно, если она кончится в километре от цели!» Такие трагедии случались при прокладке подводных кабелей триста лет назад.

— Высота восемь ноль. Спуск нормальный. Натяжение сто процентов.

Есть слабое сопротивление.

Итак, атмосфера уже дает себя знать, пусть лишь сверхчувствительным приборам на борту

крошечного аппарата.

Возле автомобиля с контрольной аппаратурой был установлен небольшой телескоп, автоматически следивший сейчас за невидимым глазу зондом. Морган направился туда. Оператор тенью последовал за ним.

— Что-нибудь видно? — шепнула Максина спустя несколько секунд.

Морган смотрел в небо.

— Высота шесть ноль. Смещение влево. Натяжение сто десять процентов.

«Все еще в норме, — подумала Дюваль, — но там, по ту сторону стратосферы, что-то уже происходит. Наверняка Морган видит зонд...»

— Высота пять пять. Двухсекундная коррекция.

— Есть! — воскликнул Морган. — Вижу выхлоп!

— Высота пять ноль. Натяжение сто пять процентов. Трудно держать на курсе. Вибрация.

Не верилось, что, пройдя почти тридцать шесть тысяч километров, зонд закончит свое путешествие в полусотне километров от цели. Но сколько самолетов и космических кораблей разбивалось на последних метрах!

— Высота четыре пять. Сильный порывистый

ветер. Зонд опять сносит.

Трехсекундная коррекция.

— Потерял, — огорченно сказал Морган. — Облако.

— Высота четыре ноль. Сильная вибрация. Натяжение сто пятьдесят. Плохо. Максина Дюваль знала, что натяжение разрыва составляет двести процентов. Один сильный рывок — и эксперимент закончится.

— Высота три пять. Ветер усиливается. Импульс — одна секунда. Топлива почти нет. Натяжение сто семьдесят. Расстояние три ноль…

— Есть! — воскликнул Морган. — Он пробил облака.

— Расстояние два пять. Нечем восстановить курс. Опустится в трех километрах от цели.

— Неважно! — закричал Морган. — Приземляйте где сможете!

— Постараюсь. Расстояние два ноль. Ветер усиливается. Зонд теряет устойчивость.

— Отпустите тормоз!.. Пусть нить идет сама!

— Сделано, — произнес голос абсолютно бесстрастно. Не знай Максина Дюваль, что для участия в эксперименте приглашен опытный диспетчер космических перевозок, она могла бы подумать, что говорит робот.

— Отказала размотка. Груз вращает. Пять оборотов в секунду. Вероятно, запуталась нить. Натяжение один восемь ноль процентов. Один девять ноль. Два ноль ноль. Расстояние один пять. Натяжение два один ноль. Два два ноль. Два три ноль.

«Долго так не продлится, — подумала Дюваль. — Остался всего десяток километров, но проклятая проволока намоталась на вращающийся зонд».

— Натяжение ноль.

Конец. Нить лопнула и, извиваясь как змея, медленно возвращается к звездам. Несомненно, на «Ашоке» ее выберут, но даже Максина понимала, какое это долгое и сложное дело. А зонд упадет где-нибудь здесь, на поля или в джунгли Тапробани. Однако, как сказал Морган, эксперимент удался больше чем на девяносто пять процентов. В следующий раз, когда не будет ветра…

— Вот он! — крикнул кто-то.

Под облаками загорелась звезда; она была похожа на метеор. Словно в насмешку над создателями зонда, включился световой маяк, призванный помочь управлению на заключительном отрезке пути. Что ж, он пригодится. Легче будет найти место падения…

Оператор медленно поворачивал камеру, чтобы Максина могла видеть, как сверкающая звезда пролетает мимо и исчезает на востоке; вероятно, зонд упадет километрах в пяти от Шри Канды.

— Переключи на доктора Моргана.

Максина собиралась сказать несколько ободряющих слов, — достаточно громко, чтобы услышал министр-марсианин, — выразить уверенность, что в следующий раз спуск пройдет абсолютно удачно. Дюваль мысленно репетировала свою ободрительную речь, когда вдруг у нее начисто вышибло все из головы. Она столько раз прокручивала потом события следующих тридцати секунд, что выучила их наизусть, но у нее никогда не было полной уверенности, поняла ли она их до конца.

26. ЛЕГИОНЫ ЦАРЯ

Ванневар Морган привык к неудачам, даже к катастрофам, а эта, надеялся он, не так велика. Следя глазами за тем, как мигающий огонек исчезает за склоном горы, он с тревогой думал о другом: вдруг Народный Марс решит, что зря потратил свои деньги. Наблюдатель в кресле-каталке был на редкость неразговорчив; казалось, земная тяжесть сковала его язык не менее крепко, чем тело. Но сейчас он первым обратился к инженеру.

— Один вопрос, доктор Морган. Я знаю, этот шторм беспрецедентен; однако он настиг ваш зонд. Что произойдет, если шторм разразится, когда башня будет построена?

Мысли Моргана лихорадочно обгоняли одна другую. Было трудно так, сразу, дать правильный ответ, и он все еще не до конца поверил в случившееся.

— В худшем случае нам придется на короткий срок приостановить перевозки; может быть небольшая деформация «рельсов». Башне как таковой не угрожают даже самые сильные ветры.

Морган надеялся, что его слова соответствуют

истине; через несколько минут Уоррен Кингсли сообщит, так ли это. К его облегчению, ответ, видимо, удовлетворил министра.

— Благодарю вас. Этого достаточно.

Морган, однако, был намерен довести мысль до конца.

— А на Монт Павонис такая проблема вообще не возникнет. Плотность атмосферы составляет там меньше одной сотой…

Морган умолк. Прошло несколько десятилетий с тех пор, как он слышал звук, который обрушился сейчас на его уши, но ошибиться было нельзя. Властный зов, заглушивший рев бури, перенес инженера на другую половину планеты, под своды Айя-Софии. Он вновь с благоговейным восторгом глядел на творение людей, умерших шестнадцать веков назад, а в его ушах звенел мощный колокол, который некогда сзывал на молитву правоверных.

Память о Стамбуле померкла; Морган снова был на Шри Канде, в еще большем замешательстве и недоумении.

О чем рассказывал монах? Что, непрошеный дар Калидасы безмолвствует в течение многих веков, ибо ему разрешается подавать голос только в годину бедствий? Но какое же бедствие

произошло сейчас? Напротив, монахи должны бы радоваться…

Морган смотрел на монастырь, откуда огромный колокол бросал вызов буре. За парапетом не было видно ни одной оранжевой тоги…

Что-то мягкое коснулось его щеки. Морган механически смахнул это прочь. Трудно было сосредоточить мысли, пока скорбный звук разносился волнами в воздухе, молотом бил по голове. Морган решил подняться в храм и попросить объяснений у Маханаяке Тхеро.

Снова мягкое шелковистое прикосновение; на этот раз он увидел уголком глаза что-то желтое. У Моргана всегда была быстрая реакция: он взмахнул рукой и…

Доживая последние мгновения своей скоротечной жизни, у него на ладони лежала желтая бабочка, и привычный мир зашатался. Необъяснимое поражение обратилось еще более чудесной победой, однако Морган не ощущал торжества, лишь замешательство и удивление. Ибо теперь он вспомнил легенду о золотых бабочках. Сотни тысяч их были взметены ураганом вверх по склону горы, чтобы умереть на ее вершине. Легионы Калидасы достигли наконец цели и отмщения.

27. ИСХОД

— Что же произошло? — спросил министр.

«На этот вопрос я никогда не смогу ответить», — подумал Морган, но вслух сказал:

— Шри Канда наша; монахи уже покидают ее. Невероятно… чтобы легенда двадцативековой давности… — Он покачал головой в полном недоумении.

— Если в легенду верят многие, она становится истиной. Во всяком случае, раз уж невозможное случилось, мы должны принять его с благодарностью.

«Я принимаю, — подумал Морган, — но против собственной воли. Мне непонятен мир, где несколько мертвых бабочек могут перетянуть чашу весов, на которой стоит башня весом в миллиард тонн».

Но какую все-таки трагикомическую роль сыграл преподобный Паракарма! Вероятно, он чувствует себя орудием каких-то враждебных богов. Он сделал то, что считалось невозможным, и тут какие-то бабочки…

Администратор Службы Муссонов весьма сокрушался по поводу происшедшего. Морган

принял его извинения с необычной для себя любезностью. Да, конечно, вполне можно поверить, что такой блестящий ученый, как доктор Голдберг, вернувшись в науку, полностью преобразил микрометеорологию… Да, разумеется, никто по-настоящему не понимал, что именно делает он на своей станции… Да, несомненно, никто не ожидал, что у доктора Голдберга произойдет нервный срыв во время очередного эксперимента… Конечно, разумеется, несомненно…

Администратор заверил Моргана, что это больше не повторится. Морган выразил свою — вполне искреннюю — надежду, что доктор Голдберг скоро поправится, и намекнул, благо не растерял бюрократических инстинктов, что, в свою очередь, ожидает в будущем от Службы Муссонов соответствующих услуг. Администратор повесил трубку, выразив тысячу благодарностей и, без сомнения, удивляясь столь несвойственному Моргану великодушию.

— Между прочим, — сказал министр, — куда переселяются монахи? Мы могли бы предложить им приют. Мы на Марсе, вы знаете, очень радушны и гостеприимны.

— Не знаю. Но когда я спросил Раджасинху, он сказал: «Не беспокойтесь. Монашеский орден,

который во всем себе отказывал на протяжении трех тысяч лет, не так уж беден».

— Гм-м… Возможно, мы могли бы найти применение их богатствам, Ваш скромный проект все дорожает и дорожает. Теперь нам придется искать какой-нибудь углеродистый астероид, чтобы перевести его на околоземную орбиту. Это решит одну из главных проблем.

— А углерод для вашей собственной башни?

— У нас неисчерпаемые запасы на Деймосе. По-моему, мы уже говорили об этом. Наши люди уже начали геологическую разведку наиболее удобных мест для разработок, хотя само производство суперволокна будет за пределами Деймоса. Правда, я не совсем понимаю почему.

— Это как раз ясно. Даже на Деймосе есть гравитация, хоть и ничтожная. Суперволокно нужно производить при полной невесомости. Лишь в этих условиях можно гарантировать необходимую кристаллическую структуру.

— Спасибо за объяснение. Можно спросить, почему вы изменили первоначальный проект? Мне был по душе этот пучок из четырех труб: две для движения вверх и две — вниз. Просто туннель метро я еще мог понять… даже если он и был поставлен вертикально.

— Просто мы были в плену земных представлений. Вроде первых создателей автомобилей, которые производили те же кареты, только без лошадей. Теперь мы проектируем пустую прямоугольную башню с рельсами вдоль каждой грани. Представьте себе четыре вертикальных железнодорожных пути. На орбите каждый такой путь будет шириной в сорок метров; постепенно, к Земле, он сузится до двадцати.

— Как сталаг… сталак…

— Сталактит. С технической точки зрения, хорошей аналогией была бы Эйфелева башня… только перевернутая и вытянутая в сто тысяч раз. Еще у нас есть башня, идущая вверх, от синхронной орбиты к противовесу, который держит всю систему. А ниже синхронной орбиты, на высоте двадцати пяти тысяч километров, разместится станция «Центральная» транзитный пункт, мощная электростанция и центр управления. Я убежден, что когда-нибудь она превратится в космический курорт и будет привлекать толпы туристов. Именно там мы устроим для вас банкет в честь торжественного открытия лифта.

— Вряд ли это получится, — сказал министр, помолчав. — Даже если вы не выйдете из графика, мне стукнет уже девяносто восемь. Сомневаюсь,

что мне удастся там побывать.

«Но мне-то удастся, — подумал Ванневар Морган. — Теперь я знаю, что боги на моей стороне, если они вообще существуют».

Часть IV. БАШНЯ

28. КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС

— Не говорите хоть вы, — попросил Кингсли, — что он никогда не взлетит.

Морган улыбнулся, рассматривая полномасштабный макет.

— Но он слишком похож на обычный железнодорожный вагон.

— Так и задумано. Вы покупаете на вокзале билет, сдаете багаж, садитесь в кресло и любуетесь пейзажем. Или идете в бар и проводите там пять часов, пока вас не доставят на станцию «Центральная». Дизайнеры собираются оформить интерьер под пульмановский вагон XIX века. Как вам эта идея?

— Не особенно. В спальных вагонах никогда не было по пять этажей.

Вот в одном очень старом научно-фантастическом фильме я видел космолет с круговой смотровой площадкой. Такая старина подойдет, видимо, больше.

— Вы не помните название фильма?

— Кажется, «Космические войны 2000 года».[7]

— Хорошо, пусть поищут. А теперь прошу внутрь.

Когда они вошли в макет, Моргана охватил прямо-таки мальчишеский восторг. Графики и схемы — это не то. Здесь все настоящее, осязаемое. В один прекрасный день братья-близнецы этого макета прорвутся за облака…

Споткнувшись о зеленый ковер, Морган вернулся с небес на землю.

— Это еще одна идея дизайнеров, — сказал Кингсли. — Зеленый цвет должен напоминать о Земле. Потолки будут синие — чем выше отсек, тем темнее. А за окнами звезды.

Морган покачал головой.

— Идея прекрасная, но если света достаточно для чтения, то звезды видны не будут. В вагоне необходим отсек с полным затемнением.

— Это уже запланировано в части бара — можно заказать напитки и скрыться за непроницаемыми портьерами.

Они стояли на нижнем этаже капсулы — в круглой комнате диаметром восемь метров и высотою в три. Отсек заполняли всевозможные

---

[7] Примечания: 7

Морган путает два фильма: «Звездные войны» и «Космическая одиссея 2000 года». — *Ред.*

ящики, контейнеры и пульты управления, пока еще окончательно не расставленные.

— Похоже на космический корабль, — заметил Морган. — Кстати, на сколько рассчитан ресурс?

— Не меньше недели, даже при полной загрузке. То есть пятьдесят пассажиров. Ну а спасатели доберутся до них максимум за три часа. Если, конечно, не будет повреждена сама башня. Но в этом случае вряд ли кому-нибудь понадобится помощь…

Второй этаж пока пустовал; здесь не было даже временной аппаратуры. На вогнутой пластиковой стене чья-то рука начертила мелом большой прямоугольник и печатными буквами вписала: ВОЗДУШНЫЙ ШЛЮЗ.

— Здесь будет багажное отделение, хотя едва ли ему нужно так много места. В крайнем случае посадим сюда еще пассажиров. Третий этаж гораздо интереснее…

Поднявшись по винтовой лестнице, Морган увидел десяток авиационных кресел различного типа; на двух сидели манекены — мужчина и женщина. Им явно было скучно.

— Мы почти остановились на этом, — сказал Кингсли, указывая на роскошное вращающееся откидное кресло с прикрепленным к нему

маленьким столиком. — Но потребуются еще кое-какие испытания.

Морган ткнул кулаком подушку сиденья.

— Кто-нибудь высидел тут пять часов?

— Доброволец весом в сто килограммов. Ничего страшного. Когда-то на перелет через Тихий океан требовались те же пять часов.

Следующий этаж был точно таким же, только без кресел. Морган и Кингсли, не задерживаясь, поднялись еще выше. Бар казался настоящим; действительно, кофейный автомат работал. Над ним, в искусно позолоченной рамке, висела старинная гравюра, которая была здесь настолько кстати, что у Моргана захватило дух. К огромной полной Луне, занимавшей верхний левый угол, несся на всех парах поезд артиллерийский снаряд, влекущий за собой четыре вагончика. Из окон купе с надписью «Первый класс» люди в цилиндрах любовались открывающейся панорамой. Надпись внизу гласила:

ПОЕЗДОМ К ЛУНЕ
Гравюра из книги
С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ прямым сообщением за 97 часов 20 минут и
ВОКРУГ ЛУНЫ Сочинение Жюля Верна

— Не читал этой книги, — сказал Морган. — А жаль. Интересно, как он ухитрился без рельс…

— Жюль Верн ни при чем. Эта картинка всего лишь шутка художника.

— Ладно, передайте дизайнерам мои поздравления. Идея в высшей степени удачная.

Отвернувшись от мечты прошлого, Морган и Кингсли обратились к реальности будущего. На широкий смотровой иллюминатор снаружи проектировался потрясающий вид Земли, и не первый попавшийся, как с удовольствием отметил Морган, а правильный. Тапробани, конечно, был скрыт, ибо находился прямо внизу, но зато был виден весь полуостров Индостан, вплоть до Гималайских снегов.

— Мне кажется, — сказал Морган, — люди будут путешествовать на лифте лишь ради этой панорамы. Станция «Центральная» станет одной из величайших достопримечательностей. — Он взглянул на лазурно-голубой потолок. — Наверху есть что-нибудь интересное?

— Ничего особенного — воздушный шлюз оформлен, но мы еще не решили, где разместить электронное оборудование для центровки капсулы.

— Есть трудности?

— Нет. Новые магниты гарантируют безопасный зазор при скоростях до восьми тысяч километров в час.

Морган облегченно вздохнул. В этой области он должен был всецело полагаться на суждения других. С самого начала было ясно, что годится лишь магнитодинамическая двигательная установка. Малейший физический контакт — при скорости свыше километра в секунду! — немедленно приведет к катастрофе. Четыре пары направляющих пазов на гранях башни отделяло от магнитных движителей всего несколько сантиметров; но при малейшем отклонении капсулы возникнут огромные силы, возвращающие ее к центральной линии.

«А ведь я старею, — подумал Морган, спускаясь по винтовой лестнице вслед за Кингсли. — Конечно, нетрудно было бы подняться на „чердак“, но как хорошо, что мы туда не пошли… Мне пятьдесят девять, а пройдет не меньше пяти лет, прежде чем первый пассажирский вагон поднимется на „Центральную“. Потом еще три года испытаний и проверок. Значит, лет через десять, не меньше…»

Хотя в макете было тепло, его пробрала дрожь. Впервые в жизни Морган осознал, что триумф, к которому он так стремился, может прийти слиш-

ком поздно.

29. КОРА

— Но почему вы так долго откладывали? — спросил доктор Сен тоном, каким говорят с умственно отсталыми детьми.

— Как обычно, — отвечал Морган. — Дела. Когда я начинал задыхаться, то приписывал это высоте.

— Конечно, высота кое-что объясняет. Необходимо обследовать всех, кто работает на горе. Как вы могли упустить это из виду?

— А монахи? — сказал Морган. — Ведь некоторым было за восемьдесят. Они выглядели такими здоровыми…

— Монахи жили там много лет и полностью адаптировались. А вы по нескольку раз в день за считанные минуты поднимались от уровня моря до середины атмосферы. Но пока ничего серьезного нет — если вы будете выполнять все предписания, которые дадим вам я и КОРА.

— КОРА?

— Коронарная тревога.

— А, одна из этих ваших штучек.

— Да, одна из этих наших штучек. Они спасают в год около десяти миллионов людей. Большинство

— высокопоставленные общественные деятели, крупные администраторы, выдающиеся ученые, ведущие инженеры и тому подобные кретины. Я часто думаю, стоило ли так стараться. Природа хочет что-то сказать, а мы ее не слушаем.

— Вспомните клятву Гиппократа, Билл, — усмехаясь, возразил Морган.

— И вы должны признать, что я всегда был послушен. Например, за последние десять лет не прибавил ни килограмма.

— Ну, вы у меня не худший пациент, — смягчившись, сказал доктор. Он вытащил из стола большой альбом. — Выбирайте. Любой оттенок красного цвета.

Морган с отвращением рассматривал голограммы.

— Где ее нужно держать? — спросил он. — Или вы хотите ее имплантировать?

— Пока в этом нет необходимости. Может быть, лет этак через пять…

Советую начать с этой модели — она помещается непосредственно на груди. Вы скоро перестанете ее замечать, и она не будет вас беспокоить, если не возникнет надобность.

— А если возникнет?

— Слушайте.

Доктор нажал кнопку на пульте, и приятное меццо-сопрано светским тоном заметило: «Мне кажется, вам следует сесть и минут десять отдохнуть». После короткой паузы оно продолжало: «Было бы совсем неплохо на полчаса прилечь». Еще одна пауза. «Как только представится возможность, свяжитесь с доктором Сеном». И в заключение: «Пожалуйста, немедленно примите красную таблетку. Я вызвала „Скорую помощь“, ложитесь и лежите спокойно. Все будет хорошо».

Потом раздался такой пронзительный свист, что Морган невольно заткнул уши.

> ВНИМАНИЕ. ГОВОРИТ КОРА. ПРОШУ КОГО-НИБУДЬ НАХОДЯЩЕГОСЯ В ПРЕДЕЛАХ СЛЫШИМОСТИ НЕМЕДЛЕННО ЯВИТЬСЯ. ВНИМАНИЕ. ГОВОРИТ КОРА. ПРОШУ…

— Надеюсь, суть вам ясна, — сказал доктор, восстановив тишину. — И я должен упомянуть об одном преимуществе нагрудных аппаратов.

— То есть?

— Один из моих пациентов — страстный теннисист. Когда он расстегивает рубашку, вид этой красной коробочки буквально парализует противника.

30. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Некогда одним из важных дел каждого цивилизованного человека было регулярное обновление записной книжки. С введением универсального кода необходимость в этом отпала, ибо, зная личный номер человека, его можно найти за несколько минут. Но природа не терпит пустоты ликвидировав одну скучную обязанность, та же самая техника подсунула человеку другую — составление Программы Личных Интересов.

Большинство обновляло свои ПЛИ под Новый год или в день рождения. Отнюдь не всегда преследовалась какая-либо позитивная цель; есть много людей, которым нравится настраивать свои пульты на классически невероятные события типа:

Динозавр, выклевывание из яйца.

Круг, квадратура.

Атлантида, всплытие.

Христос, второе пришествие.

Лох-несское чудовище, поимка.

И в заключение:

Свет, конец.

Обычно эгоцентризм и профессиональные по-

требности заставляют абонента начинать список со своего собственного имени. Морган не составлял исключения, но последующие пункты были весьма необычны:

Башня, орбитальная.

Башня, космическая.

Башня, (гео) синхронная.

Лифт, космический.

Лифт, орбитальный.

Лифт, (гео) синхронный.

Это обеспечивало ему ознакомление почти с 90 % сообщений, касающихся проекта. Правда, все действительно важные новости он и так узнавал очень быстро.

У Моргана еще слипались глаза, а постель едва успела скрыться в стене его скромной квартиры, когда он заметил на пульте сигнал ВНИМАНИЕ. Нажав одновременно кнопки «КОФЕ» и «СЧИТЫВАНИЕ ДАННЫХ», он приготовился к очередной сенсации.

«ОРБИТАЛЬНАЯ БАШНЯ СБИТА» — гласил заголовок.

За последующие десять секунд недоверие Моргана сменилось возмущением, а затем тревогой. Тут же, переслав всю информацию Уоррену Кингсли с пометкой: «Пожалуйста, свяжитесь со мною

как можно скорее», он сел завтракать, все еще кипя от ярости.

Не прошло и пяти минут, как на экране появился Кингсли.

— Ну что ж, Ван, — проговорил он с комическим смирением, — будем считать, что нам еще повезло. Не следует реагировать слишком бурно. Пожалуй, этот тип кое в чем прав.

— Что вы хотите сказать?

Лицо Кингсли стало немного смущенным.

— Кроме технических проблем, существуют психологические. Подумайте об этом, Ван.

Изображение померкло, оставив Моргана в несколько подавленном состоянии. Он привык к критике и знал, как на нее реагировать; более того, он наслаждался пикировкой с равными противниками и почти никогда не огорчался в тех редких случаях, когда оказывался побежденным. Но какой-то Бикерстаф…

Впрочем, такие типы не переводились во все времена. Когда величайший инженер XIX века Брунель замыслил железнодорожный туннель длиной около трех километров, они кричали, что это «нечто чудовищное и невообразимое, в высшей степени опасное и непрактично», «Невозможно себе представить, чтобы люди выдержали

столь тяжкое испытание», утверждали критики. «Никто не захочет лишиться дневного света… шум двух встречающихся поездов потрясет нервы… никто не решится на вторую поездку…»

Как это знакомо! У подобных типов всегда один девиз: «Ничего не следует делать впервые».

Так и этот Бикерстаф. Обуреваемый фальшивой скромностью, он начал с того, что не берется критиковать технические аспекты космического лифта, он хочет слегка коснуться психологических проблем, которые тот может породить. Их можно суммировать в одном слове — ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ. Нормальному человеку, по его словам, присущ вполне обоснованный страх высоты; лишь акробаты и канатные плясуны не подвержены этой естественной реакции. Самое высокое сооружение на Земле не достигает и пяти километров — однако лишь немногие захотят, чтобы их втаскивали по вертикали на опоры Гибралтарского моста.

Но это ничто по сравнению с жуткой высотой орбитальной башни. «Есть ли на свете человек, — витийствовал Бикерстаф, — кто хоть раз не стоял у подножия какого-нибудь огромного строения, глядя вверх вдоль его отвесной стены, пока ему не начинало казаться, будто оно вот-вот опро-

кинется и рухнет? Теперь представьте себе, что такое строение взмывает в облака, поднимается в черную тьму космоса и, минуя орбиты всех крупных космических станций, уходит все выше и выше, пока не покроет значительную часть пути к Луне! Триумф техники — несомненно, но в то же время психологический кошмар. Некоторые индивиды потеряют рассудок от одной лишь мысли о чем-либо подобном. А много ли найдется таких, кто сможет выдержать головокружительный вертикальный подъем через двадцать пять тысяч километров пустоты до первой остановки на станции „Центральная“?

Утверждение, что вполне заурядные индивиды могут подниматься в космическом корабле гораздо выше, абсолютно не убедительно. Космический корабль ничем, в сущности, не отличается от самолета. Нормальный человек не испытывает головокружения даже в открытой гондоле воздушного шара, парящего в нескольких километрах над землей. Но поставьте его на краю утеса такой же высоты и проследите за его реакцией!

Причина различия предельно проста. В самолете отсутствует физическая связь наблюдателя с планетой. Поэтому психологически он совер-

шенно отделен от земли, находящейся далеко внизу. Мысль о падении не вызывает у него ужаса, он может спокойно смотреть вниз на далекий пейзаж. Этой спасительной физической отчужденности как раз и будет недоставать пассажиру космического лифта. Возносимый по отвесной стене гигантской башни, он будет чрезвычайно остро ощущать свою связь с Землей. Где гарантия, что человек сможет пережить такой эксперимент? Я прошу доктора Моргана ответить на этот вопрос».

Доктор Морган все еще обдумывал ответы, один нелюбезнее другого, когда на пульте загорелся сигнал вызова. Нажав кнопку «ПРИЕМ», он ничуть не удивился при виде Максины Дюваль.

— Ну, Ван, — сказала она без вступления, — что вы собираетесь делать?

— Пытаюсь переварить свой завтрак. А что мне еще остается?

— Как что? Продемонстрировать работу установки. Ведь первый трос уже установлен.

— Не трос, а лента.

— Не все ли равно? Какой груз она выдержит?

— Тонн пятьсот, не больше.

— Вот и прекрасно. Пусть кто-нибудь прокатится. Например, я.

— Вы шутите?

— В такую рань никогда. И вообще мои зрители уже соскучились по свежим материалам о башне. Макет капсулы очарователен, но неподвижен. Моя аудитория любит действие. Я тоже. Вы показывали чертежи небольших аппаратов, на которых инженеры собираются ездить вверх и вниз по тросам, то есть по лентам. Как они называются?

— «Пауки».

— Ф-ф-у, гадость! Но от идеи я просто в восторге. Ведь ничего подобного никогда не было. Человек впервые сможет сидеть неподвижно в небе, даже над атмосферой, и смотреть на Землю. Я хочу первой описать эту сенсацию.

Целых пять секунд Морган молча смотрел Максине прямо в глаза. Она говорила серьезно.

— Я еще мог бы поверить, — устало сказал он, — что какая-нибудь юная репортерша, чтобы создать себе имя, ухватится за такой случай. Я категорически против.

— Но почему? Я же не собираюсь садиться на Вашего «паука», пока вы не проведете всех испытаний и не обеспечите стопроцентную безопасность.

— Все равно это слишком похоже на трюк.

— Ну и что?

— Послушайте, Максина, только что поступила «молния»: Новая Зеландия погрузилась в океан, и вас срочно вызывают в студию. Понятно?

— Доктор Ванневар Морган, я знаю, почему вы мне отказываете. Вы сами хотите быть первым.

Морган покачал головой.

— Это вам не поможет, Максина, — сказал он, — я очень сожалею, но ваши шансы равны нулю.

И вдруг почему-то вспомнил про тонкий красный диск у себя на груди.

31. ЖЕСТОКОЕ НЕБО

Ночью лента лучше просматривалась невооруженным глазом. После захода солнца, когда включались сигнальные огни, она превращалась в тонкую ослепительную полосу, которая уходила ввысь, теряясь на фоне звезд.

Она уже стала величайшим чудом света. До тех пор пока Морган не закрыл посторонним доступ на строительную площадку, бесконечный поток посетителей не ослабевал. «Пилигримы», как кто-то иронически их прозвал, приходили поклониться последнему чуду священной горы.

Все они вели себя одинаково. Сначала касались пятисантиметровой ленты руками, чуть ли не с благоговением поглаживая ее кончиками пальцев. Потом, приложив ухо к ее холодной поверхности, прислушивались, словно надеялись уловить музыку небесных сфер. Некоторые даже утверждали, будто им удалось различить низкую басовую ноту на пороге слышимости. Но они заблуждались. Даже самые высокие гармоники собственной частоты ленты были намного ниже уровня человеческого слуха. А кое-кто, уходя, качал головой и говорил: «Никто никогда не

заставит меня ездить по этой штуковине!» Но точно такие же замечания произносились и по поводу ядерной ракеты, космического челнока, самолета, автомобиля и даже паровоза…

Обычно скептикам отвечали: «Не беспокойтесь, это просто строительные леса. Когда башню закончат, „вознесение“ в небо будет отличаться от подъема в обычном лифте лишь продолжительностью и гораздо большим комфортом».

Путешествие Максины Дюваль, наоборот, будет очень коротким и не особенно комфортабельным. Но раз уж Морган капитулировал, он приложил все усилия, чтобы сделать его спокойным.

Хрупкий «паук» — опытный образец капсулы, напоминающий моторизованную люльку для прокладки воздушного кабеля, уже неоднократно подымался на двадцать километров с нагрузкой, вдвое превышающей ту, которую должен был нести теперь.

Как обычно, все было тщательно отрепетировано. Пристегивая себя ремнем, Максина не колебалась и не путалась. Затем она глубоко вдохнула кислород из маски и проверила все видео- и звуковые устройства. Потом, подобно пилоту истребителя из старинного фильма, просигналила большим пальцем «Подъем» и надавила рычаг

скорости.

Собравшиеся вокруг инженеры, большинство из которых уже не раз совершали прогулки вверх на несколько километров, иронически зааплодировали. Кто-то крикнул: «Зажигание! Старт!», и «паук» со скоростью допотопного лифта двинулся ввысь.

Это напоминало полет на воздушном шаре. Плавный, легкий, бесшумный.

Нет, не совсем бесшумный — до Максины доносилось нежное жужжание моторов, приводящих в движение многочисленные колеса, которые захватывали плоскую поверхность ленты. Не было ни толчков, ни вибрации. Невообразимо тонкая лента, по которой она двигалась, была негнущейся как стальной стержень, а гироскопы капсулы обеспечивали устойчивость движения. Если закрыть глаза, можно даже вообразить, будто поднимаешься внутри уже построенной башни. Но нельзя закрывать глаза — слишком многое надо увидеть и воспринять. Многое можно и услышать — просто поразительно, как хорошо распространяется звук: разговоры внизу все еще отлично слышны.

Максина помахала рукой Ванневару Моргану, а потом стала искать глазами Уоррена Кингсли.

Но его нигде не было. Он помог ей взобраться на борт «паука», а теперь куда-то исчез. Потом она вспомнила его чистосердечное признание — лучший инженер-строитель мира боялся высоты… Каждый одержим каким-нибудь тайным — или не совсем тайным страхом. Максина терпеть не могла пауков и предпочла бы, чтоб аппарат, в котором она сейчас поднималась, назывался как-нибудь иначе; но настоящий ужас вселяли в нее робкие и безвредные осьминоги…

Теперь была видна вся гора. Правда, отсюда трудно определить ее истинную высоту. Древние лестницы на склоне выглядели извилистыми горизонтальными дорогами. Совершенно безлюдными. Один марш преграждало упавшее дерево — Природа спустя три тысячи лет как бы предупреждала, что скоро потребует свои владенья назад.

Направив вниз одну телекамеру, Максина начала панорамировать второй. По экрану контрольного монитора плыли поля и леса, далекие белые купола Ранапуры, темные воды внутреннего моря. И наконец Яккагала…

Максина разглядела смутные очертания руин на вершине утеса. Зеркальная стена оставалась в тени, Галерея Принцесс тоже — да к тому же

едва ли можно увидеть фрески с такой высоты. Райские Сады с их прудами, аллеями и глубоким крепостным рвом просматривались совершенно ясно.

На секунду ее озадачил ряд тоненьких белых перышек, но она тут же сообразила, что это райские фонтаны Калидасы. Интересно, что подумал бы царь, глядя, как она без всяких усилий поднимается к небу его мечты…

Прошло почти полгода с того дня, как Максина беседовала с Раджасинхой. Повинуясь внезапному порыву, она связалась с его виллой.

— Привет, Иохан. Вам нравится Яккагала сверху?

— Доброе утро. Значит, вам все-таки удалось уломать Моргана. Как самочувствие?

— Восхитительно — другого слова нет. Это ни на что не похоже — я путешествовала на всех видах транспорта, но здесь чувствуешь себя совершенно иначе.

— По жестокому небу спокойно летя…

— Откуда это?

— Один английский поэт начала XX века.

Мне теперь все равно: бороздишь ты моря,

По жестокому ль небу спокойно летишь…

— А мне не все равно, но я совершенно спокойна. Я вижу весь остров и даже берега Индостана. На какой я высоте, Ван?

— Около двенадцати километров. Осталось еще три. Как маска?

— Полный порядок. Кстати, поздравляю — вид отсюда великолепный. Настоящая смотровая вышка. От желающих отбоя не будет.

— Мы об этом уже думали — ребята со спутников уже подают заявки. Мы можем установить их ретрансляторы и датчики на любой высоте, какая требуется. Это поможет нам платить налоги.

— Я вас вижу! — внезапно воскликнул Раджасинха. — Поймал в телескоп. Сейчас вы машете рукой… Как там, не очень одиноко?

После короткой паузы раздался спокойный ответ:

— Не больше, чем было Юрию Гагарину, а ведь он поднялся на триста километров выше.

Часть V. ВОСХОЖДЕНИЕ

32. АЛМАЗ ВЕСОМ В МИЛЛИАРД ТОНН

За последние годы было сделано очень много. Сдвинуты с места горы, по крайней мере астероиды. У Земли, чуть выше синхронной орбиты, появился второй естественный спутник. Диаметр его, вначале составлявший около километра, быстро уменьшался, по мере выработки углерода. Все остальное — железное ядро и производственные отходы впоследствии образует противовес, удерживающий башню в вертикальном положении. Словно камень в праще длиною сорок тысяч километров…

В пятидесяти километрах восточнее «Ашоки» работал огромный индустриальный комплекс, превращавший в суперволокно невесомые мегатонны сырья. Поскольку конечный продукт на девяносто процентов состоял из углерода с правильной кристаллической решеткой, башню прозвали «Алмаз весом в миллиард тонн». Амстердамская Ассоциация Ювелиров сердито заявила, что, во-первых, суперволокно вовсе не алмаз и, во-вторых, если уж это алмаз, то башня весит 5×10×15 каратов.

Будь то караты или тонны, такие огромные

количества материала требовали полной мобилизации всех ресурсов космических колоний. В автоматические рудники и заводы были вложены многие достижения технической мысли, с таким трудом приобретенные человечеством за двести лет космической эры. Затем все элементы конструкции башни миллионы стандартных деталей — были собраны в огромные летающие штабеля.

Потом за дело принялись роботы-монтажники. Башня начала расти вниз, к Земле, и одновременно вверх, к орбитальному якорю-противовесу. Поперечное сечение башни в обоих противоположных направлениях постепенно уменьшалось.

После завершения всех работ строительный комплекс переместится к Марсу. Марсиане заключили выгодную сделку: хотя их капиталовложения не сразу начнут приносить дивиденды, они, вероятно, все следующее десятилетие будут обладать строительной монополией. Морган подозревал, что башня Павонис станет всего лишь первой из многих. Марс как нельзя лучше приспособлен для расположения системы космических лифтов, и его энергичные жители вряд ли упустят такую блестящую возможность. Морган

искренне желал им успеха, но перед ним стояли другие задачи.

Башня, несмотря на свои колоссальные размеры, служила всего лишь основой еще более сложного сооружения. Вдоль ее четырех граней пройдут пути длиной в 36 тысяч километров, работоспособные при скоростях, каких еще никогда никто не пытался достичь. Дорога по всей длине должна питаться энергией, подаваемой по сверхпроводящим кабелям от мощных ядерных генераторов. Управлять всем этим хозяйством будет невероятно сложная сеть безотказных компьютеров.

Конечная станция «Верх», где пассажиров и грузы примут состыкованные с башней космические корабли, сама по себе очень непростое сооружение. То же самое относится к станциям «Центральная» и «Земля», которую сейчас выжигают лазерами в сердце священной горы. А есть еще и проблема загрязнения космоса…

В течение двухсот лет на околоземных орбитах накапливались спутники всевозможных форм и размеров, начиная от отдельных болтов и гаек и кончая целыми космическими поселками. Три четверти этого материала давно забытый, никому не нужный хлам, который следует разыс-

кать и по возможности уничтожить, чтобы он не угрожал башне.

К счастью, старинные орбитальные крепости были прекрасно оборудованы для этой цели. Их радары, предназначенные для обнаружения приближающихся ракет дальнего действия, легко засекали все, что засоряло космос. Затем их лазеры испаряли спутники помельче, а те, что покрупнее, переводились на более высокие безопасные орбиты. То, что представляло исторический интерес, восстанавливалось и возвращалось на Землю. Нередко случались сюрпризы — например, были обнаружены трупы трех китайских астронавтов, погибших при выполнении какого-то секретного задания, и несколько спутников-разведчиков, запущенных неизвестно кем. Впрочем, это не имело значения, ибо им было никак не меньше ста лет.

Что касается огромного количества действующих спутников и станций, которые должны работать на небольшом расстоянии от Земли, то их орбиты тщательно проверяли, а в некоторых случаях изменяли. Разумеется, подобно всем созданиям рук человеческих, башня оставалась не защищенной от метеоритов. По многу раз в день ее сейсмографы будут фиксировать удары силой в

несколько миллиньютонов; раза два в год можно ожидать мелких повреждений. А когда-нибудь, рано или поздно, на башню натолкнется гигант, способный временно вывести из строя один или несколько рельсовых путей. В самом худшем случае башню может даже где-нибудь перебить.

Однако такое событие не более вероятно, чем падение крупного метеорита на Лондон или Токио, площадь которых сопоставима с общей площадью башни. Жители этих городов не лишались сна при мысли о такой возможности. Ванневар Морган тоже.

33. КРАЙ БЕЗЗВУЧНЫХ ШТОРМОВ

(Из речи профессора Мартина Сессуи при вручении ему Нобелевской премии по физике. Стокгольм, 16 декабря 2154 года)

Между небом и Землей простирается невидимая область, о которой не подозревали философы древности. Лишь на заре XX века, 12 декабря 1901 года, она впервые оказала влияние на людские дела.

В этот день Гуильельмо Маркони передал по радио через Атлантический океан три точки — букву 5 по азбуке Морзе. Многие ученые утверждали, что это невозможно, ибо электромагнитные волны распространяются лишь по прямой и не смогут обогнуть земной шар. Достижение Маркони не только возвестило начало эры дальней беспроволочной связи, но показало, что высоко в атмосфере есть «электрическое зеркало», способное отражать радиоволны.

Выяснилось, что слой Кеннели—Хевисайда, как его первоначально назвали, состоит минимум из трех основных слоев, высота и интенсивность которых подвержены большим изменениям. Еще

выше лежат радиационные пояса Ван Аллена, открытие которых стало первой научной победой космической эры.

Эта обширная область, начинающаяся на высоте около пятидесяти километров и простирающаяся ввысь на несколько земных радиусов, называется ионосферой; ракеты, спутники и радары исследуют ее свыше двух столетий. Я не могу не упомянуть моих предшественников на этом поприще — американцев Тьюва и Брейта, англичанина Эплтона, норвежца Стормера и особенно человека, в 1970 году удостоенного награды, которую я сейчас тоже имею честь получить, — вашего соотечественника Ханнеса Альфвена…

Ионосфера — это капризное дитя Солнца; даже теперь ее поведение не всегда предсказуемо.

В течение приблизительно ста лет, до появления спутников связи, она была нашим неоценимым, хотя и непостоянным слугой. Когда дальняя радиосвязь полностью зависела от ее настроений, она спасла немало жизней; но очень много людей погибло из-за того, что она бесследно поглотила их отчаянные сигналы.

Ионосфера служила цивилизованному человечеству очень недолго. Но если бы ее не было,

человек бы не появился! Ибо ионосфера — часть щита, который ограждает нас от смертоносного рентгеновского и ультрафиолетового излучения Солнца. Если бы эти лучи достигали уровня моря, то, возможно, какие-то формы жизни и возникли бы на Земле, но они никогда не развились бы во что-то, даже отдаленно напоминающее нас…

Поскольку ионосферой, как и находящейся под ней атмосферой, в конечном счете управляет Солнце, она тоже имеет свою погоду. Во время солнечных вспышек в ионосфере бушуют глобальные штормы, и она перестает быть невидимой: огненные сполохи сияний озаряют жутким светом холодные полярные ночи…

Мы до сих пор познали не все процессы, происходящие в ионосфере. Наши приборы, размещенные на ракетах и спутниках, пронизывают ее со скоростью в многие тысячи километров в час. Мы просто никогда не могли остановиться и спокойно понаблюдать! Только орбитальная башня даст нам возможность создать в ионосфере неподвижные обсерватории. Не исключено, конечно, что башня слегка изменит характеристики ионосферы, хотя вопреки утверждениям доктора Бикерстафа никак не замкнет ее накоротко!

Но зачем изучать ионосферу, раз уж она утра-

тила свое значение для связистов? Дело в том, что поведение ионосферы тесно связано с поведением Солнца, хозяина нашей судьбы. Мы теперь знаем, что Солнце отнюдь не спокойная благонравная звезда, как думали наши предки; оно подвержено как длительным, так и коротким возмущениям. В настоящее время оно все еще выходит из минимума 1645–1715 годов; поэтому климат сейчас мягче, чем в любой период после начала средних веков. Но как долго будет продолжаться этот подъем? Когда начнется новый неизбежный спад солнечной активности? Какое влияние он окажет на климат и на судьбы цивилизации не только на Земле, но и на других планетах? Ведь все они дети Солнца…

Некоторые теоретики полагают, что Солнце сейчас вступило в полосу неустойчивости, которая может вызвать новый ледниковый период, более всеобъемлющий, чем имевшие место в прошлом. Если это справедливо, нам необходима вся информация, какую можно получить. Даже предупреждение за век вперед может оказаться запоздавшим.

Ионосфера способствовала появлению жизни; она вызвала революцию в радиосвязи; она может рассказать нам о нашем будущем. Вот почему

мы должны продолжать изучение этой огромной бурной арены противоборства солнечных и электрических сил — этого таинственного края беззвучных штормов.

34. КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ

Неудивительно, что ее называли «Транссибирской дорогой». Даже спуск от станции «Центральная» к основанию башни длился пятьдесят часов.

Настанет день, когда он займет всего пять; но это произойдет лишь через два года, когда подведут питание и рельсовые пути обзаведутся магнитными полями. Аппараты для контроля и технического обслуживания, ползавшие вверх и вниз по граням башни, приводились в движение старинными колесами, опирающимися на внутреннюю часть направляющих пазов. Даже если бы позволяла ограниченная мощность аккумуляторов, эксплуатировать такую систему при скоростях выше пятисот километров в час небезопасно.

Но никто об этом не думал — все были слишком заняты делом. Профессор Сессуи и трое его студентов вели наблюдения и проверяли приборы, чтобы не тратить времени, когда прибудут на место. Водителю, бортинженеру и стюарду скучать также не приходилось. Рейс не совсем обычный. Станцию «Фундамент», находящуюся

теперь на 25 тысяч километров ниже «Центральной», всего в шестистах километрах от Земли, никто не посещал с самого начала строительства. Контрольные индикаторы еще ни разу не засекали здесь никаких неполадок. Впрочем, «Фундамент» представлял собой всего лишь 15-метровую герметическую камеру — одно из десятков аварийных убежищ, расположенных через определенные промежутки на всем протяжении башни.

Профессор Сессуи употребил все свое немалое влияние, чтобы воспользоваться этой уникальной смотровой площадкой, которая, делая два километра в сутки, ползла сквозь ионосферу к месту встречи с Землей. Необходимо установить научное оборудование до полного развития теперешнего максимума солнечных пятен, настаивал он.

Солнечная активность уже достигла небывалого уровня, и молодым ассистентам Сессуи нелегко было сосредоточиться на своих приборах величественные полярные сияния с непреодолимой силой влекли их к себе. Небо на севере и на юге было заполнено медленно перемещающимися полотнищами и лентами зеленоватого света, которые внушали благоговение и трепет своей

неземной красотою и величием. Однако это лишь бледный призрак небесных фейерверков, сверкающих вокруг полюсов. Очень редко полярное сияние забредает так далеко от своих законных владений; лишь раз в несколько поколений оно вторгается в экваториальные небеса.

Сессуи заставил студентов вернуться к работе — зрелищами можно будет заняться и во время долгого обратного подъема к «Центральной». Однако даже сам профессор по нескольку минут кряду простаивал у иллюминатора, завороженный пылающим небом.

Кто-то окрестил их рейс «Экспедицией к Земле». Что касается расстояния, это соответствовало действительности на 98 процентов. По мере того как аппарат на своих ничтожных 500 километров в час сползал по грани башни, растущая близость планеты все больше давала о себе знать. Гравитация медленно возрастала — от бодрящего ощущения легкости ниже лунной на «Центральной» до почти полной земной величины. Всякий опытный астронавт очень бы удивился — ощущения какой-либо силы тяжести до вхождения в плотные слои атмосферы казались противоестественными.

Если не считать жалоб на скверное питание,

которые стоически переносил замученный стюард, путешествие шло гладко. В ста километрах от «Фундамента» плавно заработали тормоза, и скорость уменьшилась вдвое. Через пятьдесят километров ее снова снизили вдвое. Один из студентов спросил: «А что, если в конце пути мы сойдем с рельсов?»

Водитель (он настаивал, чтобы его называли пилотом) сердито отвечал, что это невозможно, — направляющие пазы заканчиваются в нескольких метрах от конца башни; кроме того, имеются амортизаторы, специально на тот случай, если все четыре автономные системы торможения откажут одновременно. Все согласились, что шутка не только совсем не смешна, но и очень дурного тона.

35. РАНЕНОЕ СОЛНЦЕ

В последний раз, когда Морган видел племянника, тот был совсем маленьким. Сейчас Дэву двенадцать; а если они и впредь будут встречаться столь же часто, в следующий раз он станет уже взрослым.

Но вины за собой Морган не чувствовал. За последние два века семейные узы сильно ослабели, и Моргана почти ничто не связывало с сестрой. Каждые два месяца они общались по радио и были в самых хороших отношениях, но Морган не смог бы вспомнить место и время их последней встречи.

Однако, здороваясь с бойким смышленым подростком (которому его знаменитый дядя явно не внушал особого благоговения), Морган ощутил смутную горечь. У него не было сына; давным-давно он сделал тот выбор между работой и жизнью, от которого трудно уклониться на высших уровнях человеческой деятельности.

Он знал условия сделки, в которую вступал, и принял их. Ворчать по пустякам поздно — прошлого не вернешь. Смешивать гены может каждый дурак; большинство именно этим и за-

нимается. Воздаст ему история должное или нет, неважно, лишь немногие могут сравниться с ним по тому, что он сделал и еще сделает.

За последние три часа Дэв видел на станции «Земля» гораздо больше любого знатного гостя. Он вошел внутрь горы у ее подножия, через почти законченный вестибюль Южной станции, где ему показали помещения для пассажиров и багажа, центр управления и сортировочные депо, где капсулы, спускающие по Восточному и Западному путям, будут передаваться для подъема на Северный и Южный. Он смотрел вверх со дна пятикилометровой шахты, подобной колоссальной пушке, нацеленной прямо в звезды. Вопросы Дэва довели до полного изнеможения трех гидов, пока наконец последний из них не догадался вернуть мальчика дяде.

— Возьмите его, Ван, — сказал Уоррен Кингсли, доставив Дэва на скоростном лифте на усеченную вершину горы. — По-моему, он уже нацелился на Мое место.

— Я не знал, что ты так интересуешься техникой, Дэв.

Мальчик выглядел задетым и слегка удивленным.

— Разве ты не помнишь, как подарил мне кон-

структор на день рождения?

— Конечно, конечно, я просто пошутил. Тебе не холодно?

Мальчик с презрением отмахнулся от легкой термокуртки.

— Нет, мне хорошо. Когда вы откроете шахту? Можно потрогать ленту? Она не порвется?

— Теперь вам ясно? — ухмыльнулся Кингсли.

— Во-первых, крышка останется закрытой, пока башня не достигнет горы и не спустится в шахту. Крышка служит нам рабочей платформой и защищает от дождя. Во-вторых, если хочешь, можешь потрогать ленту. В-третьих, она не порвется. Но только не вздумай бегать — на такой высоте это очень вредно.

— Только не в двенадцать лет, — заметил Кингсли.

Они догнали Дэва возле якоря Восточной грани. Мальчик, как многие тысячи до него, смотрел на узкую тускло-серую ленту, которая поднималась из земли и вертикально взмывала в небо. Все выше, выше и выше. Запрокинув голову, Дэв скользил по ней взглядом. Морган и Кингсли не последовали его примеру, хотя — даже теперь, через столько лет — искушение было все еще велико. Не стали они и говорить Дэву, что у неко-

торых посетителей так сильно кружилась голова, что они падали и без посторонней помощи не могли уйти.

Но мальчик был вполне здоров: почти минуту он вглядывался в зенит, словно надеясь увидеть тысячи людей и миллионы тонн грузов, парящие по ту сторону синевы неба. Потом поморщился, закрыл глаза, покачал головой и посмотрел себе на ноги, как бы желая убедиться, что все еще стоит на твердой надежной земле.

Протянув руку, он осторожно погладил узкую ленту, соединяющую планету с ее новой луной.

— А что будет, если она порвется?

Это был обычный вопрос. Ответ удивляет многих.

— Почти ничего. В этой точке она практически не нагружена. Если разрезать ленту, она просто повиснет, развеваясь на ветру.

Кингсли поморщился: оба знали, что это преувеличение. Нагрузка на каждую из четырех лент составляла сейчас около ста тонн, но эта величина ничтожно мала по сравнению с проектной нагрузкой. Но не стоит обременять мальчика такими подробностями.

Дэв обдумал сказанное, потом в виде опыта щелкнул по ленте, словно хотел извлечь из нее

музыкальную ноту. В ответ раздался краткий невыразительный звук.

— Если ты стукнешь по ней кувалдой и вернешься сюда часов через десять, то как раз успеешь поймать эхо с «Центральной», — сказал Морган.

— Вряд ли, — сказал Кингсли. — Слишком большое демпфирование.

— Ладно, не портите впечатления, Уоррен. Лучше пойдем дальше и посмотрим кое-что действительно интересное.

Они подошли к центру металлического диска, который теперь увенчивал гору, закрывая шахту, словно крышка огромной кастрюли. Здесь, на одинаковом расстоянии от четырех лент, по которым башню вели к Земле, стояла маленькая неказистая геодезическая палатка. Из нее прямо в зенит смотрел телескоп, явно неспособный нацелиться во что-то другое.

— Сейчас самое подходящее время. Перед закатом основание башни отлично освещено.

— Кстати, о Солнце. Оно сегодня еще ярче, чем было вчера, — сказал Кингсли, показывая на блестящий сплющенный эллипс, погружавшийся в дымку на западе. Она настолько погасила его блеск, что на него можно было спокойно

смотреть.

Пятна, ясно выделявшиеся на поверхности Солнца, появились около ста лет назад. Теперь они закрывали почти половину площади солнечного диска. Казалось, Солнце поражено неведомым недугом или даже чем-то пробито. Однако даже Юпитер не нанес бы светилу такого повреждения.

Самое большое пятно достигало четверти миллиона километров в диаметре и могло бы поглотить сотни земель.

— Ночью снова ожидается большое полярное сияние. Профессор Сессуи и его команда выбрали удачное время.

— Давайте посмотрим, как у них дела, — сказал Морган, настраивая телескоп. — Взгляни-ка, Дэв.

Мальчик с минуту внимательно вглядывался.

— Все четыре ленты уходят внутрь, то есть вверх, а потом исчезают.

— А посредине ничего нет?

Дэв снова немного помолчал.

— Нет, башни не видно.

— Верно, она на шестистах километрах, а телескоп настроен на самое слабое увеличение. Но сейчас поднимемся. Застегните привязные ремня.

Дэв улыбнулся старинному штампу, знакомому по десяткам исторических пьес. Но он не заметил никаких изменений: лишь четыре линии, направленные к центру поля зрения, стали менее резкими. Через несколько секунд он сообразил, что никаких изменений не будет: он смотрит вверх вдоль оси системы, и все четыре ленты в любой точке выглядят одинаково.

Потом совершенно неожиданно — хотя Дэв все время этого ждал — в самом центре поля зрения появилось крошечное яркое пятнышко. Оно быстро расширялось, и мальчик испытал ясное ощущение скорости.

Через несколько секунд он уже мог разглядеть маленький круг — нет, и мозг и глаз согласились, что это квадрат. Он смотрел прямо вверх, на основание башни, которая ползла к Земле вдоль направляющих лент, преодолевая два километра в день. Сами ленты исчезли — на таком расстоянии они были неразличимы. Но квадрат, словно по волшебству прикрепленный к небу, продолжал расти, хотя теперь, при максимальном увеличении, казался расплывчатым.

— Что ты видишь? — спросил Морган.

— Яркий квадратик.

— Хорошо. Это основание башни, ярко освещен-

ное Солнцем. Когда у нас стемнеет, его можно будет наблюдать невооруженным глазом еще целый час, пока оно не, скроется в тени. А еще что-нибудь видно?

— Не-е-ет, — после долгого молчания протянул мальчик.

— Странно. Группа ученых отправилась в нижнюю секцию установить там научные приборы. Они только что спустились с «Центральной». Всмотрись повнимательней, и ты увидишь их транспортер — он на Южном пути, это справа. Ищи яркое пятно, раза в четыре меньше башни.

— Извини, дядя, я не могу его найти. Посмотри сам.

— Возможно, ухудшилась видимость. Иногда башня совсем исчезает, хотя атмосфера кажется прозрачной…

Прежде чем Морган успел занять место Дэва у телескопа, его личный приемник издал два резких двойных гудка. Секунду спустя система сигнализации Кингсли сработала тоже.

Впервые за все время на башне объявили тревогу четвертой степени.

36. МЕТЕОР

Огромное искусственное озеро, в течение двух тысяч лет известное под названием Море Параваны, спокойно лежало под каменным взором своего создателя. Хотя лишь немногие посещали одинокую статую отца Калидасы, его создание пережило творения его сына и принесло стране бесконечно больше благ, снабдив едой и питьем сто поколений людей. И еще больше поколений птиц, коз, буйволов, обезьян и хищных зверей, подобных лоснящемуся коварному леопарду, который сейчас утолял свою жажду. Эти огромные кошки слишком расплодились и теперь, когда вымерли устрашавшие их прежде охотники, начали сильно всем докучать. Впрочем, если их не дразнить и не трогать, то на людей они не нападают.

Уверенный в своей безопасности леопард не спешил, между тем как тени вокруг озера удлинялись, а с востока надвигались сумерки. Вдруг он насторожился. Грубые человеческие органы чувств не уловили бы никаких изменений. Вечер был безмятежным, как всегда.

Потом прямо в зените послышался слабый

свист, постепенно превратившийся в неистовый грохот, совсем непохожий на шум входящего в атмосферу космического корабля. Высоко в небе в последних лучах Солнца сверкало что-то металлическое; оно становилось все больше и больше, а за ним тянулась длинная полоса дыма. Одновременно предмет распадался на куски, и горящие обломки с шипением разлетались во все стороны. В течение нескольких секунд глаза, столь же зоркие, как у леопарда, могли бы видеть какой-то цилиндр, который тут же разорвался на бессчетное число осколков. Но леопард, не дожидаясь финала, уже растворился в джунглях.

Внезапный гром взорвал Море Параваны. В воздух устремился гейзер из брызг и глины высотой в сотню метров — фонтан, далеко превосходящий фонтаны Яккагалы, почти такой же высокий, как сам Утес. Бросая отчаянный вызов земному тяготению, он на секунду повис в воздухе, а потом вновь обрушился во взбаламученное озеро.

Небо наполнили стаи водоплавающих птиц, в ужасе обратившихся в бегство, и полчища огромных летучих мышей, похожих на птеродактилей, ухитрившихся прорваться в современность. Одинаково испуганные птицы и летучие мыши делили между собой небо.

Последние отзвуки грома замерли в джунглях, и вокруг озера вновь воцарилась тишина. Но зеркальная поверхность еще долго волновалась, и мелкая рябь пробегала взад-вперед под невидящим оком Параваны Великого.

37. СМЕРТЬ НА ОРБИТЕ

Говорят, каждое крупное сооружение требует хотя бы одной человеческой жизни. На устоях Гибралтарского моста высечено четырнадцать имен. Однако благодаря почти фанатической заботе о безопасности несчастных случаев на строительстве башни было очень мало: один год обошелся вообще без единой жертвы.

Но был год, который принес четыре смерти, из них две особенно страшные. Один контролер по космическому монтажу, привыкший работать в условиях невесомости, забыл, что он не на орбите, хотя и в космосе, и опыт всей жизни его предал. Камнем пролетев свыше пятнадцати тысяч километров, он, словно метеор, сгорел при входе в атмосферу. К несчастью, радиопередатчик его скафандра работал и в эти последние минуты…

То был очень тяжелый год. Вторая трагедия длилась гораздо дольше. Женщина-инженер на противовесе далеко за пределами синхронной орбиты не закрепила как следует ремень безопасности и, словно камень из пращи, сорвалась в космос. С этой высоты она не могла ни упасть на Землю, ни выйти за пределы земного тяготения,

но, увы, воздуха в ее скафандре было всего на два часа. За такой короткий срок спасти ее было невозможно, и, несмотря на всеобщие вопли протеста, никто не сделал даже попытки. Жертва вела себя героически. Она передала прощальные приветствия, а потом разгерметизировала скафандр. Тело нашли через несколько дней, когда непреложные законы небесной механики возвратили его в перигей эллиптической орбиты.

Воспоминания об этих трагедиях проносились в голове Моргана, когда он на скоростном лифте спускался в командный пункт в сопровождении угрюмого Кингсли и перепуганного Дэва. Но сегодня катастрофа совсем другая: зафиксирован взрыв в районе «Фундамента». Что транспортер упал на Землю, стало ясно еще до того, как было получено искаженное сообщение о «колоссальном метеорном ливне» где-то в центральной части Тапробани.

Пока не станут известны новые факты, размышлять на эту тему бесполезно; а фактов в данном случае скорее всего не будет вообще, ибо все улики, вероятно, уничтожены. Морган знал, что катастрофы в космосе редко бывают вызваны одной какой-нибудь причиной, чаще всего они являются следствием длинной цепоч-

ки совершенно невинных обстоятельств. Все предосторожности инженеров по технике безопасности не могут гарантировать абсолютную надежность: иногда к катастрофе приводит их же собственная перестраховка. Морган не стыдился того, что сейчас безопасность сооружения беспокоила его гораздо больше, чем гибель людей. Мертвым не поможешь ничем; но когда под угрозой оказалась почти законченная башня…

Лифт остановился, и он вошел в командный пункт как раз в тот момент, когда стало известно о второй ошеломляющей новости этого вечера.

38. АВАРИЯ

В пяти километрах от цели водитель-пилот Руперт Чанг вновь сбавил скорость. Теперь пассажиры впервые увидели, что грань башни не просто монотонная полоса, уходящая вверх и вниз в бесконечность. Правда, двойные пазы, по которым они двигались, все так же тянулись вверх на высоту двадцать пять тысяч километров, что по человеческим масштабам почти равно бесконечности, но зато внизу уже был виден конец. Усеченная основа башни четким силуэтом выделялась на зеленом фоне Тапробани, с которым она соединится через год с небольшим.

На приборной доске опять загорелись красные сигналы тревоги. Хмуро остановив на них взгляд, Чанг нажал кнопку «Восстановление». Они вспыхнули и погасли.

Когда это произошло в первый раз, на двести километров выше, он спешно проконсультировался с «Центральной». Быстрая проверка систем не обнаружила никаких неисправностей, да и вообще, если верить всем предупреждениям, пассажиры транспортера давно мертвы. За пределы допустимого вышло все.

Это явно неполадки в самой аварийной сигнализации, и все с облегчением выслушали теорию профессора Сессуи. Аппарат уже не находится в условиях полного вакуума, для которого предназначен, и ионосферные помехи воздействуют на датчики системы предупреждения.

— Кто-то должен был это предусмотреть, — сердито буркнул Чанг. Он особо не волновался: остался всего час хода. Придется постоянно проверять все критические параметры. «Центральная» это одобрила: собственно, другого выхода все равно нет.

Больше всего Чанга беспокоили аккумуляторы. Ближайшая зарядная станция находится в двух тысячах километров выше. Если до нее не добраться, будет по-настоящему скверно. Однако при спуске двигатели транспортера работали как динамо-машины, и девяносто процентов его потенциальной энергии пошло в батареи. Теперь они полностью заряжены, а избыточные сотни киловатт, которые еще продолжают генерироваться, отводятся в космос большими охлаждающими ребрами в хвостовой части. Из-за этих ребер, как частенько говорили Чангу коллеги, его уникальные аппарат напоминает старинную авиабомбу. Сейчас они, видимо, нака-

лены докрасна.

Естественно, Чанг был бы весьма встревожен, если б узнал, что они нисколько не нагрелись. Энергия не исчезает — она должна на что-то расходоваться. И очень часто она направляется совсем не туда, куда надо.

Когда сигнал «Пожар — Аккумуляторный отсек» появился в третий раз, Чанг без колебаний возвратил пульт в исходное состояние. Настоящий пожар привел бы в действие огнетушители, и он больше всего боялся, как бы они не начали работать вообще без нужды. Теперь на борту было уже несколько неполадок, особенно в цепях зарядки аккумуляторов. Как только путешествие окончится, придется слазить в двигательный отсек и, как в доброе старое время, проверять все собственными глазами.

Это случилось всего в километре от цели. Первый почуял неладное его нос. Даже когда Чанг, не веря глазам, уставился на тонкую струйку дыма, сочившуюся из-за приборной доски, холодная аналитическая часть его мозга говорила: «Какое счастливое совпадение, что пожар дождался конца поездки!»

Потом он вспомнил об огромном количестве энергии, произведенной во время окончатель-

ного торможения, и без труда догадался, как развивались события. Очевидно, не сработала система защиты, и аккумуляторы перезарядились. Средства безопасности одно за другим вышли из строя. Под прикрытием ионосферной бури неодушевленные предметы снова нанесли человеку предательский удар.

Чанг нажал кнопку огнетушителя аккумуляторного отсека. Огнетушитель действовал: из-за переборки донесся глухой рев струи азота. Через десять секунд Чанг открыл клапан, чтобы выпустить газ в космос. Вместе с газом улетучится и большая часть тепла. Клапан тоже сработал нормально. Впервые в жизни Чанг с облегчением слушал характерный свист, с каким из космического аппарата вырывается воздух.

Когда аппарат наконец приблизился к станции, Чанг не рискнул положиться на автоматическое торможение: к счастью, благодаря основательной подготовке он знал все визуальные сигналы и сумел остановиться буквально в сантиметре от стыковочного узла. В отчаянной спешке удалось соединить воздушные шлюзы и вытолкнуть через соединительную трубу имущество и оборудование…

…Та же операция общими усилиями пилота,

бортинженера и стюарда была произведена с профессором Сессуи, когда он попытался вернуться за своими драгоценными приборами. Крышка воздушного шлюза захлопнулась за несколько секунд до того, как переборка двигательного отсека не выдержала.

После этого спасенным, очутившимся в мрачном 15-метровом квадратном помещении, оставалось только ждать и надеяться, что пожар прекратится сам. Возможно, душевному равновесию пассажиров способствовало их счастливое неведение. Ибо только Чанг с бортинженером знали, что перезаряженные аккумуляторы подобны бомбе замедленного действия, часовой механизм которой ритмично тикал теперь рядом с башней.

Через десять минут после их прибытия бомба взорвалась. Сначала раздался глухой взрыв, вызвавший лишь слабую вибрацию башни, а затем все услышали жуткий скрежет металла. Эти звуки вселили холод в сердца спасенных — они поняли, что их единственное транспортное развалилось на части, оставив их в двадцати пяти тысячах километров от «Центральной».

Раздался второй, еще более долгий взрыв, и наступила тишина. Спасенные догадались, что

аппарат свалился с башни. Все еще оцепеневшие от ужаса, они принялись обозревать свои запасы и постепенно поняли, что их чудесное спасение, вероятно, было напрасным.

39. ПЕЩЕРА В НЕБЕ

Далеко в глубине горы Морган и его инженеры стояли вокруг голографического изображения нижней части башни в масштабе 1:10. Оно точно передавало мельчайшие подробности, видны были даже четыре тонкие направляющие ленты, которые шли вдоль граней, бесследно исчезая над самым полом. Было трудно вообразить, что, даже будучи уменьшены в 10 раз, они тянутся еще на шестьдесят километров вниз — за нижнюю границу земной коры.

— Дайте разрез и поднимите «Фундамент» до уровня глаз, — сказал Морган.

Изображение башни превратилось в светящийся призрак — длинный тонкостенный прямоугольный ящик, в котором не было ничего, кроме сверхпроводящих энергетических кабелей. Нижний отсек («Фундамент» — на редкость удачное название, хотя он и находится сейчас в сто раз выше вершины горы) представлял собой кубическую камеру, каждая сторона которой равнялась пятнадцати метрам.

— Что с тамбурами? — спросил Морган.

Две части изображения стали ярче. На северной

и южной гранях, между пазами направляющих рельсовых путей, отчетливо вырисовывались крышки воздушных шлюзов, максимально удаленных друг от друга, — обычная мера безопасности на всех космических объектах.

— Вероятно, они вошли через южный люк, — пояснил оператор. — Неизвестно, поврежден ли он взрывом.

«Ничего, остается еще три входа», — подумал Морган. Его особенно интересовали нижние два. Эта мысль была реализована в период завершения проекта. Впрочем, и сама идея «Фундамента» возникла незадолго до этого — какое-то время считали, что нет надобности строить убежище здесь, в том отсеке башни, который в конце концов станет частью станции «Земля».

— Поверните ко мне основание, — приказал Морган.

Башня опрокинулась и, описав светящуюся дугу, повисла горизонтально. Теперь Морган видел все детали пола. Люки, расположенные у северного и южного краев, вели в два независимых воздушных шлюза. Вопрос в том, как туда добраться. Ведь до них 600 километров!

— Система жизнеобеспечения?

Шлюзы померкли, вместо них появилось изоб-

ражение небольшого шкафа в центре камеры.

— В этом-то вся проблема, — мрачно отозвался оператор. — Имеется только кислородная система. Нет очистителей и, конечно, энергии. Лишившись транспортера, они едва ли переживут ночь. Температура падает — после захода она уже снизилась на десять градусов.

Моргану показалось, что космический холод проник ему в сердце. Радость от сознания, что люди из транспортера живы, быстро улетучивалась. Даже если запасов кислорода в «Фундаменте» хватит на несколько дней, что толку, если спасенные замерзнут еще до рассвета?

— Я хотел бы поговорить с профессором.

— Мы не можем выйти на него непосредственно — аварийный телефон «Фундамента» связан только с «Центральной». Впрочем, сейчас попробую.

Оказалось, что это не так просто. Когда связь была установлена, к телефону подошел водитель-пилот Чанг.

— Прошу прощения, но профессор занят.

От изумления Морган на секунду лишился дара речи, но потом, отчеканивая каждое слово (особенно свое имя), сказал:

— Передайте, что с ним хочет говорить Ванне-

вар Морган.

— Я ему передам, но вряд ли это поможет. Он объясняет студентам устройство какого-то прибора. Кажется, спектроскопа. Больше ничего спасти не удалось. Сейчас они прилаживают его к одному из иллюминаторов.

Морган едва сдерживал ярость. Он уже хотел было спросить: «Они что, спятили?» — когда Чанг сказал:

— Вы не знаете профессора, а я провел с ним двое суток. Он очень целеустремленный человек. Мы с трудом помешали ему вернуться за остальными приборами. А сейчас он заявил, что раз уж гибель неминуема, он должен убедиться в нормальной работе хотя бы этого проклятого спектроскопа.

В голосе Чанга чувствовалось восхищение своим упрямым пассажиром. Действительно, профессору нельзя отказать в логике. Необходимо спасти все, что можно, — ведь на снаряжение этой злополучной экспедиции потребовались многие годы.

— Ладно, — произнес наконец Морган. — Тогда доложите обстановку.

— Могу сообщить очень немногое. В сущности, у нас нет ничего, кроме одежды. Одна студентка

успела схватить свою сумку. Угадайте, что там было? Черновик ее диссертации!..

Морган смотрел на прозрачное изображение башни, и ему казалось, что он видит крошечные, в масштабе 1:10, человеческие фигурки. Стоит протянуть руку, и они спасены…

— Главные проблемы — холод и воздух. Не знаю, скоро ли нас задушит углекислым газом. Может, кто-нибудь найдет способ от него избавиться. Но… — Голос Чанга понизился на несколько децибел; казалось, он боится, что его подслушивают. — Профессор и студенты не знают, что южный шлюз поврежден взрывом. Там утечка — непрерывно шипит вокруг уплотнений. Насколько это серьезно, сказать не могу. — Голос снова поднялся до нормального уровня. — Такова ситуация. Ждем ваших сообщений.

«А что здесь можно сказать, кроме „прощайте“?» — подумал Морган.

Он всегда восхищался теми, кто умел принимать решения в критических ситуациях, но отнюдь им не завидовал. Янош Барток, дежурный офицер безопасности на станции «Центральная», взял бразды правления в свои руки. Все находящиеся в недрах горы в двадцати пяти тысячах километров под ним (и всего в шестистах ки-

лометрах от места происшествия) могли лишь выслушивать доклады, давать полезные советы и по мере возможности удовлетворять любопытство репортеров.

Максина Дюваль связалась с Морганом через несколько минут после аварии. Как всегда, ее вопросы били в самую точку.

— Успеет ли «Центральная» добраться до них?

Морган заколебался. Ответ на это, безусловно, был отрицательным. Однако неразумно и даже жестоко так рано оставлять надежду. Ведь несчастным все-таки повезло…

— Я не хочу внушать напрасные надежды, но мы, возможно, обойдемся и без «Центральной». Гораздо ближе, на станции «10-К» — на высоте десять тысяч километров, — работает группа монтажников. Их транспортер дойдет до Сессуи за двадцать часов.

— Так почему же он еще не отправлен?

— Офицер безопасности Барток сейчас примет решение, но все усилия могут оказаться тщетными. Воздуха хватит всего на десять часов. Еще серьезнее проблема температуры.

— В каком смысле?

— Наверху ночь, а у них нет источников тепла. Прошу вас, Максина, задержите это сообщение.

Неизвестно, что иссякнет раньше — тепло или кислород.

Максина несколько секунд молчала, а потом с необычной для себя робостью заметила:

— Возможно, я идиотка, но ведь метеоспутники с их огромными инфракрасными лазерами…

— Нет, это я идиот! Минутку, сейчас свяжусь с «Центральной».

Барток был изысканно любезен, но его ответ ясно выразил мнение о дилетантах, сующих нос не в свое дело.

Морган переключился на Максину.

— Иногда специалисты тоже кое-что могут. Наш оказался на высоте, — с гордостью заявил он. — Он уже десять минут назад связался со Службой Муссонов. Компьютеры сейчас определяют необходимую энергию луча, чтобы не переборщить и не сжечь людей заживо.

— Значит, я была права, — небрежно заметила Максина. — О чем вы еще забыли?

Отвечать было нечего, да Морган и не пытался. Он буквально видел, как компьютер в голове Максины вихрем генерирует идеи, и угадал ее следующий вопрос.

— Разве нельзя использовать «пауков»?

— Даже последние модели имеют ограни-

ченную высоту подъема — их аккумуляторы рассчитаны всего на 300 километров. Они предназначены для осмотра башни, когда она опустится в атмосферу.

— Поставьте более мощные аккумуляторы.

— За два—три часа? Но дело даже не в этом. Единственный аппарат, который сейчас проходит испытания, непригоден для перевозки пассажиров.

— Пошлите его без людей.

— Об этом мы уже думали. Когда «паук» доберется до «Фундамента», потребуется оператор для выполнения стыковки. А на то, чтобы спустить по одному семь человек, уйдет несколько дней.

— Но есть же у вас хоть какой-нибудь план!

— Даже несколько, но все они никуда не годятся. Если найдется что-нибудь путное, я вас извещу. А пока вы можете нам помочь.

— Чем? — с подозрением поинтересовалась Максина.

— Объясните вашим телезрителям, почему на высоте 600 километров два космических корабля легко стыкуются друг с другом, но ни один из них не может состыковаться с башней. Когда вы это сделаете, мы, вероятно, сообщим что-нибудь новое.

Когда возмущенное лицо Максины исчезло с экрана, Морган вновь окунулся в упорядоченный хаос командного пункта. Хотя офицер безопасности, со знанием дела выполняющий свой долг на «Центральной», и дал ему вежливый отпор, у него, Моргана, тоже могут появиться полезные соображения. Чудес, конечно, не бывает, но ведь он как-никак знает башню лучше всех на свете — кроме разве что Уоррена Кингсли. Возможно, Уоррен больше разбирается в мелочах, но общую картину яснее видит он, Морган.

Семь человек буквально застряли в небе. Это небывалая ситуация в истории космонавтики. Не может быть, чтобы не было никакого способа их спасти, прежде чем камера превратится в гроб Магомета, висящий между Землей и небом.

40. КАНДИДАТУРА

— Все в порядке, — широко улыбаясь, сказал Уоррен Кингсли. — «Паук» дойдет до «Фундамента».

— Вам удалось увеличить мощность аккумуляторов?

— Почти угадали. Это будет двухступенчатая штука, наподобие первых ракет. Как только истощится дополнительный аккумулятор, его надо сбросить, чтобы избавиться от балласта. Произойдет это на высоте четырехсот километров, а остаток пути обеспечит внутренний аккумулятор «Паука».

— А сколько он поднимет?

Улыбка Кингсли погасла.

— Около 50 килограммов. Но этого Достаточно. Пара новых баллонов с давлением в тысячу атмосфер, по 5 килограммов кислорода в каждом. Маски с молекулярным фильтром, не пропускающим углекислый газ. Немного воды и пищевых концентратов. Кое-какие медикаменты. Всего около 45 килограммов.

— И вы уверены, что этого хватит?

— Вполне. С этим они продержатся до прибы-

тия транспортера со станции «10-К». Если нужно, «Паук» сделает второй рейс.

— А что говорит Барток?

— Он согласен. Тем более что лучших предложений пока нет. «Паук» будет готов через два часа. Максимум через три. К счастью, все оборудование стандартное. Остается один вопрос.

Ванневар Морган покачал головой.

— Нет, Уоррен, — медленно произнес он. — Решать здесь нечего.

* * *

— Я не хочу пользоваться своим положением, Барток, — сказал Морган. — Это простая логика. Конечно, «пауком» может управлять кто угодно, но лишь немногие разбираются в деталях. Когда «паук» подойдет к башне, могут возникнуть проблемы, и лучше всех подготовлен к их решению я.

— Позвольте напомнить, доктор Морган, — возразил офицер безопасности, — что вам шестьдесят пять лет. Было бы целесообразнее отправить кого-нибудь помоложе.

— Во-первых, шестьдесят шесть. Во-вторых, возраст тут ни при чем. Опасность равна нулю, и никакой физической силы не требуется.

К тому же, мог бы добавить Морган, психологические факторы неизмеримо важнее физических. Почти каждый может подниматься и опускаться в капсуле в качестве пассажира, как Максина Дюваль. Совсем другое дело — суметь справиться с критическими ситуациями, которые могут возникнуть на высоте 600 километров.

— Я все же полагаю, — мягко настаивал Барток, — что лучше отправить кого-нибудь помоложе. Например, доктора Кингсли.

Моргану показалось, что за его спиной Уоррен невольно вздохнул. Кингсли вечно был предметом шуток — из-за своего непредолимого отвращения к высоте он никогда не участвовал в испытаниях спроектированных им самим сооружений. К счастью, объяснять это офицеру безопасности необязательно. Только два раза в жизни Ванневар Морган радовался своему малому росту, и это был один из них.

— Я на 15 килограммов легче Кингсли, — сказал он. — В операции, где каждый килограмм на счету, это решает дело. Поэтому не будем тратить время на споры.

Он ощутил легкий укор совести. Это было несправедливо. Барток выполнял свой долг, и притом со знанием дела. Через час капсула будет

готова. Никто не терял ни минуты даром.

Несколько долгих мгновений они смотрели в глаза друг другу так, словно их не разделяли 25 тысяч километров. Барток отвечает за безопасность и теоретически может отменить любое распоряжение главного инженера. Но употребить свою власть ему не так уж легко.

Барток пожал плечами, и у Моргана вырвался вздох облегчения.

— Пожалуй, вы правы. Я не в восторге, но делать нечего. Желаю удачи.

— Благодарю, — невозмутимо отозвался Морган, и изображение Бартока исчезло с экрана. Обернувшись к безмолвному Кингсли, он сказал: — Пошли.

Только оставив командный пункт, уже по дороге к вершине горы, Морган машинально коснулся датчика, спрятанного у него под рубашкой. КОРА уже много месяцев его не беспокоила, и о ее существования не знал даже Уоррен Кингсли. Неужели в угоду тщеславию он рискует не только собой, но и другими? Если бы офицер безопасности Барток узнал это…

Поздно. Решение уже принято.

41. «ПАУК»

С тех пор как Морган впервые ее увидел, гора изменилась неузнаваемо. Вершину полностью срезали, так что получилось совершенно ровное плато, посреди которого гигантская «крышка от кастрюли» закрывала стартовую шахту для будущих межпланетных кораблей. Кто бы теперь поверил, что недавно здесь стоял древний монастырь, не менее трех тысячелетий служивший средоточием надежд и страхов миллиардов людей? Единственное, что от него осталось, это весьма двусмысленный дар Маханаяке Тхеро, ныне обшитый досками в ожидании отправки на новое место. Однако до сих пор ни власти Яккагалы, ни директор ранапурского музея не торопились приобретать зловещий колокол Калидасы. Последний раз он звонил, когда на вершине Шри Канды бушевал тот короткий, но чреватый важными последствиями ураган — поистине ветер больших перемен. Теперь, когда Морган в сопровождении помощников приближался к капсуле, блестевшей в лучах прожекторов, воздух был почти недвижим. На нижней части корпуса кто-то вывел по трафарету

«паук-2», а под этим было нацарапано: «Оправдаем надежды».

«Дай-то бог», — подумал Морган. Каждый раз, когда он поднимался сюда, ему становилось трудно дышать. Но, как ни странно, КОРА еще ни разу не поднимала тревоги. Режим, предписанный доктором Сеном, действовал безотказно.

«Паук» был уже полностью нагружен и, приподнятый домкратами, ждал, когда к его днищу подвесят дополнительный аккумулятор. Механики торопливо заканчивали последние приготовления и разъединяли многочисленные кабели. Человеку, не привыкшему к скафандру, ничего не стоило запутаться в их паутине.

Скафандр «Эластик» всего полчаса назад привезли Моргану из Гагарина; некоторое время он уже думал, что пойдет вообще без космического костюма. «Паук-2» гораздо сложнее своего предшественника, в котором путешествовала Максина Дюваль. В сущности, это крохотный космический корабль. Если подъем пройдет нормально, Морган состыкует его с воздушным шлюзом с основании башни, который много лет назад был спроектирован специально для этой цели. Тесно облегающий тело, «Эластик» ничем не напоминал неуклюжие доспехи первых аст-

ронавтов и почти не стеснял движений. Морган как-то присутствовал на демонстрации, устроенной фирмой, производящей эти скафандры. Это был целый спектакль, включавший акробатические номера, фехтование и балет… Морган взобрался по короткой лесенке, постоял минуту на крошечном металлическом крылечке и, пятясь, осторожно залез в кабину. Усевшись и застегнув ремни, он осмотрелся. «Паук» был одноместный, но вместительный аппарат; тесноты не ощущалось, несмотря на дополнительное оборудование.

Два кислородных баллона отлично уместились под сиденьем, коробка с дыхательными масками — за лестницей, ведущей к воздушному шлюзу над головой пилота. Как мало надо для спасения стольких людей!

Морган захватил единственный «талисман» — память о первом посещении Яккагалы, где в некотором смысле все началось. Рулетка почти не занимала места и весила всего килограмм. Всякий раз, когда Морган оставлял ее дома, она оказывалась очень нужна. Наверняка пригодится и в этом путешествии.

Он включил питание скафандра и проверил расход воздуха. Снаружи отсоединили силовые

кабели, и «паук» обрел независимость.

В такие моменты никто не произносит торжественных речей. Морган улыбнулся Уоррену и сказал:

— Берегите имущество, пока я не вернусь.

Трудно представить себе огромную разницу между стартом капсулы и запуском старинной ракеты с огромным количеством предпусковых операций, со сложным расчетом времени, с невероятным ревом и грохотом. Морган дождался, пока две последние цифры на таймере превратились в нули, и включил питание двигателей.

Спокойно, без единого звука, залитая светом прожекторов вершина горы ушла вниз. Даже подъем воздушного шара не мог быть бесшумнее. Впрочем, если прислушаться, можно различить слабое жужжание двух двигателей, приводящих в движение большие фрикционные колеса, которые захватывают ленту над и под капсулой.

Скорость подъема 50 метров в секунду — показывал спидометр. 180 километров в час. При данной нагрузке этот режим наиболее экономичен. Когда отвалится дополнительный аккумулятор, можно будет увеличить скорость еще на 25 процентов.

— Скажите что-нибудь, Ван! — послышался ве-

селый голос Кингсли из оставшегося внизу мира.

— Попозже, — ответил Морган. — Я хочу отдыхать и любоваться пейзажем. Если вам нужен репортаж, надо было послать Максину Дюваль.

— Она уже пытается с вами связаться.

— Передайте ей привет и скажите, что я занят. Может, когда доберусь до башни… Кстати, как там дела?

— Температура стабилизировалась на двадцати градусах. Служба Муссонов каждые десять минут направляет на них лазер в несколько мегаватт. Профессор Сессуи в ярости — это нарушает работу его приборов.

— А как с воздухом?

— Хуже. Давление заметно упало, и растет процент углекислого газа. Все избегают лишних движений для экономии кислорода.

«Все, кроме профессора», — подумал Морган. Интересно будет встретиться с этим человеком. Морган прочел несколько книжек Сессуи и нашел их напыщенными и многословными. Автор наверняка под стать своему стилю.

— А что слышно со станции «10-К»?

— Транспортер отправляется через два часа. Сейчас они монтируют специальные цепи, чтобы исключить возможность пожара.

— Хорошая мысль. Это придумал Барток?

— Возможно. Они пойдут по северной линии, наверняка не затронутой взрывом, и прибудут на место через двадцать один час. Если все будет нормально, нам не понадобится даже второй рейс «паука».

Разумеется, оба собеседника знали, что успокаиваться рано. Мало ли что… Впрочем, пока все шло как нельзя лучше, и ближайшие три часа Моргану действительно оставалось любоваться бескрайними видами.

Он уже поднялся выше всех самолетов. В истории воздушного транспорта ничего подобного не было. Хотя «паук» и его предшественники бессчетное число раз взбирались на 20 километров, выше подниматься не разрешалось — из-за невозможности спасательных операций. Пока основание башни не подойдет ближе, а у «паука» не появится минимум два товарища, способных ползать вверх и вниз по другим лентам, рекордные подъемы не планировались. Морган отогнал мысль о том, что будет, если откажет приводной механизм. Это обрекло бы на гибель не только тех, кто застрял в «Фундаменте», но и его самого.

Пятьдесят километров. Он достиг того, что еще недавно было нижним уровнем ионосферы.

Разумеется, он не ожидал увидеть ничего интересного, но ошибался.

Первым намеком было легкое потрескивание в репродукторе; затем он заметил колеблющийся огонек в зеркале заднего вида, установленном за иллюминатором. Секунду Морган с изумлением смотрел в зеркало, потом ему стало не по себе, и он связался с Землей.

— У меня появился товарищ по ведомству профессора Сессуи. Это светящийся шар диаметром сантиметров двадцать. Он упорно преследует меня, но держится, слава богу, на неизменном расстоянии. Он очень красив — переливается синим светом и каждые несколько секунд вспыхивает. Я слышу его по радио.

Прошла целая минута, прежде чем Кингсли его успокоил.

— Это всего лишь огонь святого Эльма. Мы уже видели их на лентах во время грозы. У водителей первого «паука» волосы от них вставали дыбом. Но вам беспокоиться нечего, вы надежно защищены.

— Я не знал, что огни святого Эльма бывают так высоко.

— Мы тоже. Обсудите это с Сессуи.

— Он тускнеет, увеличивается и тускнеет. Со-

всем исчез. Даже немного жалко.

— Вы лучше посмотрите, что творится вверху, — сказал Кингсли.

Морган повернул зеркало, и в нем появились звезды. Потом выключил все светящиеся индикаторы.

Постепенно зрение адаптировалось. В зеркале разгоралось слабое красное сияние. Постепенно усиливаясь, оно поглотило звезды, потом тьма вокруг зеркала тоже стала светиться. Теперь Морган видел сияние прямо перед собой, ибо оно охватило всю нижнюю часть неба. Мерцающие, все время смещающиеся столбы света опускались к Земле, и Морган понял, почему человек, подобный профессору Сессуи, нередко посвящает всю жизнь раскрытию их тайн.

Полярное сияние, редкий гость на экваторе, торжественным маршем шло с полюсов.

42. НАД ПОЛЯРНЫМ СИЯНИЕМ

Казалось, чья-то невидимая рука тянет по небу бледно-зеленые огненные полосы с алыми краями. Они трепетали под порывами солнечного ветра, несущегося от Солнца к Земле и уходящего в бесконечность со скоростью миллион километров в час. Даже над Марсом мерцало слабое сияние, а ядовитые небеса Венеры наверняка были тоже объяты ярким пламенем. Над сверкающими полотнищами у самого горизонта по небу неслись длинные полосы света, напоминающие пластины полуоткрытого веера. Порою они, словно лучи гигантского прожектора, били Моргану прямо в глаза, на долгие минуты совершенно его ослепляя. Уже не было нужды включать освещение капсулы — небесный фейерверк был так ярок, что при его свете свободно можно было читать.

Двести километров. «Паук» все еще бесшумно и легко полз вверх. Трудно поверить, что он оставил Землю всего час назад. Трудно даже поверить, что Земля вообще еще существует, ибо теперь Морган поднимался между стенами огненного каньона.

Иллюзия длилась всего несколько секунд,

потом краткое равновесие между магнитным полем и несущимися к Земле заряженными электричеством облаками нарушилось. Но в этот миг Морган был уверен, что поднимается со дна глубокой пропасти, по сравнению с которой даже марсианский Большой Каньон показался бы ничтожной щелью. Потом светящиеся стокилометровые утесы стали прозрачными, и сквозь них опять засветились звезды. Он увидел их такими, какими они были на деле всего лишь флюоресцирующими призраками.

Теперь, подобно самолету, прорывающемуся сквозь низкие облака, «паук» полз все выше, оставляя потрясающее зрелище внизу. Морган выходил из огненного тумана, который клубился и извивался у него под ногами. Много лет назад он тропической ночью плыл океанским лайнером и вместе с другими пассажирами, столпившимися на корме, завороженно любовался неповторимым чудом биолюминесцентного свечения кильватерных струй. Зеленые и синие огни, мерцавшие теперь под «пауком», напоминали созданные планктоном краски, которые он видел в ту ночь, и казалось, что он снова наблюдает побочные продукты жизни — игру гигантских невидимых тварей, обитающих в верхних слоях

атмосферы…

Он даже удивился, когда ему напомнили о его обязанностях.

— Сколько осталось энергии? — спросил Кингсли. — Этого аккумулятора хватит всего на двадцать минут.

Морган взглянул на приборную доску.

Девяносто пять процентов израсходовано, но скорость подъема возросла на пять процентов. Почти 190 километров в час.

Так и должно быть. «Паук» ощущает уменьшение силы тяжести с высотой. Она уже снизилась на десять процентов.

Изменение столь незначительное, что его едва ли заметит человек, привязанный к креслу и облаченный в скафандр, который весит несколько килограммов. Однако охватившее Моргана непомерно радужное настроение заставило его заподозрить, что он получает слишком много кислорода.

Нет, расход воздуха нормальный. Наверное, он просто возбужден потрясающим зрелищем, которое, впрочем, уже начало тускнеть, ибо сияние, словно отступая в свои полярные твердыни, уходило к северу и к югу. А может, он рад тому, что операция с использованием техники, кото-

рой еще никто в этих условиях не испытывал, началась так успешно?

Все эти, казалось бы, вполне разумные объяснения никак его не удовлетворяли. Охватившее его чувство счастья, даже восторга никак не укладывалось в рамки логики. Уоррен Кингсли, любитель подводного плавания, часто рассказывал ему, что чувствует нечто подобное в морских глубинах. Морган никогда не испытывал ощущений, вызванных невесомостью, и только сейчас понял, что это такое. Казалось, все его заботы остались внизу, на планете, теперь скрытой под угасающими петлями и ажурными узорами полярного сияния.

Звезды, которым больше не было нужды соревноваться с жутким пришельцем с полюсов, возвращались на свои законные места.

Морган пристально вглядывался в зенит, надеясь увидеть башню, но мог различить лишь первые несколько метров ленты, по которой быстро и плавно взбирался «паук». Эта тонкая нить, от которой теперь зависела его собственная жизнь и жизнь еще семи человек, выглядела неподвижной, и трудно было поверить, что «паук» мчится вверх со скоростью около двухсот километров в час…

— Высота приближается к тремстам восьмидесяти, — раздался голос Кингсли. — Если аккумулятор продержится еще километров двадцать, то все в порядке. Как самочувствие?

Моргану очень хотелось разразиться восторженной речью, но природная сдержанность возобладала.

— Хорошее, — отвечал он. — Если б мы смогли гарантировать такой спектакль всем нашим пассажирам, у нас бы от них отбоя не было.

— Можно попробовать, — засмеялся Кингсли. — Попросим Службу Муссонов сбросить в нужных местах несколько бочек электронов. Не совсем по их части, но они здорово импровизируют, верно?

Морган ухмыльнулся, но ничего не ответил. Глаза его были устремлены на приборы, показывавшие заметное снижение мощности и скорости подъема. Однако оснований для тревоги нет — «паук» прошел триста восемьдесят пять километров из четырехсот, а в дополнительном аккумуляторе все еще теплилась жизнь.

На высоте триста девяносто километров Морган начал сбавлять скорость, и «паук» пополз медленнее. Вскоре он почти перестал двигаться и в конце концов остановился, чуть-чуть не дойдя

до четырехсот пяти километров.

— Сбрасываю аккумулятор, — доложил Морган. — Берегитесь!

Многие ломали головы над тем, как бы спасти этот тяжелый и дорогой агрегат, но недостаток времени не позволил создать тормозную систему, которая бы обеспечила ему благополучный спуск. К счастью, район падения, в десяти километрах к востоку от станции «Земля», находился в непроходимых джунглях. Животному миру Тапробани придется примириться со своей судьбой, а с управлением охраны окружающей среды лучше связаться потом.

Морган повернул ключ предохранителя, а затем нажал красную кнопку подачи тока на пироболты. От детонации капсулу сильно тряхнуло. Потом Морган ввел в действие внутренний аккумулятор, медленно отпустил фрикционные тормоза и снова включил двигатели.

Аппарат вышел на финишную прямую. Но одного взгляда на приборы хватило, чтобы понять: творится что-то неладное. «Паук» должен был подниматься со скоростью двести километров в час, а он едва делал сто. Никаких проверок не требовалось — Морган мгновенно поставил диагноз, ибо цифры говорили сами за себя.

— Случилось несчастье. Заряды взорвались, но аккумулятор не упал.

Его что-то держит, — в отчаянии сообщил он на Землю.

Разумеется, не было нужды добавлять, что экспедиция потерпела неудачу. Все понимали, что «паук» не сможет добраться до основания башни с балластом в несколько центнеров.

43. НОЧЬЮ НА ВИЛЛЕ

Раджасинха спал теперь мало, словно благожелательная Природа решила даровать ему возможность с максимальной полнотой использовать оставшиеся годы. Впрочем, с тех пор, как небеса Тапробани украсило величайшее чудо света, кто вообще способен подолгу валяться в постели?

Как жаль, что и Поль Сарат не может восхищаться этим зрелищем!

Раджасинха тосковал по старому другу гораздо больше, чем ожидал; никто другой не был для него таким сильным «раздражителем», как Поль; ни с кем другим не связывало его столь многое… Раджасинха никогда не думал, что переживет Поля или увидит, как фантастический сталактит башни массой в миллиард тонн почти полностью перекроет 36000-километровую пропасть, разделяющую ее орбитальное основание от острова Тапробани. Поль до самого конца категорически противился строительству башни. Он называл ее дамокловым мечом и неустанно твердил, что она в конце концов рухнет на Землю. Но даже Поль признавал, что башня уже принесла кое-какую

пользу.

Возможно, впервые в истории мир осознал факт существования Тапробани и начал открывать его древнюю культуру. Особое внимание привлекал сумрачный призрак Яккагалы с ее зловещими легендами, и Полю удалось даже добиться финансовой поддержки некоторых своих заветных проектов. Загадочная фигура создателя Яккагалы уже дала материал для множества книг и фильмов, а представление у подножия Утеса неизменно приносило полные сборы. Незадолго до смерти Поль хмуро заметил, что на Калидасе начинают делать бизнес и поэтому все труднее отличить вымысел от действительности…

Вскоре после полуночи, когда полярное сияние пошло на убыль, Раджасинху отвезли в спальню. Пожелав доброй ночи слугам, он взял традиционный стакан горячего пальмового сока и включил сводку последних известий. Естественно, его интересовал подъем Моргана. Вспыхивающая полоса текста возвестила:

МОРГАН ЗАСТРЯЛ В 200 КМ ОТ ЦЕЛИ.

Раджасинха переключился на запись сообщения и с некоторым облегчением узнал, что Морган не застрял, а просто не в состоянии про-

должать подъем. Он может в любой момент возвратиться на Землю, но в этом случае профессор Сессуи и его коллеги обречены на гибель. Сопровождавшая текст видеозапись не содержала никаких подробностей трагедии в небе — она просто воспроизводила пленку о давнишнем подъеме Максины Дюваль.

Тогда Раджасинха включил свой любимый телескоп.

Он не мог им пользоваться несколько месяцев после того, как болезнь приковала его к постели. Но потом Морган нанес ему краткий визит, поставил диагноз и… прописал лекарство. Неделю спустя, к удивлению и радости старика, на виллу явилась бригада техников, которые снабдили телескоп дистанционным управлением. Теперь Раджасинха, спокойно лежа в постели, мог, как в былые годы, наблюдать звездное небо и нависающие склоны Утеса. Старик был глубоко тронут; в характере инженера обнаружилась сторона, о которой он и не подозревал.

Раджасинха знал, куда нужно смотреть: уже давно он следил за медленным спуском башни. При благоприятном освещении ему удавалось даже разглядеть четыре направляющие ленты, которые сходились в зените, словно крест из

тончайших линий, вычерченный на небе…

Он направил телескоп на Шри Канду и начал смещать объектив вверх в поисках капсулы.

Любопытно, как воспринял последнее событие Маханаяке Тхеро? Хотя Раджасинха не разговаривал с прелатом (которому перевалило за девяносто) с тех пор, как монахи перебрались в Лхассу, он полагал, что Ибтала не предоставила ему соответвующих помещений. Огромный дворец быстро ветшал; тем временем приказчики далай-ламы торговались с китайским правительством о стоимости ремонта. Согласно последним сведениям Маханаяке Тхеро вел уже переговоры с Ватиканом; который тоже испытывал хронические финансовые затруднения, но оставался пока хозяином в собственном доме.

Да, все на свете непостоянно; как предсказать изменения? Возможно, это было бы по силам математическому гению Паракармы—Голдберга. Когда Раджасинха видел его в последний раз, тот получал премию за свои работы по метеорологии. Узнать Голдберга было трудно — он был тщательно выбрит и одет в моднейший костюм, имитировавший эпоху Наполеона. Но, говорят, теперь он вновь занялся религией…

Большой экран, установленный в ногах крова-

ти, усеивали звезды. Никаких признаков «паука», хотя Раджасинха был уверен, что основание башни находится в поле его зрения. Внезапно, подобно вспыхнувшей в небе новой звезде, у нижнего края экрана возникла яркая точка. Взрыв? Нет, свечение было ровным, его характеристики не менялись. Раджасинха вывел светящуюся точку в центр экрана и дал максимальное увеличение.

Много лет назад он смотрел старинный документальный фильм о воздушных войнах, и ему вдруг вспомнились кадры, изображающие ночной налет на Лондон. Вражеский бомбардировщик, схваченный прожекторными лучами, висел в небе как сверкающий мотылек. Теперь Раджасинха видел практически то же самое — только на этот раз все земные силы объединились не для уничтожения, а для помощи вторгшимся в ночь.

44. НА УХАБАХ

Уоррен Кингсли взял себя в руки, в его глухом голосе звучало отчаяние.

— Мы пытаемся удержать этого механика от самоубийства, — сказал он.

— Ему поручили какое-то другое срочное дело, и он забыл снять предохранительную скобу.

Значит, это опять ошибка человека. Когда устанавливали пироболты, аккумулятор был закреплен двумя металлическими планками. А убрали только одну… Такие явления повторяются с удручающим однообразием; иногда они просто досадны, порой вызывают катастрофу. Но упреки бесполезны. Важно одно — что делать дальше.

Морган наклонил наружное зеркало, но рассмотреть причину неполадки не удалось. Полярное сияние давно погасло, и нижнюю часть капсулы окутывал мрак. Осветить ее нечем. Впрочем, если Служба Муссонов подает киловаттами инфракрасное излучение к основанию башни, она уж как-нибудь наскребет и несколько квантов обычного света…

— Мы можем использовать свои прожекторы, — сказал Кингсли, когда Морган передал ему

свою просьбу.

— Не годится — они меня ослепят. Нужен свет сзади и сверху. Узнайте, кто находится в подходящем направлении.

— Сейчас, — отвечал Кингсли, радуясь возможности сделать хоть что-то. Он молчал очень долго, но, справившись с таймером, Морган с удивлением обнаружил, что прошло всего три минуты. — Станция «Кинте» может дать свет немедленно. У них псевдобелый лазер, и они в нужном положении. Сказать, чтобы действовали?

Морган прикинул в уме. Так, «Кинте» должна стоять очень высоко на западе. В самый раз.

— Я готов, — ответил он и зажмурился.

В тот же миг кабина наполнилась светом. Морган осторожно приоткрыл глаза. Луч шел сверху, с запада; несмотря на пройденные сорок тысяч километров, он был слепяще ярким и казался белым, хотя на деле представлял собой смесь узких линий из красной, зеленой и синей частей спектра.

Найдя спустя несколько секунд нужный наклон зеркала, Морган ясно разглядел злополучную скобу в полуметре под собой. Конец ее, который он видел, был прикреплен к днищу «паука» боль-

шой гайкой. Ее нужно отвинтить, и аккумулятор отвалится…

На связи вновь появился Кингсли. Выслушав его, Морган тихонько присвистнул.

— Вы уверены в запасе прочности? Тогда давайте попробуем. Только на первый раз не дольше секунды.

— Этого мало, конечно. Но ничего — зато вы во всем разберетесь.

Морган осторожно отпустил фрикционные тормоза, которые удерживали «паука». В тот же миг ему показалось, будто его поднимают с кресла он стал невесомым. Сосчитав: «Один, два!», он снова затормозил.

«Паук» дернулся, и Моргана с силой вдавило в кресло. Тормозной механизм зловеще заскрежетал, и капсула снова застыла в неподвижности, если не считать слабых, быстро угасших колебаний.

— Трясло, как на ухабах, — сказал Морган. — Но я еще жив, и проклятый аккумулятор тоже.

— Я вас предупреждал. Попробуйте еще раз. Две секунды, не меньше. Морган понимал, что трудно тягаться с Кингсли, которому помогают компьютеры, но… Две секунды свободного падения; и, скажем, полсекунды на торможение…

с поправкой на тонну массы «паука»… Вопрос стоит так: что лопнет раньше — скоба, которая не пускает аккумулятор, или лента, которая держит Моргана на высоте четырехсот километров? В нормальных условиях сталь не может состязаться в прочности с суперволокном, но, если затормозить слишком резко, могут не выдержать и скоба и лента. И тогда аккумулятор рухнет на Землю почти одновременно с ним…

На этот раз рывок был так силен, что нервы едва его вынесли, а колебания не затухали гораздо дольше. Морган был уверен, что почувствовал бы или услышал, как переламывается скоба. Он взглянул в зеркало. Да, аккумулятор все там же.

Кингсли, казалось, был не слишком обеспокоен.

— Возможно, потребуются еще три или четыре попытки, — заявил он. Моргану очень хотелось спросить: «Уж не метите ли вы на мое место?», но он сдержался. Уоррена это, конечно, позабавит, но ведь есть и другие слушатели…

После третьего рывка — казалось, «паук» упал на многие километры, но на деле это была всего лишь какая-то сотня метров — даже оптимизм Кингсли начал испаряться. Стало ясно, что фокус не удался.

— Поздравьте от меня тех, кто делал эту скобу, — сказал Морган. — Какие будут предложения? Падать три секунды, а потом тормозить?

Ему почудилось, что он видит расстроенное лицо Кингсли.

— Слишком рискованно. Я боюсь даже не за ленту. Тормозной механизм не рассчитан на такие нагрузки.

— Что ж, теперь мы его испытали, — отозвался Морган. — Но я не собираюсь сдаваться. Будь я проклят, если поддамся какой-то гайке, которая торчит у меня под носом. Я выйду наружу и избавлюсь от этой штуки.

45. РОЙ СВЕТЛЯКОВ

Добраться до нее в старомодном скафандре было бы абсолютно невозможно. Даже в «Эластике» это будет не так легко.

Очень тщательно — ведь теперь от этого зависела жизнь других, а не только его собственная — Морган повторил про себя последовательность действий. Проверить скафандр, разгерметизировать капсулу и открыть люк. Потом отстегнуть ремень безопасности, встать на колени — если удастся! — и дотянуться до гайки. Все зависит от того, насколько туго она затянута. У Моргана не было никаких инструментов, только собственные пальцы — притом в космических перчатках!..

Внезапно он ощутил некоторый дискомфорт. Конечно, можно бы и потерпеть, но рисковать не стоит. Лучше сейчас воспользоваться канализационной системой кабины, чем возиться потом с неудобным «другом водолаза» — встроенным в скафандр узлом для естественных отправлений.

Повернув ключ клапана «СБРОС МОЧИ», он со страхом услышал слабый взрыв у днища «паука». Тут же там возникло облачко мерцающих звездочек, похожее на микроскопическую галактику.

Моргану показалось, что на какую-то долю секунды оно неподвижно застыло, а потом камнем ринулось выше. Через несколько секунд облачко стянулось в точку и исчезло.

Ничто не могло нагляднее показать, что он все еще остается пленником земной гравитации. Он вспомнил, как при первых орбитальных полетах астронавтов весьма озадачивал ореол ледяных кристаллов, сопровождавший их вокруг планеты. Потом, когда все выяснилось, его с чьей-то легкой руки назвали «созвездием Урион». Но здесь ничего подобного случиться не может — любой оброненный предмет тут же рухнет на Землю. Да, Морган не астронавт, упоенный свободой невесомости. Он находится внутри 400-километрового здания, а сейчас откроет окно и встанет на оконный карниз.

46. НА ПЛОЩАДКЕ

Хотя на вершине было морозно, толпа продолжала расти. От блестящей звездочки в зените, куда были устремлены сейчас мысли всего человечества и луч лазера со станции «Кинте», исходила, казалось, какая-то гипнотическая сила. Все посетители вели себя одинаково робко, но в то же время вызывающе гладили северную ленту, как бы желая сказать: «Разумеется, это глупо, но таким образом я устанавливаю контакт с Морганом». Потом собирались у кофейного автомата и слушали радиосообщения. Новостей о пленниках башни не поступало; в целях экономии кислорода они спали или пытались спать. Поскольку Морган еще не вышел из графика, им пока не сообщали о случившемся, но уже через час они наверняка запросят «Центральную» о причинах задержки.

Максина Дюваль появилась на Шри Канде спустя десять минут после отбытия Моргана. В прежние времена такая неудача привела бы ее в ярость, теперь же она всего лишь пожала плечами, утешая себя мыслью, что первой вцепится в инженера, когда он вернется. Кингсли не раз-

решил ей с ним поговорить, но и этот запрет она приняла вежливо и спокойно. Да, постарела…

Последние пять минут до Земли доносились только слова: «Включено. Проверяю», которые произносил Морган, контролируя с техником «Центральной» работу систем скафандра. Теперь проверка окончилась, и все, затаив дыхание, ожидали следующего шага.

— Воздушный клапан, — сказал Морган. Он опустил лицевое стекло шлема, и голос его сопровождало слабое эхо. — Давление в кабине ноль. Дыхание в норме. — Полуминутная пауза и наконец: — Открываю наружный люк. Отстегиваю ремень безопасности.

Присутствующие заволновались. Каждый представил себе, будто это он выходит из капсулы и именно перед ним разверзается пропасть.

— Пробую костюм — совершенно эластичен — выхожу на площадку — не волнуйтесь! — левая рука закреплена предохранительным ремнем. Вижу гайку под решеткой площадки. Думаю, как до нее добраться… Стою на коленях — не очень удобно — достал! Теперь посмотрим, поддается она или нет…

Слушатели напряженно застыли, потом раздался общий вздох облегчения.

— Прекрасно! Пошла, отвинчивается легко. Уже два оборота — сейчас — еще чуть-чуть — слезла — БЕРЕГИТЕСЬ ВНИЗУ!

Раздались приветственные возгласы и хлопки; кое-кто в притворном ужасе съежился и закрыл голову руками. Другие, не понимая, что падающая гайка прилетит не раньше, чем минут через пять, и упадет в десяти километрах к востоку, казались не на шутку испуганными.

Один Уоррен Кингсли не разделял общего восторга.

— Погодите радоваться, — сказал он Максине Дюваль. — Это еще не все.

Секунды тянулись одна за другой… прошла минута… две…

— Не получается, — проговорил наконец Морган голосом, полным отчаяния. — Не могу сдвинуть скобу. Вероятно, от этих толчков ее приварило к резьбе.

— Тогда возвращайтесь, — сказал Кингсли. — Как можно скорее. Нам уже везут новый аккумулятор: за час мы установим его и повторим подъем аппарата. Так что мы доберемся до них… ну, скажем, через шесть часов. Если, конечно, не случится что-нибудь еще.

«Вот именно», — подумал Морган. Он не со-

бирался вновь подниматься на «пауке» без тщательной проверки тормозов, с которыми так варварски обращались. Да и вообще вряд ли он отправится во второй рейс. Перенапряжение последних часов уже начинало сказываться; скоро ум и тело парализует усталость — именно в тот момент, когда от них потребуется максимальная собранность.

Теперь он снова сидел в кресле, но кабина все еще была разгерметизирована, и он пока не закрепил ремень безопасности. Сделать это значило признать свое поражение, что для Моргана всегда было нелегко.

Ровное сияние лазера с «Кинте» пронизывало все своим беспощадным светом. Нужно так же сосредоточиться на задаче, как этот луч сфокусирован на «пауке».

Необходим всего лишь какой-нибудь режущий инструмент — ножовка или ножницы, — которым можно разрезать скобу. Ничего такого здесь нет. Но во внутреннем аккумуляторе «паука» очень много энергии. Сотни мегаватт-часов. Нельзя ли ее использовать? На мгновенье у Моргана мелькнула фантастическая мысль пережечь скобу электрической дугой. Но добраться до аккумулятора из кабины совершенно невозможно…

И вдруг, когда Морган уже готов был закрыть дверь кабины, его осенило. Ответ все время лежал у него в кармане.

47. ВТОРОЙ ПАССАЖИР

С плеч свалилась гора. Морган ощутил полную, безрассудную уверенность в себе. Уж теперь-то все будет в порядке!

Тем не менее он не двинулся с места, пока не обдумал все до мельчайших подробностей. И, когда Кингсли, на этот раз с некоторой тревогой в голосе, снова предложил поторопиться вниз, он ответил уклончиво. Не стоит напрасно обнадеживать тех, кто остался на Земле, и тех, кто находится в башне.

— Я задумал небольшой эксперимент, — сказал он. — Дайте мне несколько минут.

Он достал мини-лебедку из суперволокна, которая много лет назад позволила ему спуститься с отвесного уступа Яккагалы. С тех пор в целях безопасности в ее конструкцию внесли одно небольшое изменение первый метр нити был покрыт защитным слоем пластмассы, так что нить стала видимой и за нее можно было браться даже голыми руками.

Глядя на маленькую коробочку, лежавшую у него на ладони, Морган понял, до какой степени он привык к этому своеобразному талисману. Ко-

нечно, по-настоящему он в такие вещи не верил. Всегда находилась какая-либо веская причина брать рулетку с собой. Например, в сегодняшней операции она могла пригодиться из-за своей уникальной прочности. Он чуть не забыл, что у нее есть и другие полезные свойства…

Он снова вылез из кабины и встал на колени на решетчатой площадке.

Злополучный болт торчал в каких-нибудь десяти сантиметрах ниже решетки.

Сделав с полдюжины попыток — не столько раздражающих, сколько утомительных, потому что рано или поздно он должен был добиться своего, — Морган набросил петлю из нити на тело болта, как раз позади скобы, которую тот удерживал. А теперь самое трудное…

Он выпустил из рулетки отрезок, который требовался, чтобы обнаженное волокно дошло до болта и охватило его, потом натянул нить и почувствовал, что она попала на резьбу. Морган еще никогда не проделывал такой операции с закаленным стальным прутом в сантиметр толщиной и не знал, сколько времени она может продлиться. Вряд ли слишком долго. Он принялся орудовать своей невидимой пилой.

Через пять минут он вспотел, но еще не по-

нял, получается ли у него что-нибудь. Он боялся ослабить натяжение, чтобы нить не выскочила из столь же невидимой, как и она сама, щели, которая — как он надеялся рассекает тело болта.

Несколько раз с ним связывался Уоррен, все более и более встревоженный, и Морган коротко его успокаивал. Сейчас он немного отдохнет, попробует отдышаться и тогда все объяснит. Это его долг перед взволнованными друзьями.

— Ван, что вы там делаете? — спросил Кингсли. — Меня вызывали из башни. Что им сказать?

— Дайте мне еще несколько минут. Я пытаюсь распилить болт…

Спокойный, но властный женский голос, который перебил Моргана, так его напугал, что он едва не выронил драгоценную рулетку. Скафандр заглушал слова, но это не имело значения. Он слишком хорошо знал этот голос, хотя в последний раз слышал его много месяцев назад.

— Доктор Морган, — проговорила КОРА, — пожалуйста, ложитесь и отдохните десять минут.

— Не согласитесь ли вы на пять? — взмолился он. — Я сейчас очень занят.

КОРА не удостоила его ответом — существовали аппараты, способные вести простейшие беседы, но данная модель к ним не принадлежала. Мор-

ган сдержал обещание — целых пять минут он глубоко и ровно дышал. Потом снова принялся пилить. Взад-вперед, взад-вперед протягивал он волокно, припав к решетке на высоте четырехсот километров над далекой Землей. Он ощущал довольно сильное сопротивление — значит, упрямая сталь все же поддается. Но насколько определить было невозможно.

— Доктор Морган, — сказала КОРА, — вам совершенно необходимо полчаса полежать.

Морган тихонько выругался.

— Вы ошибаетесь, барышня, — возразил он. — Я чувствую себя великолепно.

Он говорил неправду, КОРА знала, что у него появилась боль в груди…

— С кем это вы там разговариваете, Ван? — спросил Кингсли.

— Да так, ангел пролетел… Простите, я забыл выключить микрофон. Я собираюсь еще раз отдохнуть.

— Насколько вы продвинулись?

— Не знаю. Но уверен, что щель уже очень глубокая. Должна быть глубокой…

Хорошо бы отключить КОРУ, но это, конечно, невозможно — даже если бы она не была надежно укрыта между его грудной клеткой и тканью

«Эластика». Датчик сердечной деятельности, который можно заставить молчать, хуже чем бесполезен — он просто опасен.

— Доктор Морган, — произнесла КОРА, на этот раз явно раздраженно. — Я, право же, настаиваю. Не менее получаса полного отдыха.

На сей раз Морган не стал отвечать. Он знал, что КОРА права, но ведь она не понимает, что речь идет не только об его жизни… К тому же он был уверен, что у нее — как и у его мостов — есть определенный запас прочности. Ее диагноз будет всегда пессимистическим, но положение не так серьезно, как она пытается внушить. По крайней мере, он на это надеялся.

Боль в груди и вправду не усиливалась. Он решил не обращать внимания ни на нее, ни на КОРУ и продолжал медленно и упорно пилить.

Нового предупреждения не последовало. Когда от «паука» оторвался балласт весом в четверть тонны, капсулу так тряхнуло, что Морган чуть не рухнул вниз головой в пропасть. Он выронил рулетку и рванулся к ремню безопасности.

Все происходило медленно, как во сне. Не было страха, была отчаянная решимость не поддаваться гравитации без борьбы. Но он никак не мог найти ремень безопасности — наверно, тот был

отброшен в кабину…

Внезапно Морган осознал, что его левая рука держится за наружную крышку люка. Но он не сразу пополз в кабину — его загипнотизировал падающий аккумулятор, который, подобно какому-то странному небесному телу, медленно вращаясь, постепенно исчезал из виду. Прошло много времени, прежде чем он совершенно скрылся с глаз, и только тогда Морган втащил себя внутрь кабины и рухнул в кресло.

Он долго сидел, ожидая нового возмущенного протеста КОРЫ: сердце бешено колотилось. Однако она молчала, словно испугалась не меньше его самого. Ну что ж, он больше не даст ей повода для упреков…

Окончательно придя в себя, он связался с Уорреном.

— Я избавился от аккумулятора. — Он услышал радостные возгласы. — Сейчас закрываю люк и двигаюсь дальше. Передайте Сессуи, чтобы они ждали меня через час. И поблагодарите «Кинте» за свет. Он мне больше не нужен.

Морган загерметизировал кабину, открыл шлем костюма и отхлебнул холодного апельсинового сока. Потом включил двигатель, отпустил тормоза и, когда «паук» набрал полную скорость,

с чувством бесконечного облегчения откинулся в кресле.

Лишь через несколько минут он ощутил, что ему чего-то не хватает. В тщетной надежде посмотрел на решетчатую площадку. Нет, ее там не было. Ничего, он достанет себе новую рулетку взамен той, что вслед за сброшенным аккумулятором падает сейчас вниз. В сущности, это не слишком дорогая плата за такой успех. Почему же он не может сполна насладиться своею победой?

Будто потерял верного старого друга…

48. ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ

Казалось невероятным, что опоздание составляет всего лишь тридцать минут: Морган готов был поклясться, что капсула стояла не менее часа. Наверху, в башне, до которой оставалось уже меньше двухсот километров, его наверняка ждет торжественная встреча…

Когда он превысил отметку 500 километров и продолжал двигаться, не сбавляя скорости, пришло поздравление с Земли.

— Кстати, — сказал ему Кингсли, — хранитель Риханского заповедника сообщил о крушении какого-то самолета. Мы его успокоили. Если найдем воронку, то сможем преподнести вам небольшой сувенир.

Но Морган не проявил ни малейшего желания снова увидеть проклятый аккумулятор. Вот если они найдут рулетку — но это совершенно безнадежно…

Первый дурной признак появился, когда до цели оставалось пятьдесят пять километров. К этому моменту скорость подъема должна была превысить двести километров в час. Она составляла всего сто девяносто восемь. Хотя отклонение

было незначительным и не могло оказать заметного влияния на время прибытия — Моргану стало не по себе.

В тридцати километрах от башни он понял, что ничего сделать нельзя. Хотя аккумулятор должен был иметь большой запас мощности, напряжение на выходе стало падать. Вероятно, это вызвано резкими толчками и повторными запусками двигателя; возможно, повреждены пластины.

Независимо от причин ток в двигателях медленно уменьшался, а с ним падала и скорость подъема.

Когда Морган доложил показания приборов, на Земле пришли в ужас.

— Боюсь, что вы правы, — чуть не плача сказал Кингсли. — Убавьте скорость до ста. Мы попытаемся оценить ресурс аккумулятора хотя бы ориентировочно.

Остается всего двадцать пять километров — четверть часа даже при этой ничтожной скорости! Если бы Морган умел молиться, он обратился бы к молитве.

— Судя по темпам падения тока, аккумулятора хватит минут на десять—двадцать. Боюсь, что придется туго.

— Тогда включите свой свет. Если мне не суждено добраться до башни, я хочу хотя бы взглянуть на нее.

Ни «Кинте», ни другие орбитальные станции не могли осветить основание башни. Для этого годился только прожектор Шри Канды, направленный вертикально в зенит.

Секунду спустя капсулу пронизал ослепительно яркий луч, исходивший из самого сердца Тапробани. Всего в нескольких метрах от Моргана — так близко, что казалось, он может до них дотянуться, — направляющие ленты, словно полосы света, сближаясь, уходили вверх. Он скользнул по ним взглядом — и увидел…

Всего в двадцати километрах! Минут через десять он должен был явиться туда, подняться сквозь люк этого маленького квадратного строения, сверкающего сейчас в небе, и, словно доисторический Дед Мороз, принести с собою подарки. Хотя он твердо решил отдохнуть и выполнять указания КОРЫ, сделать это было невозможно. У него напряглись все мускулы, словно он мог помочь «пауку» преодолеть эту ничтожную долю пути.

Десять километров. Звук двигателей изменился. Морган среагировал мгновенно. Не дожидаясь

совета с Земли, он сбавил скорость до пятидесяти километров. Но все равно остается еще десять минут хода, и он в отчаянии подумал, чем ему может грозить асимптотическое сближение. Это был вариант задачи об Ахиллесе и черепахе — если каждый раз, проходя половину пути, он будет вдвое снижать скорость, удастся ли ему достичь башни за конечный промежуток времени? Когда-то он не задумываясь отвечал на такие вопросы, но сейчас слишком устал…

С расстояния в пять километров уже можно было рассмотреть детали конструкции башни — рабочий помост и эфемерную защитную сетку, установленную в качестве подачки общественному мнению.

А потом все это потеряло смысл. За два километра до цели двигатели заглохли намертво. Капсула даже соскользнула на несколько метров вниз, прежде чем Морган успел пустить в ход тормоза.

Однако, к его удивлению, голос Кингсли звучал довольно спокойно.

— Еще не все потеряно. Дайте аккумулятору десять минут отдыха. У него еще остался какой-то запас мощности.

Это были самые долгие десять минут в жизни Моргана. Хотя мог сократить их, ответив на

отчаянные мольбы Максины Дюваль, него не осталось на разговоры капли душевных сил. Он был искренне огорчен, но надеялся, что Максина его поймет и простит.

Правда, он обменялся несколькими фразами с водителем-пилотом Чангом. Тот сообщил, что пленники башни чувствуют себя удовлетворительно и с нетерпением ждут его прибытия. Они по очереди смотрят на него через иллюминатор воздушного шлюза, и им просто не верится, что он, возможно, так и не преодолеем ничтожного расстояния, разделяющего их сейчас.

Морган дал аккумулятору лишнюю минуту — на счастье. К его облегчению, двигатели активно включились, и «паук» снова пополз вверх, но в полукилометре от башни снова остановился.

— Еще одна попытка, и все будет нормально, — бодро сказал Кингсли. Однако на этот раз уверенность друга показалась Моргану несколько вымученной. — Простите за все эти задержки…

— Еще десять минут? — безропотно спросил Морган.

— Боюсь, что да. И примените полминутные импульсы с интервалом в минуту. Таким путем из аккумулятора будет извлечено все до последнего эрга.

«И из меня тоже», — подумал Морган. Странно, что КОРА так долго молчит…

Поглощенный мыслями о «пауке», он совершенно пренебрег собой, начисто забыв о тонизирующих таблетках и о фляжке с фруктовым соком. Приняв дозу того и другого, он почувствовал себя гораздо лучше и теперь мечтал об одном — как бы передать свои лишние калории умирающему аккумулятору.

Последнее усилие. Неудача немыслима, ведь он так близок к цели! Судьба не может быть настолько несправедливой — ведь осталась какая-то сотня метров…

Однако сколько самолетов, благополучно перелетев океан, врезалось в землю у самой посадочной полосы? Сколько раз отказывали механизм или мышцы, когда оставалось преодолеть последние километры? Так по какому праву ждет он иной судьбы?

Капсула рывками поднималась вверх, словно издыхающий зверь в поисках последнего прибежища. Когда аккумулятор окончательно иссяк, Моргану показалось, что основание башни заполнило собою полнеба.

Но до нее все еще оставалось двадцать метров.

49. ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

К чести Моргана, в тот отчаянный, безысходный миг, когда иссякли последние остатки энергии, он смирился со своей участью. Лишь спустя несколько минут его осенило, что стоит отпустить тормоза — и уже через три часа он будет спокойно спать в постели. Никто не поставит ему в вину неудачу экспедиции — он сделал все, что было в человеческих силах.

Некоторое время он с яростью смотрел на недосягаемый квадрат, осененный тенью «паука». В голове вихрем проносились планы, один безумнее другого. Если бы, например, с ним была его верная рулетка… Все равно он никак не смог бы забросить ее в башню. Если бы у несчастных был скафандр, кто-нибудь мог спустить к нему канат — но все скафандры сгорели вместе с транспортером.

Конечно, если бы это была теледрама, а не живая жизнь, какой-нибудь герой или, еще лучше, героиня, мог благородно выйти из воздушного шлюза, бросить канат и, используя те пятнадцать секунд, в течение которых у человека, очутившегося в вакууме, еще продолжает действовать

сознание, спасти остальных. О мере отчаяния Моргана можно судить по тому, что он какую-то долю секунды обдумывал даже эту возможность.

С того времени, как «паук» признал себя побежденным в битве с силой тяжести, и до того, как Морган окончательно смирился с мыслью, что сделать больше ничего нельзя, прошло, вероятно, менее минуты. Потом Уоррен Кингсли задал ему вопрос, который в такой момент показался раздражающе-нелепым.

— Повторите еще раз дистанцию, Ван. Скажите точно, сколько вам осталось до башни.

— Какая разница? Допустим, световой год.

Земля на короткое время умолкла, потом Кингсли заговорил с ним тоном, каким обращаются к маленькому ребенку или тяжело больному старику.

— Разница огромная. Вы, кажется, упоминали о двадцати метрах?

— Да, что-то около того.

Невероятно, однако несомненно. Уоррен с облегчением вздохнул. В его голосе даже прозвучала радость:

— А я — то все эти годы воображал, будто вы действительно Главный инженер проекта. Предположим, что это ровно двадцать метров…

Восторженный вопль Моргана прервал его на полуслове.

— Ну и болван же я! Передайте Сессуи, что я состыкуюсь через… через пятнадцать минут.

— Через четырнадцать с половиной, если вы верно определили расстояние. И ничто в мире вас не остановит.

Утверждение спорное, и Морган предпочел бы, чтобы Кингсли его не делал. Стыковочные механизмы иногда все же отказывают. А данную систему вообще никто еще не испытывал.

Провал памяти не особенно его смутил. В конце концов в состоянии сильного стресса человек может забыть номер своего телефона и даже дату рождения. А фактор, который теперь приобрел решающее значение, был до сих пор столь незначительным, что им можно было полностью пренебречь.

Итак, все это вопрос относительности. Он не мог добраться до башни, но башня могла приблизиться к нему — со своей непреложной скоростью два километра в день.

50. СТЫКОВКА

Когда собирали самую легкую часть башни, скорость ее движения составляла тридцать километров в день. Теперь, когда на орбите завершалось строительство самой тяжелой ее части, скорость спуска снизилась до двух километров. Этого вполне достаточно — у Моргана хватит времени проверить соосность стыковочных механизмов и мысленно прорепетировать свои действия за те ответственные секунды, которые отделяют завершение стыковки от момента, когда он отпустит тормоза «паука». Если слишком долго держать «паука» на тормозах, капсула вступит в неравную борьбу с движущимися мегатоннами башни.

Это были долгие, но спокойные пятнадцать минут — Морган надеялся, что они утихомирят КОРУ. Под конец все, казалось, пошло очень быстро, и в последний момент, когда на него начала опускаться тяжелая крыша, он почувствовал себя муравьем, которого вот-вот раздавит мощный пресс. Секунду основание башни находилось еще в нескольких метрах; спустя мгновение он ощутил и услышал толчок в стыковочном ме-

ханизме.

Потом, словно сигнал победы, на индикаторной панели вспыхнула надпись «Стыковка завершена». Еще десять секунд телескопические элементы будут поглощать энергию удара. Морган выждал половину этого времени и осторожно отпустил тормоза. Он был готов мгновенно зажать их снова, если «паук» начнет падать, но индикаторы говорили правду; башня и капсула надежно состыкованы. Остается подняться на несколько ступенек, и цель достигнута.

После доклада ликующим слушателям на станциях «Земля» и «Центральная» он сел перевести дух и вспомнил, что уже однажды побывал здесь. Двенадцать лет назад на расстоянии 36 тысяч километров отсюда. Тогда, после операции, которую за неимением лучшего термина назвали «закладкой первого камня», в «Фундаменте» состоялся небольшой банкет с шампанским из тюбиков и множеством тостов. Отмечалось не только завершение строительства первой части башни. Это была та ее часть, которая в конце концов достигнет Земли. Морган вспомнил, что даже его старый недруг, сенатор Коллинз, в добродушной, хотя и несколько язвительной, речи пожелал ему успеха. А уж теперь гораздо больше оснований

для торжества.

До Моргана уже доносился слабый приветственный стук с той стороны воздушного шлюза. Он расстегнул ремень безопасности, взобрался на кресло и начал подниматься по лестнице. Крышка верхнего люка оказала слабое сопротивление, словно ополчившиеся против него силы предприняли последнюю попытку его остановить. Потом он услышал короткий свист это выравнивалось давление. Круглая плита опустилась, и нетерпеливые руки втащили его в башню. Вдохнув зловонный воздух, он удивился, что люди еще живы. Если бы его экспедиция не удалась, вторая спасательная команда явилась бы слишком поздно.

Пустую мрачную камеру освещали тусклые лампочки с питанием от солнечных панелей — эти элементы свыше десятилетия терпеливо улавливали солнечный свет на случай чрезвычайных обстоятельств, которые наконец наступили. Перед Морганом предстала сцена из времен стародавних войн — бездомные беженцы из разрушенного города укрылись в бомбоубежище с немногочисленными жалкими пожитками, которые им удалось спасти. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из беженцев в те далекие времена

имел при себе сумки с надписями: «Корпорация лунных отелей», «Собственность Республики Марс» или вездесущее «Можно/нельзя хранить в вакууме». Вряд ли они были бы так обрадованы: даже те, кто для экономии кислорода лежал на полу, улыбались и махали рукой. Не успел Морган ответить на приветствия, как у него подкосились ноги и потемнело в глазах. Он ни разу в жизни не падал в обморок и, когда струя холодного кислорода привела его в себя, прежде всего страшно смутился. Открыв глаза, он увидел, что над ним склоняются какие-то фигуры в масках. Сначала он решил, что попал в больницу, но потом зрение и мозг адаптировались. Пока он лежал здесь, очевидно, распаковали привезенный им драгоценный груз.

Маски были молекулярными фильтрами: они задерживали углекислый газ, но пропускали кислород. Простые в применении, но бесконечно сложные технически, они позволяли человеку жить в атмосфере, где он иначе мгновенно бы задохнулся. Правда, дышать сквозь них было немного труднее обычного, но природа никогда ничего не дает даром, а уж эта плата совсем невысока.

Нетвердо держась на ногах, но отказываясь

от помощи, Морган поднялся и с некоторым опозданием был представлен спасенным. Его беспокоило одно: не произнесла ли КОРА одну из своих заученных речей? Ему не хотелось поднимать этот вопрос, но все же…

— От имени всех присутствующих, — сказал профессор Сессуи глубоко искренне, но явно чувствуя себя неловко, ибо никогда не отличался вежливостью, — я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали. Мы обязаны вам жизнью.

Любой логичный ответ неизбежно отдавал бы ложной скромностью, и Морган, сделав вид, будто не может натянуть маску, пробормотал что-то невнятное. Он хотел выяснить, все ли разгружено, но тут профессор Сессуи озабоченно проговорил:

— Мне очень жаль, но стула вам предложить не могу. Вот лучшее, что у нас есть, — он указал на пару пустых ящиков. — Вам действительно не следует волноваться.

Фраза была знакомой — значит, КОРА все-таки говорила. Наступила несколько принужденная пауза — Морган отметил про себя этот факт, остальные поняли, что он это понял, а он, в свою очередь, понял это.

Он сделал несколько глубоких вздохов — по-

разительно, как быстро привыкаешь к этим маскам, — и уселся на предложенный ящик. «Ни за что не упаду больше в обморок, — с мрачной решимостью сказал он себе. Надо сделать свое дело и как можно скорее отсюда убираться. По возможности до новых заявлений КОРЫ».

— Этот уплотнитель, — сказал он, указывая на самый маленький из привезенных контейнеров, — ликвидирует утечку. Разбрызгайте его вокруг сальников воздушного шлюза. Он затвердевает за несколько секунд. Пользуйтесь кислородом только в случае нужды — он может вам понадобиться для сна. Вот маски-фильтры на каждого и еще несколько запасных. Кроме того, продовольствие и вода на три дня — это более чем достаточно. Завтра здесь будет транспортер со станции «10-К». Ну а что касается аптечки, то, надеюсь, она вам не понадобится.

Он замолк, чтобы отдышаться — говорить через маску-фильтр не очень удобно, к тому же он все больше ощущал потребность экономить силы.

Люди Сессуи теперь не пропадут, а ему остается сделать только одно — и чем скорее, тем лучше.

Повернувшись к водителю Чангу, он сказал:

— Пожалуйста, помогите мне надеть скафандр. Я хочу проверить состояние ленты.

— Но ваш скафандр рассчитан всего на полчаса автономной работы!

— Мне нужно десять минут — максимум пятнадцать.

— Доктор Морган, но никому не разрешается выходить в космос без запасного ранца. Конечно, за исключением аварийной обстановки.

Морган устало улыбнулся. Чанг прав, непосредственная опасность миновала. Но судить о том, что такое аварийная обстановка прерогатива Главного инженера.

— Я хочу осмотреть повреждения и проверить ленту. Будет досадно, если люди со станции «10-К» из-за какого-то непредвиденного препятствия не смогут до вас добраться.

Чанг был явно не в восторге (интересно, что все-таки наболтала эта сплетница КОРА?), но спорить не стал и вслед за Морганом отправился в северный шлюз.

Перед тем, как опустить смотровое стекло шлема, Морган спросил:

— Много у вас хлопот с профессором?

Чанг покачал головой.

— По-моему, углекислый газ его утихомирил. А если он начнет снова — нас шестеро против одного. Хотя я и не уверен в его студентах. Неко-

торые такие же психи, как он, посмотрите на ту девицу, которая пишет в углу. Она уверена, что Солнце то ли угасает, то ли взрывается, и хочет перед смертью предупредить человечество. Не знаю, какой от этого прок. Лично я предпочел бы ничего не знать.

Морган невольно улыбнулся. Среди студентов Сессуи нет ненормальных. Возможно, они эксцентричны, но все без исключения талантливы, иначе они бы с ним не работали. Когда-нибудь он поближе с ними познакомится, но для этого надо, чтобы все они вернулись на Землю — каждый своим путем.

— Я хочу быстро обойти башню, — сказал он, — и учесть все повреждения для доклада на «Центральную». Это займет не больше десяти минут.

Водитель-пилот Чанг молча закрыл внутреннюю крышку воздушного шлюза.

51. ВИД С БАЛКОНА

Внешняя дверь северного воздушного шлюза легко открылась, впустив прямоугольник непроницаемой тьмы, перечеркнутый горизонтальной огненной линией защитного поручня, который сверкал в луче прожектора, нацеленного в зенит с далекой горы внизу. Морган сделал глубокий вдох; он чувствовал себя прекрасно. Потом махнул рукой Чангу, смотревшему через иллюминатор внутренней двери, и вышел.

Рабочий помост, окружавший «Фундамент», представлял собой металлическую решетку шириной в два метра, а за ним еще на тридцать метров тянулась защитная сетка. Та часть «Фундамента», которая была видна Моргану, за долгие годы терпеливого ожидания нисколько не пострадала.

Он начал обход башни, заслоняя глаза от ослепительного блеска, исходившего снизу. Боковое освещение подчеркивало малейшие выпуклости и изъяны поверхности, которая уходила ввысь, как дорога к звездам…

Как и думал Морган, взрыв на той Стороне не причинил здесь никакого ущерба; для этого по-

требовалась бы самая настоящая атомная бомба. Держась рядом с отвесной гранью башни, Морган медленно пошел к западу. Огибая угол, он оглянулся на открытую дверь воздушного шлюза, потом смело двинулся вперед, вдоль ровной глухой стены западной грани.

Его охватила странная смесь душевного подъема и страха. Ничего подобного он не ощущал с тех пор, как научился плавать и в первый раз оказался на глубоком месте, где под ногами не было дна. Хотя он был уверен, что опасности нет, она все равно может где-то его подстерегать. Он остро ощущал присутствие КОРЫ, затаившейся в ожидании подходящего момента. Однако он не привык бросать работу неоконченной.

Западная грань ничем не отличалась от северной — разве что отсутствием воздушного шлюза. Здесь тоже не было повреждений.

Подавляя желание спешить — ведь он провел снаружи всего-навсего три минуты, — Морган приблизился к следующему углу. Еще не успев его обогнуть, он понял, что не сможет закончить намеченный обход. Рабочий помост искореженным языком металла свисал в бездну. От защитной сетки вообще не осталось следа — ее, очевидно, сорвал падающий транспортер.

Не надо испытывать судьбу, сказал себе Морган, однако все же заглянул за угол, держась за изуродованный остаток защитного поручня. У стены застряло довольно много обломков, но не было ничего такого, что несколько человек с газовыми резаками не смогли бы устранить за несколько часов. Морган подробно описал все Чангу по радио; водитель-пилот облегченно вздохнул и стал уговаривать его как можно скорее возвращаться.

— Не беспокойтесь, — отвечал Морган. — У меня остается еще десять минут, а пройти надо тридцать метров. Мне хватит даже того воздуха, что есть у меня в легких.

Однако он не собирался ставить такой эксперимент. Для одной ночи волнений вполне достаточно. Более чем достаточно, если верить КОРЕ. Отныне он будет беспрекословно выполнять все ее приказы.

Вернувшись к открытой двери воздушного шлюза, он несколько секунд постоял возле защитного поручня, купаясь в фонтане света, бьющего с далекой вершины Шри Канды. Его тело отбрасывало гигантски длинную тень прямо вдоль стены башни, вертикально вверх к звездам. Эта тень, вероятно, простирается на много тысяч километров, и Моргану пришло в голову, что она

может даже коснуться транспортера, который сейчас быстро падает со станции «10-К». Если помахать руками, спасатели увидят его сигналы, и он сможет поговорить с ними по азбуке Морзе.

Эта забавная мысль породила другую, более серьезную. Не лучше ли подождать здесь вместе с остальными и не рисковать, возвращаясь на Землю в «пауке»? Но подъем на «Центральную», где имеются хорошие врачи, займет целую неделю. Это неразумно — ведь на Шри Канду он вернется меньше чем за три часа.

Пора возвращаться — воздуха остается мало, а смотреть больше не на что. Какая жестокая ирония, если подумать о потрясающих видах, которые обычно открываются отсюда и днем и ночью. Однако сейчас и планета внизу, и небо над головой не видны из-за ослепительного луча со Шри Канды; Морган стоит в узком столбе света, окруженном непроницаемой тьмой. Трудно поверить, что он в космосе, хотя бы из-за ощущения веса. Морган чувствовал себя в такой же безопасности, как если бы стоял на самой горе, а не на высоте шестисот километров. Вот мысль, которой нужно насладиться и увезти с собой на Землю.

Он погладил неподатливую поверхность башни, которая по сравнению с ним была во много

раз огромнее, чем слон по сравнению с амебой. Но амеба никогда не сможет придумать слона — а тем более его создать.

— Через год увидимся на Земле, — прошептал Морган и медленно закрыл за собой дверь.

52. ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Морган пробыл в «Фундаменте» всего пять минут — обмениваться любезностями было некогда, к тому же он не хотел зря расходовать драгоценный кислород, который с таким трудом сюда доставил. Он пожал всем руки и забрался в кабину «паука».

Как приятно снова дышать без маски; еще приятнее сознавать, что экспедиция завершилась успешно и не пройдет трех часов, как он вернется на Землю. Правда, после всех усилий, которые потребовались, чтобы добраться до башни, ему не очень хотелось вновь покоряться силе тяжести, хотя теперь она понесет его домой. Но все-таки он освободил стыковочные замки и начал движение вниз, на несколько секунд сделавшись невесомым.

Когда индикатор скорости показал триста километров в час, вступила в действие автоматическая тормозная система, и Морган снова обрел вес. Варварски истощенный аккумулятор теперь заряжался, но, вероятно, поврежден до такой степени, что его остается только выбросить.

Зловещая параллель — Морган невольно по-

думал о своем собственном перенапряженном организме, но гордость и упрямство все еще мешали ему связаться с врачом. Он прибегнет к этому лишь в том случае, если КОРА снова заговорит.

Теперь, когда он быстро падал сквозь мрак, она молчала. Моргана охватило ощущение полного покоя, и он предоставил «пауку» самому позаботиться о себе, пока он наслаждается зрелищем ночного неба. С космических кораблей редко открывается такая необъятная панорама, и мало кто из людей мог в таких великолепных условиях наблюдать звезды. Полярное сияние совершенно погасло, прожектор выключили, и ничто не могло теперь соперничать с блеском созвездий.

Ничто, кроме звезд, созданных человеком. Почти прямо над головой сверкал сигнальный огонь «Ашоки», вечно парящей над Индостаном всего в нескольких сотнях километров от комплекса башни. Ближе к востоку находился «Конфуций», еще ниже «Камехамеха», а высоко на западе светились «Кинте» и «Имхотеп». Это лишь самые яркие вехи, расставленные вдоль экватора; существовали еще десятки других, гораздо более ярких, чем Сириус. Как изумился бы астроном былых времен при виде этого небесного ожере-

лья, как был бы он озадачен, когда, понаблюдав около часа, понял бы, что эти светила совершенно неподвижны — не восходят и не заходят — между тем как знакомые человеку звезды продолжают свой извечный путь.

Глядя на алмазное ожерелье, протянутое по небу, Морган мысленно увидел нечто еще более величественное. Небольшое усилие воображения, и эти рукотворные звезды превратились в фонари колоссального моста… Фантазии становились все безумнее. Как назывался мост в Валгаллу, по которому герои скандинавских легенд переходили из этого мира в мир иной? Он не мог вспомнить, но какая это была прекрасная мечта! А другие существа задолго до появления человека! Быть может, и они тщетно пытались перебросить мост в небеса своей вселенной? Морган подумал о великолепных кольцах Сатурна, о призрачных арках Нептуна и Урана… Хотя он отлично знал, что ни на одной из этих планет никогда не было ни малейших следов жизни, его забавляла мысль, что их кольца лишь развалины древних мостов.

Ему очень хотелось спать, но воображение ухватилось за эту мысль и, как собака, нашедшая кость, ни за что ее не выпускало. Идея не была

абсурдной — она не была даже оригинальной. Размеры синхронных станций уже составляли десятки километров, многие были соединены кабелями, простиравшимися на значительную часть их орбиты. Соединить их все и создать таким образом кольцо вокруг Земли было бы технически гораздо проще, чем построить башню, и на это потребовалось бы гораздо меньше материала.

Нет, не кольцо, а колесо. Эта башня — всего лишь первая спица. За ней последуют другие (четыре? шесть? двенадцать?) с определенными интервалами вдоль экватора. Когда их все соединят друг с другом на орбите, проблема устойчивости, докучавшая строителям отдельной башни, исчезнет. Африка, Южная Америка, острова Гильберта, Индонезия — все они, если нужно, смогут предоставить места для конечных станций на Земле, ибо настанет время, когда благодаря усовершенствованным материалам башни станут неуязвимыми даже для самых сильных ураганов и необходимость в высокогорных станциях отпадет. Если бы строительство началось через сто лет, возможно, не пришлось бы изгонять монахов…

Пока Морган предавался мечтам, на востоке

незаметно поднялся серп убывающей Луны, уже порозовевшей в первых лучах рассвета. Морган напряг зрение, чтобы насладиться неведомым в прежние века дивным зрелищем — звездой в объятиях лунного серпа. Хотя Луна светилась так ярко, что можно было разглядеть многие подробности этой ночной страны, ни один из городов второй родины человека сегодня не был виден.

Осталось двести километров — меньше часа пути. Можно спокойно уснуть — «паук» снабжен автоматической программой приземления и совершит посадку, не нарушая его сон…

Сначала Моргана разбудила боль, спустя какую-то долю секунды — КОРА.

— Не двигайтесь, — невозмутимо сказала она. — Я вызвала по радио «Скорую помощь». Она уже в пути.

Забавно. Но не надо смеяться, сказал себе Морган. Она лишь выполняет свой долг. Он не ощущал страха; хотя боль в груди была очень сильной, она не лишала его способности мыслить. Он попытался сосредоточиться на боли, и это заметно ее облегчило.

Уоррен вызывал его к телефону, но слова казались далекими и лишенными смысла. Он почувствовал тревогу в голосе друга, и ему очень

хотелось его утешить, но у него не осталось сил, чтобы обдумать эту или какую-нибудь другую задачу. Теперь он уже не слышал слов: слабый, но непрерывный гул заглушил все остальные звуки. Хотя Морган понимал, что гул этот существует только у него в мозгу или в ушах, ему казалось, будто он стоит у огромного водопада…

Гул становился тише, слабее, музыкальнее. И наконец, Морган его узнал. Как приятно в немых пределах космоса снова услышать звук, который запомнился ему с первого посещения Яккагалы!

Сила тяжести влекла его к дому. Точно так же ее невидимая рука, протянувшись сквозь столетия, определила траекторию Райских фонтанов. Но он создал нечто, чем сила тяжести уже не завладеет вновь, пока у людей останется мудрость и желание это сохранить.

Звезды стали меркнуть — гораздо быстрее, чем им полагалось. Как странно — хоть день уже почти наступил, все вокруг погружается в темноту. А фонтаны падают на Землю, и голоса их звучат все слабее… слабее… слабее…

Потом раздался другой голос, но Ванневар Морган его не услышал. Перемежая свои возгласы короткими пронзительными сигналами, КОРА кричала разгоравшейся заре:

— Помогите!

Это сигнал тревоги КОРЫ!

Все, кто меня слышит, пожалуйста, спешите сюда!

Помогите!

Она все еще продолжала кричать, когда взошло Солнце, и его первые лучи ласково коснулись вершины горы, которая прежде была священной. Далеко внизу тень Шри Канды взметнулась в облака, и ее идеальный конус все еще был безупречен, несмотря на все то, что сделал с ней человек.

Теперь здесь не было пилигримов, которые могли бы созерцать этот символ вечности, осенивший чело пробуждающейся земли. Но пройдут века, и его увидят миллионы, в безопасности и комфорте совершающие путь к звездам.

53. ЭПИЛОГ: ТРИУМФ КАЛИДАСЫ

В последние дни последнего короткого лета, перед тем как челюсти льдов сомкнулись на экваторе, на Яккагалу прибыл один из посланников родины Звездолёта.

Повелитель Материи, он лишь недавно воплотился в человеческий облик. Сходство, если не считать ничтожной детали, было поразительным, но десяток ребят, сопровождавших пришельца, беспрерывно хихикали.

— Почему вы смеетесь? — вопрошал он почти без акцента. Но они упорно не желали объяснять пришельцу, чье зрение целиком лежало в инфракрасной области спектра, что человеческая кожа отнюдь не является хаотической мозаикой из зеленых, красных и синих пятен. Даже когда он пригрозил, что сейчас превратится в тиранозавра и проглотит их всех до единого, ребята все равно отказались удовлетворить его любопытство. Они даже указали ему — существу, преодолевшему десятки световых лет и вобравшему в себя знания тридцати веков! — что массы в какую-то сотню килограммов вряд ли хватит на внушительного динозавра.

Пришелец не спорил — он был терпелив, а биология и психология земных детей были бесконечно занимательны. Впрочем, таковы дети всех живых существ — тех, конечно, у которых бывают дети. Изучив девять таких биологических видов, пришелец почти представлял себе, что значит расти, достигать зрелости, умирать… Почти, но не до конца.

Перед десятком человечков и одним нечеловеком простиралась пустая земля; ее некогда роскошные поля и леса погубило холодное дыхание севера и юга. Изящные кокосовые пальмы давно исчезли, и даже могучие сосны, занявшие их место, превратились в скелеты, чьи корни сковала вечная мерзлота. Жизнь отступила с земной поверхности; лишь в океанской пучине, где внутренний жар еще сдерживал образование льда, ползали и плавали, пожирая друг друга, немногочисленные слепые изголодавшиеся твари.

Но существу, чья родная планета вращалась вокруг тусклого красного карлика, свет Солнца, лившийся с ясного небосвода, казался невыносимо ярким. Хотя болезнь, поразившая сердце звезды тысячу лет назад, отняла у нее все тепло, ее свирепые холодные лучи озаряли поле брани, блистая на наступающих льдах.

На детей, пробуждавшиеся души которых пировали на празднике жизни, отрицательные температуры действовали возбуждающе. Они голышом плясали в сугробах, вздымая босыми ногами сверкающие облака снега и вынуждая своих электронных симбионтов то и дело бить тревогу: «Не заглушайте температурных рецепторов!». Ведь ребята были еще слишком юны, чтобы восстанавливать конечности без помощи взрослых…

Самый старший из мальчиков устроил целое представление: он пошел в атаку на холод, объявив себя стихией огня. (Пришелец отметил этот термин для дальнейшего изучения, которое позже, впрочем, привело его в тупик.) На месте маленького хвастунишки виден был лишь столб пара и пламени, скачущий по древней кладке; другие дети подчеркнуто игнорировали этот не слишком серьезный спектакль.

Для пришельца, однако, он был связан с одним крайне любопытным парадоксом. Почему все-таки эти люди отступили на внутренние планеты, вместо того чтобы, подобно своим братьям на Марсе, противопоставить холоду те силы, которыми они теперь обладают? На этот вопрос он еще не получил удовлетворительного ответа. Он

вспомнил загадочное заявление АРИСТОТЕЛЯ, с которым ему было здесь проще всего общаться.

— Всему свое время, — объяснил всемирный мозг. — Иногда нужно бороться с природой, иногда — покориться ей. Истинная мудрость заключается в правильном выборе. Когда зима закончится, человек возвратится на обновленную Землю.

И вот в течение нескольких последних веков все население Земли поднялось по экваториальным башням в небо и улетело в сторону Солнца, к юным океанам Венеры и плодородным равнинам умеренной зоны Меркурия. Через пятьсот лет, когда Солнце оправится от болезни, изгнанники вернутся; домой. Меркурий — за исключением полярных районов — опустеет, тогда как Венера останется постоянным пристанищем человека. Угасшее Солнце дало стимул и возможность для покорения этого адского мира.

Сами по себе важные, все эти вещи касались гостя лишь косвенно; его главные интересы лежали в области более тонких аспектов человеческой культуры и человеческого общества. Каждый разумный вид уникален; каждому присущи собственные достоинства и недостатки. В солнечной системе пришелец ознакомился с обескуражива-

ющим понятием отрицательной информации. По местной терминологии — Юмор, Фантазия, Миф.

Столкнувшись с этим странным явлением, пришелец неоднократно говорил себе: «Нам никогда не понять людей». Сначала он был настолько расстроен, что даже испугался случайного перевоплощения, со всеми неприятными последствиями. Однако с тех пор он далеко продвинулся вперед; он все еще хорошо помнил свое удовлетворение, когда впервые пошутил — и все дети смеялись.

Работать с детьми предложил ему опять-таки АРИСТОТЕЛЬ. «Есть старая пословица; дитя — отец человека. Хотя биологическая концепция отцовства одинаково чужда нам обоим, в данном контексте это слово имеет двойной смысл...»

Поэтому пришелец надеялся, что дети помогут ему понять взрослых, в которых они постепенно превращались. Иногда они говорили правду; но даже когда они веселились (опять очень непростое понятие) и производили отрицательную информацию, пришельца это уже не обескураживало.

Но были случаи, когда ни дети, ни взрослые, ни даже АРИСТОТЕЛЬ не знали правды. Получалось, что имеется непрерывный спектр между

абсолютной фантазией и непреложным фактом, со всеми мыслимыми Промежуточными оттенками. На одном конце спектра стояли такие исторические фигуры, как Колумб, Леонардо, Эйнштейн, Ленин, Ньютон, Вашингтон, от которых во многих случаях остались даже голоса и изображения. На другом полюсе находились Зевс, Алиса, Кинг Конг, Гулливер, которые никак не могли существовать в реальном мире. Но куда отнести Робина Гуда, Тарзана, Христа, Шерлока Холмса, Одиссея, Франкенштейна? Ведь все они, с некоторой натяжкой, вполне могли бы существовать в реальности…

Слоновий Трон за три тысячи лет почти не изменился, но никогда еще ему не доводилось держать на себе столь чуждого гостя. Глядя на юг, пришелец сравнивал колонну полукилометровой толщины, уходившую ввысь с горы, с техническими достижениями других миров. Для столь юной расы колонна, пожалуй, достаточно внушительна. Она, хотя и кажется, что вот-вот обрушится с неба, стоит уже пятнадцать веков.

Разумеется, не в своей нынешней форме. Первые сто километров теперь представляют собой вертикальный город (частично его просторные этажи все еще заселены), через который 16 пар

рельсовых путей провозили когда-то по миллиону пассажиров в день. Теперь действуют только две из этих дорог; через несколько часов пришелец вместе со своей жизнерадостной свитой вознесется по этой огромной рифленой колонне назад в Кольцевой Город, опоясывающий земной шар.

Пришелец настроил глаза на телескопическое зрение и пристально всмотрелся в зенит. Да, вот она — днем разглядеть ее нелегко, но ночью, когда солнечный свет, льющийся мимо земной тени, все еще ярко ее освещает, она хорошо видна. Светящаяся полоска, разрезающая небо на два полушария, сама по себе — целый мир, где полмиллиарда человеческих существ выбрали жизнь в условиях вечной невесомости.

И там, возле Кольцевого Города, стоял звездолет, который перенес посланника и всех остальных Членов Роя через межзвездные бездны. Сейчас его готовили к новому старту — без особой спешки, но все же на несколько лет раньше срока, — в очередной шестисотлетний отрезок пути. Конечно, для пришельца этого времени все равно что не будет: до конца путешествия он не собирался вновь воплощаться. Однако у цели ему предстоит, пожалуй, наиболее критический мо-

мент всей его долгой жизни. Ведь Звездный Зонд погиб — по крайней мере умолк, — едва достиг планетной системы. Такое произошло впервые. Возможно, зонд наконец вошел в контакт с таинственными Ловцами Зари, оставившими следы своего пребывания на столь многих мирах, в такой непостижимой близости к Началу начал. Если бы пришелец был способен испытывать благоговение или страх, то, представив свое будущее через шесть веков, он, несомненно, ощутил бы и то и другое.

Но сейчас он стоял на заснеженной вершине Яккагалы, неподалеку от подножия дороги человечества к звездам. Он подозвал ребят (они всегда знали, когда он действительно требует послушания) и показал на возвышающуюся на юге вершину.

— Вам хорошо известно, — произнес он с раздражением, которое лишь частично было притворным, — что Первый Земной Порт построен на две тысячи лет позже этого разрушенного дворца…

Дети все как один согласно кивнули.

— Так почему же, — спросил пришелец, скользнув взглядом по линии, протянувшейся от зенита к вершине горы, — почему вы называете эту

колонну башней Калидасы?

От автора

Автор исторических романов принимает на себя нешуточную ответственность, в особенности тогда, когда ведет читателя в стародавние времена и диковинные страны. Он не должен искажать факты и события, если они известны, а если они вымышлены, к чему нередко вынуждает его логика повествования, то его обязанность — провести разделительную черту между правдой и вымыслом.

Автор, избравший жанр научной фантастики, несет ответственность такого же рода, но возведенную в квадрат. Надеюсь, что пояснения, которые я сделаю ниже, не только помогут мне исполнить свой писательский долг, но и развлекут читателя и пойдут ему на пользу.

Тапробан и Шри Ланка

В интересах сюжета я позволил себе внести в географию острова Цейлон (ныне Шри Ланка) три небольших изменения. Я передвинул остров на восемьсот километров южнее, с тем чтобы он оказался на экваторе — как то и было двадцать

миллионов лет назад и, не исключено, когда-нибудь будет опять. В настоящее время Шри Ланка лежит между шестым и десятым градусом северной широты.

В придачу к этому я дерзнул удвоить высоту священной горы и приблизить ее к Яккагале. Ибо и гора и скала существуют в действительности и очень похожи на те, что выведены в моем романе.

Шри Пада, или Пик Адама, — единственная в своем роде коническая вершина; ее почитают священной как буддисты, так и мусульмане, индуисты и христиане, и на ней действительно стоит маленький монастырь. Внутри монастырской ограды в самом деле есть каменная плита с углублением, которое, хоть оно и достигает двухметровой длины, выдают за отпечаток ступни Будды.

Каждый год, вот уже в течение многих столетий, тысячи паломников предпринимают долгий подъем к вершине (2240 метров над уровнем моря). Некогда восхождение было трудным и опасным — теперь к вершине ведут две лестницы, несомненно самые длинные в мире. Однажды я и сам вскарабкался на Шри Паду, поддавшись уговорам Джереми Бернстайна из журнала New

Yorker, и потом лишился ног на несколько дней. Но впечатления стоили затраченных усилий: нам повезло, и мы наблюдали прекрасное, внушающее благоговейный трепет зрелище — тень на рассвете, совершенный в своей симметричности конус, накрывший облака под нами почти до горизонта и видимый лишь в первые минуты после восхода.

Позже я осматривал гору снова, с гораздо меньшей затратой сил, с борта вертолета воздушных сил Республики Шри Ланка; мы подлетали к монастырю настолько близко, что различимы были безучастные лица монахов, успевших смириться и с такими шумными вторжениями в их обитель.

Крепость на скале Яккагала в действительности называется Сигирия (или Сигирн, Львиная скала) она так удивительна сама по себе, что мне не было нужды ее приукрашивать. Единственная вольность, какую я допустил, носит хронологический характер: дворец на скале, по свидетельству сингалезской хроники «Чулавамса», был построен королем-отцеубийцей Касиапой I, царствовавшим в 478–495 гг. нашей эры. Впрочем, сомнительно, что эти циклопические постройки были возведены всего за

восемнадцать лет тираном, ожидавшим гибели в любой момент; много вероятнее, что реальная история Сигири берет свое начало на несколько веков ранее этих дат.

Специалисты яростно спорили о побуждениях, поступках и судьбе Касиапы — не так давно этим спорам дала новую пищу книга сингалезского ученого профессора Сенерата Паранавитаны «История Сигири»,[8] опубликованная после смерти автора. Я также многим обязан его монументальному исследованию надписей на Зеркальной стене «Автографы Сигири».[9] Некоторые из стихов, цитируемых в романе, приведены мною дословно, некоторые лишь слегка видоизменены.

Фрески, составляющие славу и гордость Сигирии, превосходно воспроизведены в изданном Нью-Йоркским обществом изобразительных искусств совместно с ЮНЕСКО альбоме «Цейлон: рисунки в храмах, молельнях и на скалах» (1957). В альбоме приводится и наиболее интересная из всех фресок, увы, уничтоженная в 60-х годах неведомыми вандалами. На ней отчетливо видно, как

---

[8] Примечания: 8
S.Paranavitana. The Story of Sigiri — Colombo, Lake House, 1972.

[9] Примечания: 9
S.Paranavitana. Sigiri Graffiti. — Oxford University Press, 1956.

служанка прислушивается к загадочной коробочке с откинутой крышкой, которую держит в правой руке; археологи оказались не в состоянии установить, что это за коробочка, но к моему предположению, что это древнесингалезский транзистор, отнеслись несерьезно.

Легенда о Сигирии была даже экранизирована режиссером де Грюнвальдом в фильме «Король-бог»; в роли Касиапы весьма впечатляюще выступил актер Ли Лоусон.

Космический лифт

Западный читатель впервые узнал об этой дерзкой идее из статьи «Постановка спутника Земли на мертвый якорь», написанной четырьмя учеными-океанографами: Джоном Д.Айзексом, Хью Брэднером, Джорджем Е.Бэкесом и Эллином С.Вайном и опубликованной в журнале Science в номере от 11 февраля 1966 г. Может показаться, странным, что с подобной идеей выступили именно океанографы, но надо учесть, что они едва ли не единственные, кого (со времен аэростатов заграждения) волнует проблема сверхдлинных кабелей, провисающих под собственной тяжестью. (Между прочим, именно имя доктора Эллина Вайна ныне увековечено

в названии судна для подводных исследований — «Элвин».)

Позднее было установлено, что аналогичная идея выдвинута на шесть лет раньше — и со значительно большим размахом — ленинградским инженером Ю.Н.Арцутановым.[10] Арцутанов описал (если использовать придуманный им очаровательный термин) «небесный фуникулер», поднимающий на синхронную орбиту не менее 12 тысяч тонн в сутки. Остается удивляться, что столь смелый проект привлек в то время так мало внимания: я не встречал упоминаний о нем нигде, кроме замечательного альбома рисунков Алексея Леонова и художника Соколова «Ждите нас, звезды» (Москва, 1967). Цветная репродукция (стр. 25) показывает «космический лифт» в действии, а подпись гласит: «...спутник как бы неподвижно будет висеть над головой, всегда в одной точке неба. Если со спутника опустить трос до поверхности Земли, то канатная дорога между Землей и небом готова. Можно построить грузо-пассажирский лифт Земля—спутник—Земля. Он будет двигаться без помощи ракетных двигателей».

---

[10] Примечания: 10
«Комсомольская правда» от 31 июля 1960 г.

Хотя генерал Леонов подарил мне экземпляр альбома, когда мы познакомились на венской конференции по мирному использованию космоса в 1968 г., я в то время попросту прошел мимо этой идеи, невзирая на тот поразительный факт, что космический лифт был нарисован над островом Шри Ланка! Возможно, я решил, что космонавт Леонов, известный шутник,[11] устроил мне небольшой розыгрыш…

Совершенно ясно одно: идея космического лифта назрела, и это доказывается хотя бы тем, что за десять лет после опубликования статьи Айзекса и его соавторов та же мысль была высказана совершенно независимо еще три раза. Подробнейшим образом, со множеством новых деталей, ее изложил Джером Пирсон в статье «Орбитальная башня: устройство для космических запусков, использующее энергию вращения Земли», напечатанной в журнале Acta Astronavtica за сентябрь — октябрь 1975 г. Доктор Пирсон был немало удивлен, когда узнал о том, что у него есть предшественники; компьютер, которому был

---

[11] Примечания: 11

И отменный дипломат. После показа в Вене фильма «2001: космическая Одиссея» он заметил (более лестного отзыва я не слышал никогда) «Мне кажется, будто я побывал в космосе дважды». Теперь, после совместного полета «Союз»—«Аполлон», он, смею надеяться, сказал бы «трижды». — *Прим. автора.*

поручен подбор литературы, прозевал их работы, и Пирсон обнаружил это, лишь познакомившись с моим выступлением перед комиссией по использованию космоса палаты представителей конгресса США (см. мою книгу «The View from Serendip» — «Вид с Серендипа»).

За шесть лет до Пирсона к тем же в принципе выводам пришли А.Р.Коллар и Дж. У.Флауэр в статье «Спутник с 24-часовым периодом обращения на (относительно) низкой орбите».[12] Авторы рассматривали вопрос, можно ли удержать синхронный спутник связи на высоте, гораздо меньшей, чем «законные» 36 тысяч километров, и не задумывались над тем, чтобы продлить трос до самой поверхности Земли, — но такая возможность прямо вытекает из логики их рассуждений.

А теперь разрешите скромно напомнить и о себе. Еще в 1963 г. в очерке «Мир спутников связи», написанном по заказу ЮНЕСКО и помещенном в журнале Astronautics в феврале следующего года, а недавно включенном мною в книгу «Голоса с неба», я писал: «Если же задуматься о более дальней перспективе, то надо упомянуть, что

[12] Примечания: 12
Journal of the British Interplanetary Society, т. 22, 1969, стр. 442–457

теоретически есть способы удержать спутник с 24-часовым периодом обращения и на меньшей высоте; но все эти способы основаны на технических решениях, вряд ли осуществимых в XX в. Предоставляю тем, кто заинтересуется проблемой, поразмыслить над ней самостоятельно».

Первым из таких «теоретических способов» был, конечно же, спутник на тросе, какой и предложили впоследствии Коллар и Флауэр. Но проведенные мной на случайном клочке бумаги черновые расчеты, основанные на прочности существующих материалов, внушили мне столь скептическое отношение к идее в целом, что я не удосужился тогда рассмотреть ее внимательнее. Окажись я менее консервативным или подвернись мне бумажка размером побольше, — я мог бы обогнать всех, за исключением самого Арцутанова…

Поскольку «Фонтаны рая», как я надеюсь, — роман, а не инженерный трактат, отсылаю всех желающих вникнуть в техническую сторону вопроса к специальной литературе, список которой удлиняется с каждым годом. Укажу, к примеру, на доклад Джерома Пирсона «Использование орбитальной башни для регулярного запуска в космос полезных грузов», сделанный на заседа-

нии 27-го конгресса Международной федерации астронавтики в октябре 1976 г., и интереснейшее сообщение Ганса Моравека «Якорь для несинхронных орбит», прочитанное на ежегодной конференции Американского общества астронавтики в Сан-Франциско 18–20 октября 1977 г.

Я глубоко благодарен моим друзьям — покойному А.В.Кливеру, профессору из Мюнхена Гарри О.Руппе и доктору Алану Бонду — за их ценные замечания относительно орбитальной башни. Если я не во всем согласился с ними, они ответственности за это не несут.

Уолтер Л.Морган (в родстве с Вэнневаром Морганом он, по моим сведениям, не состоит) и Гэри Гордон из лаборатории спутников связи, а также Л.Перек из отдела космических исследований ООН предоставили мне полезную информацию о стабильных районах синхронной орбиты; они указали, в частности, что естественные причины (прежде всего притяжение Солнца и Луны) вызовут неизбежное смещение спутника с заданной позиции, особенно в широтном направлении. Таким образом, Тапробан может в действительности не располагать теми преимуществами, какие я ему приписал; и все равно для орбитальной башни он подойдет лучше, нежели любая

другая точка планеты.

Предпочтительность высокогорья для размещения опорной площадки также остается под сомнением, и я признателен Сэму Брэнду из Лаборатории изучения окружающей среды на военно-морской базе в Монтерее за сведения об экваториальных ветрах. Если окажется, что башню можно без особого риска опустить до уровня моря, тогда остров Ган в Мальдивском архипелаге (ранее там была расположена база британских военно-воздушных сил), быть может, станет самым ценным земельным участком XXII столетия.

И последнее: не странное ли — чтобы не сказать жуткое — совпадение, что еще задолго до того, как я хотя бы задумал этот роман, меня помимо воли притянуло (именно притянуло) к месту его действия. Выяснилось, что дом, который я десять лет назад приобрел на полюбившемся мне участке ланкийского побережья (см. «Сокровище Большого рифа» и «Вид с Серендипа»), расположен, если не считать мелких океанских островков, предельно близко к району наибольшей геосинхронной устойчивости.

И в грядущие годы, отойдя от дел, я смогу следить за обломками ранней космической эры,

блуждающими в орбитальном Саргассовом море прямо над моей головой.

Коломбо
1969–1978 гг.

А вот еще одно необычайное совпадение из тех, какие я привык принимать как подарки судьбы…

Я правил гранки «Фонтанов рая», когда получил от доктора Джерома Пирсона копию технического меморандума НАСА № 75174 со статьей Г.Полякова «Космическое ожерелье Земли». Это перевод одноименной статьи из журнала «Техника — молодежи» № 4 за 1977 г.

В своей короткой, но захватывающе смелой статье доктор Поляков из Астраханского педагогического института описывает до мельчайших технических деталей предсмертное видение Моргана сплошное кольцо вокруг нашей планеты. При этом он рассматривает кольцо как естественное развитие идеи космического лифта, который в его представлении в сущности ничем не отличается от описанного мною на этих страницах.

От души приветствую товарища (Слово «товарищ» в оригинале транскрибировано латинскими буквами.) Полякова, и меня начинает тревожить вопрос: а не проявил ли я снова излиш-

ний консерватизм? Быть может, орбитальной башне суждено стать свершением не двадцать второго, а двадцать первого века?

И быть может, нашим внукам суждено доказать, что — иногда — и исполинские замыслы прекрасны.

Коломбо

18 сентября 1978 г.